

АРТ

СОДЕРЖАНИЕ (6+)

1383-2013

- Б. Морозов.* Устьвымский книгописный центр 4
Новые памятники древней коми письменности
конца XV – начала XVI вв. 6
- А. Красов.* Зыряне и св. Стефан Пермский. *Продолжение* .. 17

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

- А. Ванеев.* Чужан сиктöй менам. *Сонетьяс гөрöд* 42
Село моё родное. *Венок сонетов (Пер. Д. Фролова)* 43
- М. Лебедев.* Бурь-Ань. *(Повесть в пер. Е. Козлова)* 58
- Ф. Конев.* Зыряне. *Роман* 101

АРТ-ФАКТ

- И. Котылева.* Два саккоса — один текст: к вопросу о контексте
культуры времени царя Алексея Михайловича 148
- О. Сосновская:* «Артисты, как люди без кожи.
Очень ранимы...». *Интервью с Е. Шелест* 155
- О. Орлова.* Поиск «онежского» инварианта 166

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

- Е. Шапинская.* Прекрасная сыктывкарская весна:
размышления о культурных событиях в столице Коми ... 182
- Нам пишут 184
- Новости 186

Приложение к журналу:
Пётр Столповский «Замор. Пöдöм».
Перевод на коми язык О. И. Уляшева.

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республикаса литература, публицистика,
история, культурология да художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке в форме субсидии Агентством Республики Коми по печати и массовым коммуникациям.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители: *Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми войтыр»*

Главный редактор — Галина Бутырева
Зам. главного редактора — Павел Лимеров

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д.229, каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru <http://www.artlad.ru>

© «Арт», 1998 г.

Подписано к печати 11.09.13. Формат: 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29. Тираж — 1200 экз. Заказ 5409. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов, 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

Подписной индекс **78503**

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

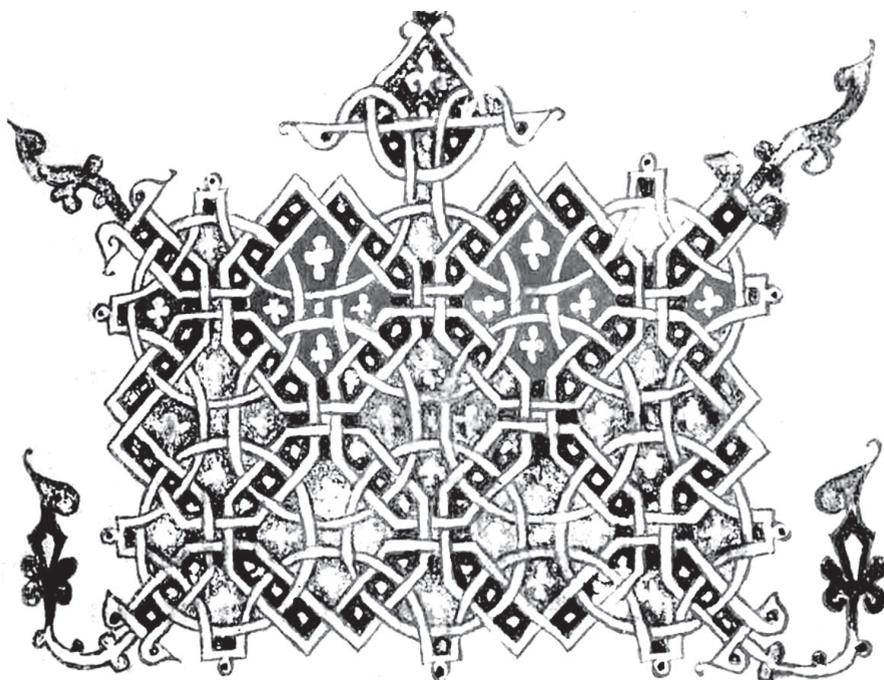
В оформлении обложки использован фрагмент саккоса. 1665 г. Сольвычегодск, строгановские мастерские.

В оформлении заставок использованы работы (©) Ю. Лисовского.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йöздöтöм гижöдъяс редакция оз рецензируют и авторъяслы найöс оз мöдöд. Редакция оз век во öти кывйö авторъяскöд.

1383-2013

Борис Морозов

Борис Николаевич Морозов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Археографической комиссии, работает в Институте славяноведения с 1984 года. Родился 9 сентября 1952 года в Москве. В 1975 году окончил МГИАИ, в 1984 году защитил в Институте истории СССР кандидатскую диссертацию «Частные архивы XVII века». Историк, археограф, источниковед. Специалист по отечественной истории XVI–XVII вв., истории древнерусских частных архивов и библиотек, истории русского дворянства, генеалогии. Участник «Вологодской программы» сводного описания книг и документов XVI–XX вв. в музеях Вологодской области, международного проекта по созданию компьютерного «Биографического банка данных Российского государства XIV – начала XVIII вв.» (результаты этой работы опубликованы в Финляндии,

в справочнике о российской элите XVII в.) и проекта по созданию «Каталога славяно-русских рукописных книг XVI в., хранящихся в РГАДА» (М., 2005. Т. 1). Член-корреспондент Международной генеалогической академии. Член правления Историкородословного общества в Москве. Преподаёт в РГГУ.

УСТЬВЫМСКИЙ КНИГОПИСНЫЙ ЦЕНТР

Центр создан при христианизации народа коми Стефаном Пермским в кон. XIV в. для переписки богослужебных текстов на древнекоми языке стефановской пермской азбукой. В дальнейшем, очевидно, книги писались преимущественно славянским кириллическим письмом. Достиг значительного расцвета в конце XV в. при епископе Филофее. При его устьвымской резиденции велось летописание, отразившееся в составленном, возможно, там же большом общерусском своде — Вологодско-Пермской летописи¹ и Вычегодско-Вымской (Михайло-Евтихиевской) летописи начала XVII в.² Значительный интерес представляют два исторических сборника конца XV – начала XVI вв., очевидно, связанные происхождением с канцелярией епископа.³ Филофей, вероятно, способствовал возрождению интереса к древнекоми письменности (известна его подпись стефановскими буквами), память о которой сохранялась среди владычных книжников. Древнейшим датированным памятником, созданным в Усть-Выми, является рукопись 1486 г. сочинений Исаака Сирина (в целом, кириллическая)⁴, содержащая целый ряд записей пермской азбукой

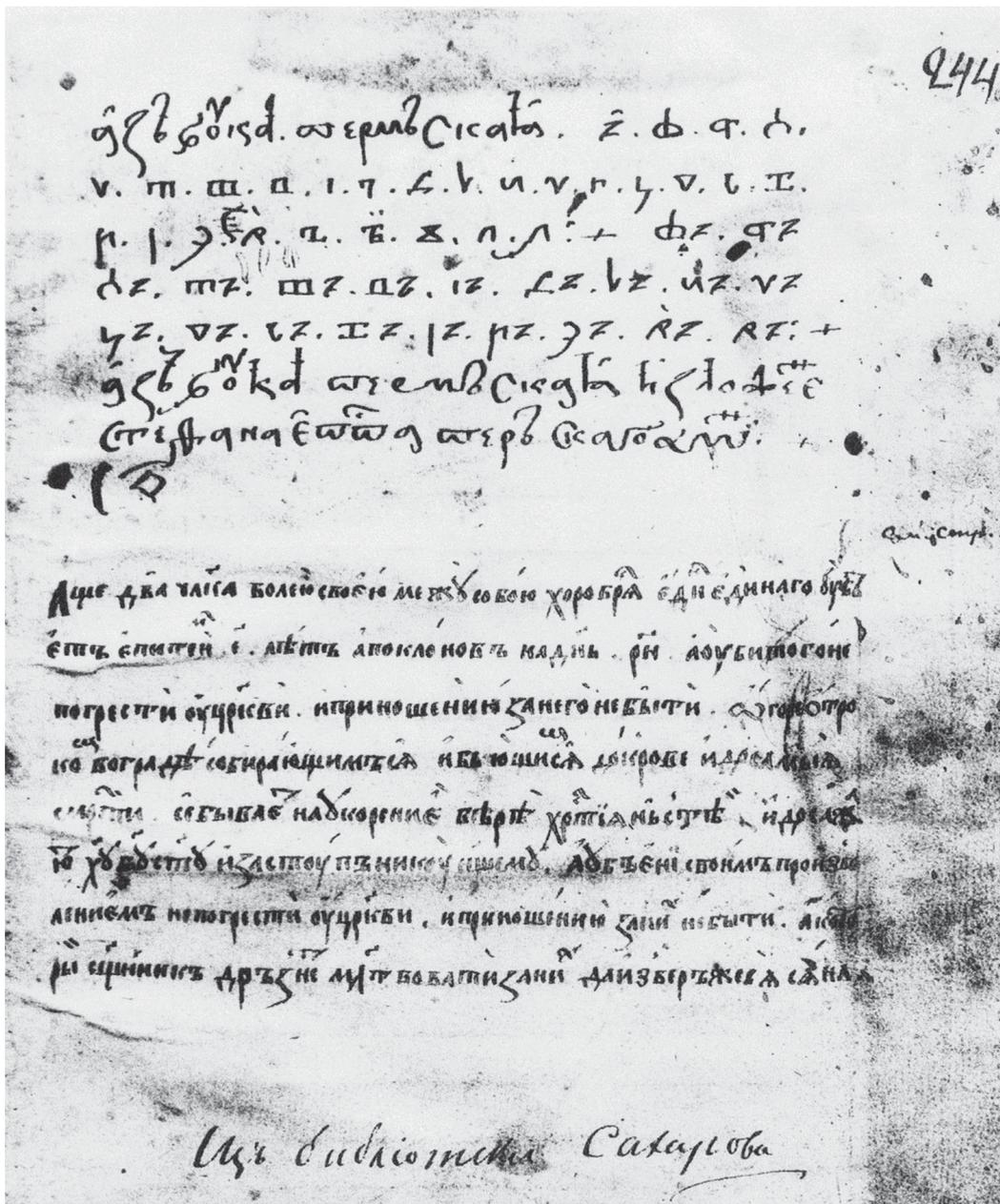
¹ Оpubл.: ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26.

² Оpubл.: Историко-филологический сборник.— Сыктывкар, 1958. Вып. 4.— С. 257–271; Савельева Э. А., Королев К. С. Древние рукописи о Перми Вычегодской.— Сыктывкар, 1997. С. 83–92. См.: Флоря Б. Н. Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 218–231.

³ ГВЛ: Муз. 3271; БАН: 4.3.15. В сборнике XVI в., бытовавшем в Усть-Цильме, имеется комплекс статей, аналогичных статьям упомянутых сборников и текстуально им близких (Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв.— Сыктывкар, 1960.— С. 48, 35, 42).

⁴ Санкт-Петербургский институт истории РАН, собр. Н. П. Лихачева, № 360.

⁵ Морозов Б. Н. Новые памятники древней коми письменности конца XV – начала XVI вв. // Музеи и краеведение: Труды НМРК.— Сыктывкар, 2007. Вып. 6.— С. 176–181.

Лист из Уваровской Кормчей (Номоканона) с древнейшим образцом Азбуки пермской. Много раз публиковалась, но в основном, в чёрно-белой прорисовке. Это изображение — копия из книги «Описание рукописей Уварова». Только с находкой в РГАДА Псалтыри 1517 г. удалось установить, что эту азбуку писал Васюк Гаврилов — сын усть-вымского владычного дьякона.

Здесь есть замеченный Р. А. Симоновым пример цифровой пермской азбуки — последняя буква — цифра 900 с хвостиком = 900 000.

на древнекоми языке, сделанных писцом этой рукописи дьяконом устьвымской Благовещенской церкви Гаврилой Лукиным⁵. Его сын — Васюк Гаврилов Попов (ранее «Кылдашев» — Дьяконов), очевидно, пройдя обучение, книгописному делу у отца, стал профессиональным писцом, работавшим в нач. XVI в. на заказ в разных местах Вологодско-Пермской епархии. Наибольшую известность имеет созданный им в 1510 г. список Кормчей, содержащий древнейший полный список азбуки Стефана Пермского (ГИМ, собр. Уварова, № 81-4). Недавно были обнаружены ещё две рукописи, созданные Васюком Гавриловым — близкий по составу к Кормчей 1510 г. Сборник канонический 1511/1512 г. (БРАН, собр. Арханг. семинарии, № 5), написанный им в Никольском погосте на Лале, и богато орнаментированная Псалтырь 1517 г. (РГАДА, собр. Синод. типографии, № 222), написанная в Никольском монастыре на вычегодском Ленском погосте, в записи которой содержатся биографические сведения о его отце Гаврииле, ставшем к этому времени монахом Спасо-Каменного монастыря. В Кормчей 1510 г. и Сборнике 1511/1512 г. Васюк использовал для нумерации тетрадей рукописей пермские буквы (традиция, очевидно, восходящая к древней устьвымской книжности), что позволило недавно сделать вывод о первоначальном построении пермской азбуки как цифровой системы¹.

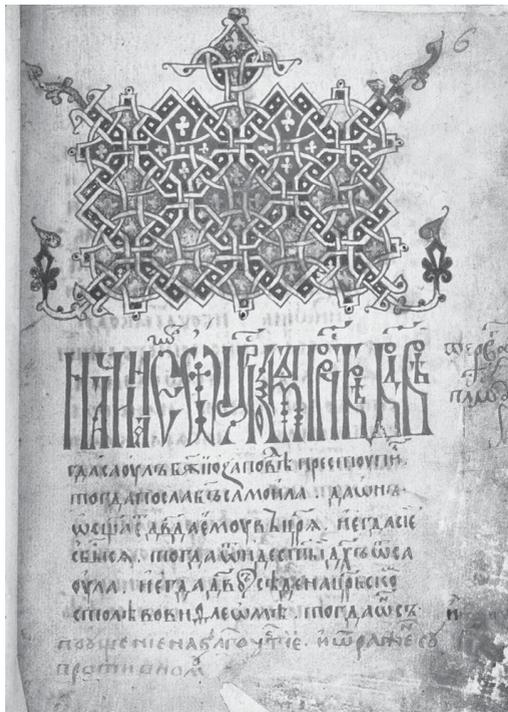
В Национальном музее Республики Коми хранится единственная рукопись, восходящая к Устьвымскому книгописному центру — Синодик Благовещенской церкви, созданный в начале XVIII в. (Р-40), но, как показали её последние кодикологические исследования, в её конце вплетено несколько листов, датирующихся самым началом XVII в., а тексты в них восходят к более древним временам Пермской епархии.

Новые памятники древней коми письменности конца XV – начала XVI вв.²

Миссия Стефана Пермского по христианизации Коми края в конце XIV в. сопровождалась созданием новой письменности — пермской азбуки. Это событие, ставшее важным явлением не только для истории культуры нового многонационального Российского государства на Востоке Европы, но, безусловно, и мировой культуры, вызывает пристальное внимание и споры учёных. Исследование новой письменности осложняется крайне малым количеством дошедших до нас её памятников. Кроме текста на известной иконе Троицы зырянской, создание которой связывается с деятельностью самого Стефана, следующий образец древнего коми алфавита и языка, давно введённый в научный оборот, сохранился в рукописи так называемой Уваровской Кормчей — Номоканона (свода церковных правил) 1510 г., то есть появился уже более чем через сто лет после создания древней коми

¹ Морозов Б. Н., Симонов Р. А. Об открытии цифровой системы Стефана Пермского (XIV в.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2008, № 1.— С. 3–21.

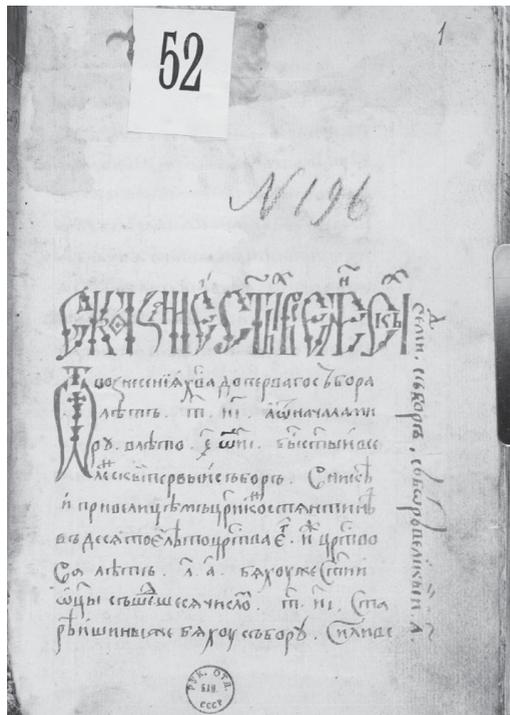
² См.: Музеи и краеведение. Труды Национального музея Республики Коми.— Сыктывкар, 2007. Вып. 6.— С. 137–142.

Первый лист Псалтыри 1517 г. — поражает совершенство заставки балканского стиля, нарисованной Васюком на далёком от книжных центров погосте Лена на Вычегде. Воспроизводилась в чёрно-белом виде в моей публикации 2005 г. (см. прим. 3 текста). Цветная иллюстрация на стр. 162.

письменности [1]. Сам этот факт, имеющий важное значение в плане сохранения стефановского наследия, мог трактоваться неоднозначно — пермская азбука использовалась уже в XV в. московскими книжниками как тайнопись [2], а точное место создания рукописи 1510 г. не было указано (можно было только предположить, что она была написана в пределах Вологодско-Пермской епархии, центром которой в это время была Вологда).

Находка в недавнее время двух других рукописей, написанных писцом Номоканона 1510 г. — Васюком Гавриловым сыном Поповым (он указал и своё коми прозвище — Кылдашев), позволяет по-новому взглянуть на проблему бытования древней коми письменности. В этих рукописях — Псалтыри 1517 г. [3] и близкому по содержанию к Номоканону 1510 г. Сборнику канонических правил 1511/1512 г. [4] указано на точное место их создания — «у Великого чудотворца Николы». Но если в первом случае далее пояснено — «на Вычегде на Лене» — т.е. имеется ввиду Никольский монастырь на вычегодском погосте Лена — регионе древнего расселения народа коми; то во втором случае указано «у Великого чудотворца Николы на Лале», что требует дополнительных комментариев.

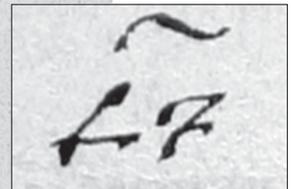

Первый лист Сборника канонических статей 1511/1512 г. Образец письма вязью того же Васюка.

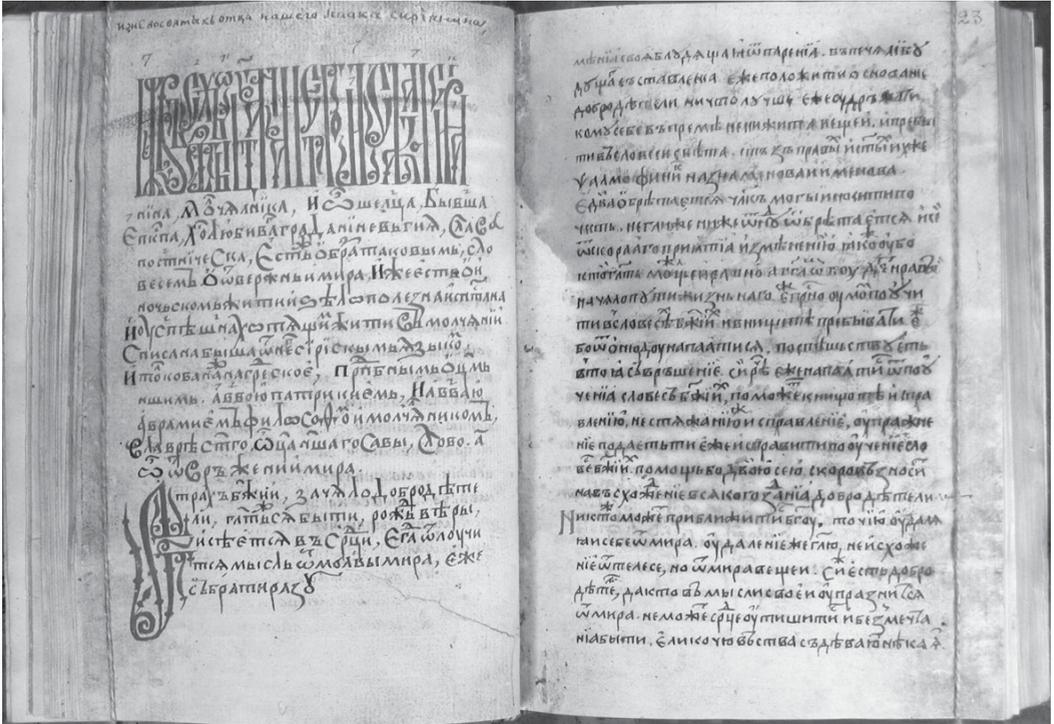
брако^у восх^ищенна^у будеть . обаче до
 ѣженца^у запрѣщеніе^у даи^т ма^т .
 Понеже раби , бисповелѣніа^у господи^а ои^а
 свѣта^у и гни брака^у немо^у . по се^у то^у
 бо велікы^ѣ свѣ , не амѣ^н на^ѣ стѣ^ѣ буди^т и
 рабѣ . восх^ищенѣ^ѣ бѣши^ѣ ш^ѣ нѣ^ѣ ко^ѣ го . и
 ѣженств^ѣ нѣ^ѣ бра^ѣ и^ѣ во^ѣ лѣ^ѣ ши . и прочіени
 о^у восх^ищеніи^ѣ свободны^ѣ же^ѣ то^ѣ за^ѣ прѣ^ѣ щені^ѣ
 ана^ѣ стѣ^ѣ и^ѣ тѣ^ѣ ста^ѣ не^ѣ тѣ^ѣ . понеже аще
 и^ѣ тѣ^ѣ аще^ѣ восх^ищенна^ѣ со^ѣ у^ѣ щл^ѣ , но^ѣ сво^ѣ
 го^ѣ во^ѣ лѣ^ѣ то^ѣ послѣ^ѣ до^ѣ ва . и^ѣ прав^ѣ ла . не^ѣ
 бра^ѣ кы^ѣ ной^ѣ во^ѣ лѣ^ѣ ніе^ѣ со^ѣ у^ѣ да^ѣ ти . да^ѣ бо^ѣ а^ѣ
 бра^ѣ не^ѣ стѣ^ѣ ра^ѣ го , аще^ѣ и^ѣ гнѣ^ѣ ѣ^ѣ по^ѣ вѣ^ѣ лѣ^ѣ .
 ш^ѣ баче^ѣ до^ѣ ѣ^ѣ женца^ѣ за^ѣ прѣ^ѣ щеніе^ѣ да^ѣ пріи^ѣ
 ма^ѣ тѣ^ѣ . Бра^ѣ ко^ѣ во^ѣ е^ѣ ст^ѣ ро^ѣ ю^ѣ е^ѣ тѣ^ѣ стѣ^ѣ . и^ѣ
 о^ѣ у^ѣ бѣ^ѣ и^ѣ ца^ѣ по^ѣ в^ѣ ин^ѣ е^ѣ . а^ѣ аще^ѣ о^ѣ у^ѣ бо^ѣ пріи^ѣ
 ѣ^ѣ сест^ѣ ра^ѣ с^ѣ не^ѣ то^ѣ же^ѣ с^ѣ тѣ^ѣ стѣ^ѣ бра^ѣ . ш^ѣ го^ѣ
 а^ѣ аще^ѣ а^ѣ ца^ѣ и^ѣ тѣ^ѣ а^ѣ жо^ѣ . и^ѣ тѣ^ѣ ре^ѣ ро^ѣ жѣ^ѣ ши^ѣ не^ѣ а^ѣ с^ѣ н^ѣи .
 к^ѣ . а^ѣ с^ѣ . ка^ѣ ко^ѣ во^ѣ лѣ^ѣ ны^ѣ о^ѣ у^ѣ бѣ^ѣ и^ѣ ца^ѣ за^ѣ прѣ^ѣ щеніе^ѣ

пѣ

пра
пѣ

То же — только
буквы-цифры = 21.

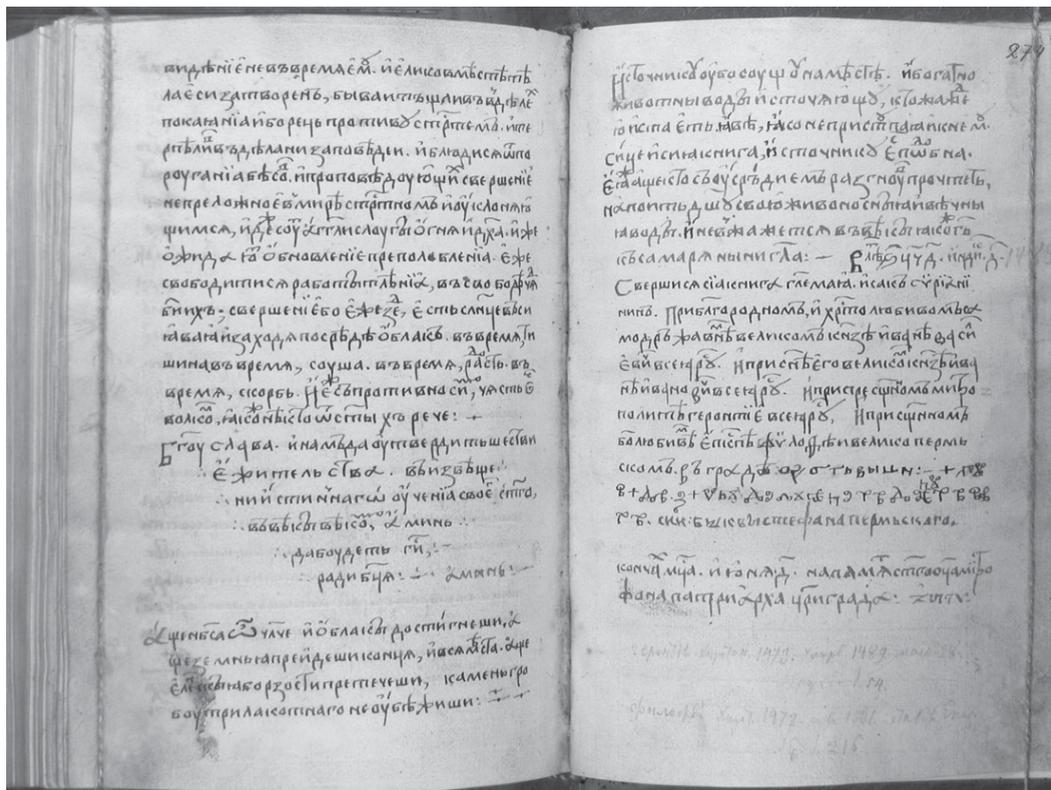
Рукопись Сборника поучений Исаака Сирина 1486 г., переписанный в Усть-Выми владычным дьяконом Гаврилой Лукиным. Начальные листы с заголовком. (Цветную иллюстрацию левой страницы смотрите на стр. 163).

(К сожалению, в ряде прежних моих публикаций рукопись ошибочно датировалась 1485 г. Здесь я пошёл за справочником, который сам готовил к печати – Предварительным списком славяно-русских книг XV в., хранящихся в СССР. М., 1986. — издан ровно через 500 лет после написания усть-вымского Исаака Сирина — мистика! Вообще с обнаружением в РГАДА первой рукописи 1517 г. тоже загадочная история — она лежит на месте другой, пропавшей Псалтыри, поэтому её никто и не видел. Обе рукописи 1486 г. и 1517 г. имеют одинаковые новые переплёты, которые делал кто-то для их продажи в кон. XIX – нач. XX вв., но попали они к разным коллекционерам. Вообще с этими четырьмя книгами Гаврилы и его сына Васюка — с их почерками — есть ещё ряд загадок, которые придётся разгадывать, кому-нибудь...).

Обнаружение в Сборнике 1511/1512 г. пермских букв, использованных её писцом Васюком как цифры для нумерации тетрадей этой рукописи (раньше он делал такую же нумерацию в Номоканоне 1510 г.), позволило известному исследователю древнерусской математики Р. А. Симонову сделать вывод о том, что азбука Стефана Пермского была создана им и как чёткая цифровая система, позволяющая записывать числа до одного миллиона¹.

Учёным была известна и более древняя рукопись со стефановскими письменами — Сборник поучений Исаака Сирина, имеющая точную дату написания —

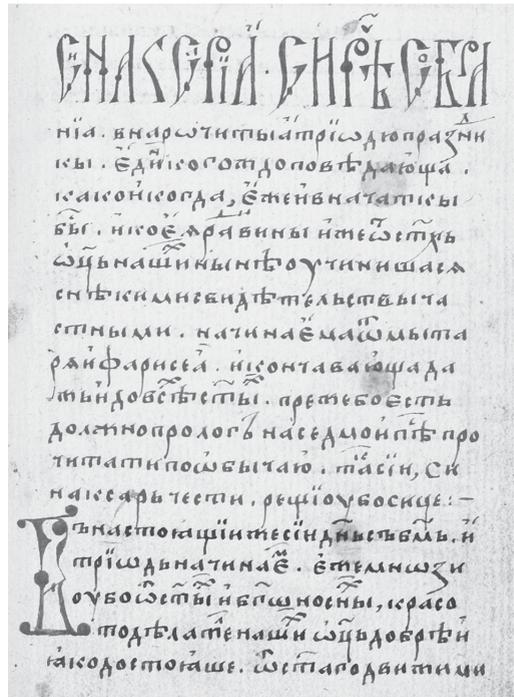
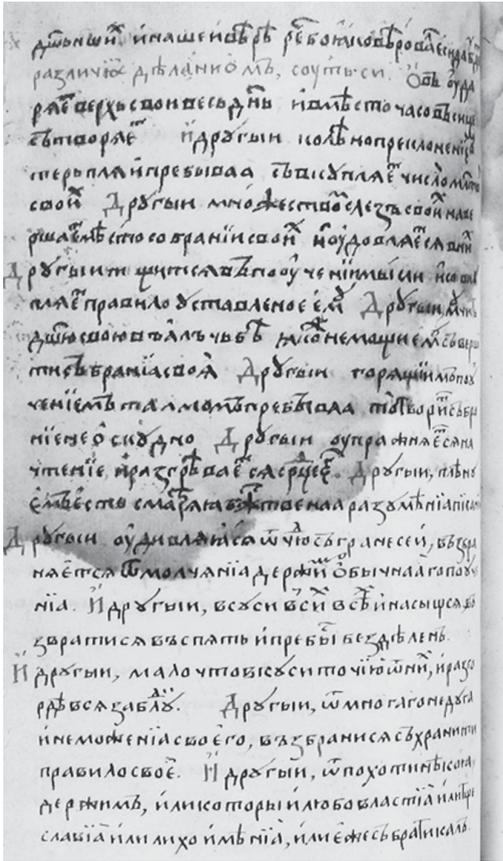
¹ См.: Морозов Б. Н., Симонов Р. А. Об открытии цифровой системы Стефана Пермского (XIV в.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2008, № 1.— С. 3–21.

Выходная запись писца Гавриила о написании рукописи 1486 г. (на правом листе, но и на левом листе после киноварного Аминь идёт какая-то риторика — его ли?, или традиционна для рук Исаака Сирина — надо проверить).

Это древнейшая книга, написанная на территории коми (да ещё подчеркнуть — публикуется впервые!). Вероятно, надо дать транскрипцию этой записи, но в ней и глаголица и одно слово анбуром. Надо подумать, как лучше сделать.

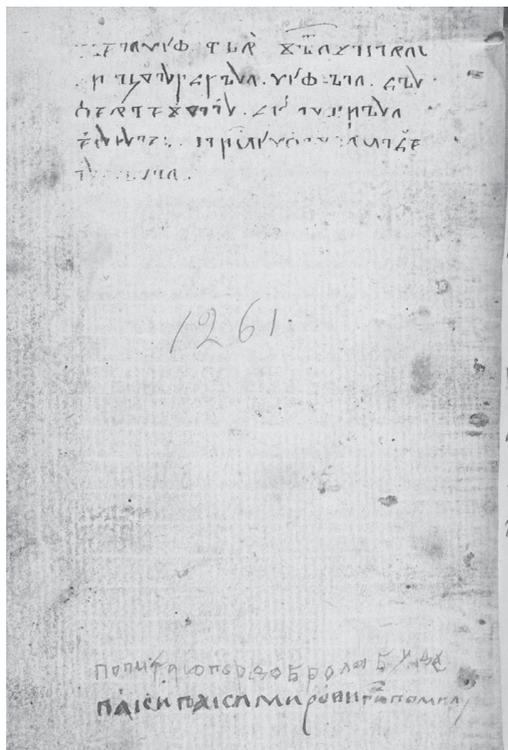
1486 г. [5] Эта рукопись, однако, связывалась с Великим Устюгом, поскольку в 1491 г. она принадлежала некоему инок Великоустюжского Михаило-Архангельского монастыря [6]. Но место написания её в 1486 г. указано точно — Усть-Вымь, и именно эта рукопись является древнейшим памятником письменности, созданным на территории Республики Коми, содержащим древние образцы языка коми народа. Между тем, она не упоминается ни в одном современном справочном издании, нет и воспроизведений её записей древнепермской азбукой. Это кажется странным, поскольку текст записи писца данной рукописи — «диаконна Гавриила сына Лукина» — с указанием на наличие в нём слов, написанных пермской азбукой «возможно, на одном из диалектов языка коми», приведён в публикации М. С. Федотовой, сделанной на основе её выступления в Сыктывкаре на международной конференции 1996 г. памяти Стефана Пермского [7]. Правда, в данной публикации не было специально подчеркнута, что местом написания рукописи 1486 г. является Усть-Вымь — центр Пермской епархии, а по старой ошибочной традиции указано, что «рукопись монастырская» [8].

И наконец, возможно самое главное – одна из нескольких ранее неизвестных записей на рукописи 1486 г. пермской азбукой и пермским языком. Их, очевидно, мог делать и сам писец рукописи Гаврила, но также и его сын Васюк, которому она могла потом принадлежать. Об этом говорит и история с тем же переплётом, что и у Псалтыри 1517 г. (рукописи хранились вместе, но Псалтырь Васюк и писал для отца), но главное, перевод этой записи, который сделал Оньо Лав: «Эта книга старая всегда красивая отец наш». (См. статью Артура Артеева «Стоявшие у истоков», Молодёжь Севера, 2007, 5 июля, № 27. С. 11).

Рукопись Сочинений Григория Синаита, второй четверти XV в. Начало текста с заголовком тонкой вязью южно-славянского стиля. Но писалась эта рукопись на Руси профессиональным писцом, вероятно, в крупном (монастырском?) скриптории. Она принадлежала дьякону Гавриле, возможно, уже в последней четверти XV в. (см. ниже) и, следовательно, является одной из древнейших рукописей, возможно, бытовавших на земле Коми при ближайших преемниках Стефана. Есть (но немного) и более древние рукописи с записями пермской азбукой, но все эти записи – русская тайнопись – транслитерация и могли делаться и в других регионах (их ещё надо внимательно изучить – все ли тайнопись?).

Сохранившиеся грамоты Пермской епархии конца XV в. позволяют нам сделать редкое для книжности этого времени в целом отождествление писца рукописи сочинений Исаака Сирина 1486 г. с конкретным историческим лицом. Согласно жалованной грамоте великого князя Ивана III пермскому епископу Филофею на

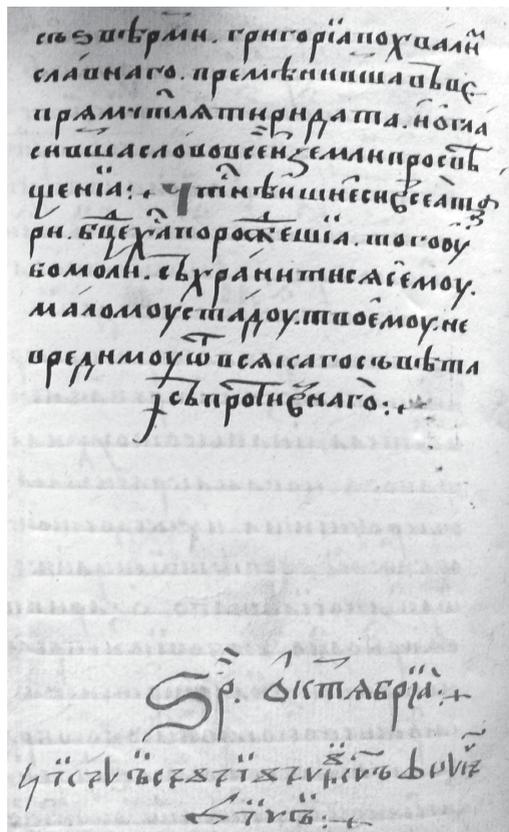

Запись на чистом листе в конце соч. Григория Синаита. Давно известна, но только сейчас стало ясно, что она принадлежит дьякону Гавриле (см. текст).

ко времени, близкому к Стефановскому — второй четверти XV в. (что подтвердили и современные археографы) [11]. Записи эти изучались ещё в 1930-е гг. А. С. Сидоровым. Труды этого выдающегося коми учёного в большей части остались неопубликованными, и его наблюдения о языке этих записей отразились лишь в небольшой статье, вышедшей в 1948 г. [12]. В. И. Лыткин, публикуя в 1962 г. части неизданного труда А. С. Сидорова, продолжил его работу по переводу записей на данной рукописи и впервые сделал их факсимильное воспроизведение [13], но окончательный текст их перевода был опубликован им в 1980 г. в «Истории коми литературы» [14]. Теперь мы можем по-новому прокомментировать текст первой записи и предположить, что упомянутый в ней владелец рукописи Григория Синаита дьяк Гаврило, ушедший «на Прилук в затворники» — тот же устьвымский епископский дьякон Гаврило Лукин — отец Васюка, прозвище которого Кылдашев (Кылдасэв), приведённое в Номоканоне 1510 г., было как раз использовано В. И. Лыткиным для перевода данной записи и означает, по его мнению, «Дьяков». В записи, очевидно, указан вологодский Спасо-Прилуцкий монастырь как место пострижения дьякона Гаврила, в дальнейшем он стал иеромонахом Спасо-Каменного монастыря, о чём пишет его сын Васюк в записи в Псалтыри 1517 г.

Вымские и Вычегодские земли в Усть-Вымском городке в 1490 г. на епископском дворе жил «дьякон владычен благовещенской Гаврило» [9]. Нет никаких сомнений, что это он пять лет назад писал книгу с уникальными записями на коми языке древнепермскими буквами. Теперь, после изучения ряда рукописей, переписанных Васюком Гавриловым сыном Поповым-Кылдашевым в 1510-е гг., можно выдвинуть гипотезу, что он был сыном писца устьвымской рукописи 1485 г. — дьякона Гаврила Лукина. Именно в этой среде высокообразованных представителей местного населения (их с полным правом можно назвать интеллектуалами, учитывая особый сложный состав текстов создаваемых ими сборников) более чем сто лет сохранялась традиция стефановской древней коми письменности.

Требует специального исследования и известная в литературе рукопись XV в. сочинений Григория Синаита, также содержащая записи древнепермскими письменами [10]. Сама рукопись Григория Синаита относится

Запись на последнем листе рукописной Минеи служебной конца XV–XVI вв., вложенной в середине XVI в. вологодско-пермским епископом Алексием в Николаевский-Выксинский монастырь близ Череповца, хранящейся в Ярославском музее-заповеднике.

О расшифровке этой тайнописи, которую сделал тот же Оньо Лав: «Писалъ Савва Иванов сынъ бел анинъ» (я думаю, что последнее слово — прозвище «Белянин») — см. в вышеуказанной публикации в МС. Также только в печатном газетном варианте есть фото фрагмента листа с этой записью.

В последнее время московские учёные выявили ещё ряд неизвестных ранее рукописей конца XV – начала XVI вв., содержащих отдельные записи древнепермским письмом. Большинство из них используют пермскую азбуку для транслитерации славяно-русских слов, то есть как тайнопись, но не все записи расшифрованы и вполне могут содержать и слова на коми языке. Ведь и указанные писцы рукописей 1510 и 1486 гг., написанных в Коми крае, также использовали древнепермский алфавит для транслитерации (устьевский дьякон Гаврило даже зашифровал своё имя с помощью глаголицы). Комплексный палеографический анализ (изучение почерков и водяных знаков бумаги) может связать и вновь выявленные так и ранее введённые в научный оборот рукописи с записями пермской азбукой с известными теперь нам книгами, созданными коми писцами.

Очевидно, связан с устьвымским книгописным центром и комплект

Та же рукопись Григория Синаита — общий вид. Переплёт «родной» — втор. четв. XV в., хорошей сохранности. Вообще, сохранившиеся переплётные для рукописей этого времени — редкость. На внутренней стороне — второй крышке этого переплёт — сделаны записи пермской азбукой, но сделаны не на переплётной бумаге, как это бывало у более поздних рукописей, а прямо на доске, и поэтому плохо сохранились (но фото у меня есть).

рукописных Служебных миней последней четверти XV — первой половины XVI вв., вложенный в середине XVI в. вологодско-пермским епископом Алексием в Николаевский-Выксинский монастырь близ Череповца, в одной из них есть древнепермские письма [15]. Было бы заманчиво связать с этим комплектом и древнейшую рукопись, хранящуюся в Национальном музее Республики Коми — Служебную mineю за ноябрь конца XV — начала XVI вв. — её полууставное письмо и киноварная вязь близки по типу (но не тождественны) с письмом Сентябрьской минеи, принадлежавшей епископу Алексию [16].

Для успешного решения всех поставленных вопросов изучения бытования древнепермской письменности как в Коми крае, так и за его пределами, изучения средневековой книжной культуры региона в целом (достигшей особенно высокого уровня в конце XV — начале XVI вв. [17]) нужна комплексная программа по исследованию и изданию данных памятников (в том числе факсимильному изданию коми текстов). Она нуждается в поддержке на государственном уровне [18].

Литература и источники:

1. Рукопись хранится в Государственном историческом музее в Москве (ГИМ, Отдел рукописей, Собрание графа А. С. Уварова, № 81) и давно известна исследователям XIX–XX вв. древнего коми языка и азбуки (П. Д. Шестаков, П. И. Савваитов, Г. С. Лыткин, В. И. Лыткин и др.). Находящиеся в ней тексты, написанные буквами, созданными Стефаном Пермским, неоднократно воспроизводились в различных научных и популярных изданиях. Последнее наиболее подробное описание рукописи с фотокопиями ряда её листов см.: Мазуринская Кормчая. Памятник межславянских культурных связей XIV–XVI вв., М., 2002. В этом описании, проведённом Е. В. Беляковой, впервые указано, что писец Кормчей 1510 г. использовал пермскую азбуку также и для нумерации тетрадей рукописи.

2. См.: Некрасов И. С. Пермские письма в рукописях XV в. — Одесса, 1890; Сперанский М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. — Л., 1929. — С. 72–78.

3. Об этой рукописи, хранящейся в Российском государственном архиве древних актов в Москве (РГАДА, ф. 381 — Рукописный отдел Библиотеки Московской Синодальной типографии, № 222) см.: Морозов Б. Н. Новое о древнепермской письменности в Коми крае в начале XVI века // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов (1–4 июля 2004 г., Сыктывкар). — Сыктывкар, 2005. — С. 140–144. С обнаружения при составлении Каталога рукописных книг XVI в., хранящихся в РГАДА, ранее неописанной данной рукописи началось изучение нами данной темы.

4. Рукопись хранится в Отделе рукописей Библиотеки Российской Академии наук в Петербурге в составе собрания Архангельской семинарии, под № 5. Её краткое описание с воспроизведением записи «Васюка Попова сына Гаврилова Вычегжанина» было приведено в вышедшей недавно книге М. В. Корогодиной «Исповедь в России в XIV–XIX веках. Исследование и тексты» (СПб., 2006. С. 343), но не указано, что Васюк использовал пермскую азбуку для нумерации тетрадей рукописи, также как в 1510 г.

5. Рукопись хранится в Санкт-Петербургском институте истории РАН в собрании Н. П. Лихачева, под № 360. См.: Розов Н. Н. Книга в России в XV веке.

Л., 1981.– С. 133, 138; Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР).– М., 1986.– С. 74. № 269.

6. В приведенной книге Н. Н. Розова «Библиогеографическая карта-схема России XV в. — Места происхождения и некоторые пути миграции сохранившихся книг» (с. 141–142) данная рукопись занимает крайнее северо-восточное место среди всех пунктов — Великий Устюг, но в действительности должна была быть помещена ещё восточнее — в Усть-Вымь.

7. Федотова [М]. С. Ранняя русская рукописная традиция Постнических слов Исаака Сирина (XIV – начала XVI вв.) // Христианизация Коми края и её роль в развитии государственности и культуры.– Сыктывкар, 1996. Т. II.– С. 295.

8. Также при повторной публикации описания усть-вымской рукописи 1486 г. М. С. Федотова, сославшись на работу Н. Н. Розова, не прокомментировала его неверное указание на Великий Устюг, как место создания книги (Федотова М. С. К вопросу о славянском переводе постнических слов Исаака Сирина (по рукописям XIV – начала XVI вв.) // ТОДРЛ.– СПб., 2000. Т. 52.– С. 502).

9. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.– М., 1964.– С. 312.

10. Рукопись хранится в Отделе рукописей Библиотеки Российской Академии наук в Петербурге в составе Основного собрания под № 17. 9. 11. Ранее она принадлежала П. И. Савваитову. См.: Срезневский В. И., Покровский Ф. И. Описание Рукописного отделения Библиотеки имп. Академии наук. Пг., 1915. Т. 2.– С. 56–60; Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в.– С. 167. № 1551.

11. См.: Сидоров А. С. Коми письменность эпохи раннего феодализма // Учёные записки Ленинградского государственного университета. Серия востоковедческих наук.– Л., 1948. Вып. 2.– С. 240–242.

12. Турилов А. А., проводивший проверку описания рукописи для «Предварительного списка», подтвердил её раннюю датировку.

13. Сидоров А. С. Новые памятники древнекоми письменности (С комментариями, подстрочными примечаниями и заключением В. И. Лыткина) // Вопросы финно-угорского языкознания (к 70-летию чл.-корр. АН СССР Д. В. Бубриха).– М.; Л., 1962.– С. 178–182.

14. Лыткин В. И. Древние памятники коми письменности // История коми литературы.– Сыктывкар, 1980. Т. 2.– С. 14–15.

15. Ныне четыре минеи из этого 12-ти томного комплекта хранятся в Ярославском музее-заповеднике (см.: Лукьянов В. В. Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея. Ярославль, 1957. С. 207, № 836, 837; С. 209, № 848, 851. Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в. С. 202, № 2018; С. 203, № 2042; С. 258, № 2771. Сведениями об этих рукописях и наличии в них записей древнепермской азбукой мы также обязаны А. А. Турилову.

16. См. воспроизведение одного листа из Служебной сентябрьской минеи, ныне хранящейся в Ярославском музее-заповеднике: Соболевский А. И. Палеографические снимки с русских рукописей XII–XVII веков. СПб., 1901. № XXI. Последнее воспроизведение Служебной ноябрьской минеи см.: Раритеты. Памятники истории письменности земли Коми из собрания Национального музея Республики Коми / Сост. И. Ю. Моисеева. Сыктывкар, 2006. Вып. 1 (комплект из 12 открыток). № 4.

17. См.: Морозов Б. Н. К изучению книжной культуры Коми края // Духовная культура Севера: Итоги и перспективы исследования. Материалы конференции (2–4 ноября 1999 г.) К 10-летию научной деятельности Проблемной лаборатории фольклорно-археографических исследований Сыктывкарского университета. – Сыктывкар, 2002. – С. 96–97.

18. Ещё в конце 1980-х гг. учёными Археографической комиссии и Библиотеки Академии наук совместно с коллегами из Сыктывкарского университета была разработана и начала осуществляться программа научного описания памятников древней письменности Республики Коми. В вышедшем в 1989 г. вып. 1 Каталога-путеводителя «Памятники письменности в хранилищах Коми АССР» были описаны рукописные книги XVI–XIX вв. из собрания СГУ. Тогда же был подготовлен к печати следующий том описания рукописей, хранящихся в Национальном музее Республики Коми, но его попытка издания в середине 1990-х гг. не увенчалась успехом. Теперь, при активном содействии нынешнего руководства музея, этот том снова готовится к печати. При окончательном редактировании описаний и изучении новых рукописей, поступивших в НМРК за последние годы, автором этих строк были сделаны важные научные наблюдения. Так, в Синодике Усть-Вымской Благовещенской церкви, основная часть которого датировалась нач. XVIII в., были обнаружены листы, датированные на сто лет ранее — 1610-ми гг. А поминальные службы, переписанные на этих листах, восходят к ещё более раннему времени Пермской епископии — в них поминаются не цари, а «князья наши» (следует вспомнить, что писец древнейшей коми книги 1485 г. Гаврила Лукин был дьяконом этой епископской Благовещенской церкви). Именно этот Синодик теперь должен считаться древнейшей рукописью, созданной на территории Республики Коми и хранящейся в её Национальном музее. Не меньшие открытия ожидают нас при комплексном изучении рукописного наследия Коми земли, хранящегося в федеральных хранилищах. Волею судьбы, очевидно, его значительная и ценнейшая часть (в том числе списки стефановской азбуки), собиравшаяся с середины XIX в. в Усть-Сысольской библиотеке, в конце того же столетия была передана в Публичную библиотеку в Санкт-Петербурге (ныне Российская Национальная библиотека) и растворилась в её фондах. Выявление и описание этих рукописей также должно стать частью общей программы.

Александр Красов

Красов Александр Васильевич (1865–?), священник, литератор, переводчик. Родился в Вологодской губернии. Был священником, имел учёную степень кандидата богословия. В 1890-х преподавал в Петербургской духовной академии. Книга Красова А. В. «Зыряне и просветитель их святой Стефан, первый епископ пермский и устьвымский (1383–1396)» была опубликована в 1900 г. на французском языке в Париже под названием «Жизнь, нравы и экономическое состояние зырянского народа Северо-Востока России с изложением его языческих культов и обращения в христианство». Как образцы народной поэзии в книге на французском языке были опубликованы стихи Куратова И. А. «Зон» и «Пёрыйс морт». В книге публиковались и благодарственные письма

Красову А. В. президента Франции Феликса Фоора и королевы Англии Виктории «за подаренные экземпляры русского варианта книги». Красов А. В. был и переводчиком на коми язык.

Зыряне и св. Стефан Епископ Пермский*

Начало в № 2 2013 г.

Глава II

Летописи и старинные памятники Русской литературы дают нам скудные сведения о древней языческой религии Зырян. Так, инок Епифаний, современник св. Стефана Пермского, — просветителя Зырян, — и автор его жития даже не называет по имени языческих богов у Зырян и говорит только, что богов-кумиров у них было очень много, одни из них побольше, другие поменьше или средние, одни более знаменитые, другие менее¹.

В летописях находим указание на предметы поклонения Зырян. «Стефан, Божій человекъ, живяше посреди невѣрныхъ человекъ, молящихся идоломъ, огню, водѣ, каменію и Златой Бабѣ, и кудесникомъ и волхвомъ². Никоновская летопись добавляет: «молящихся солнцу», древію, волом и козамъ³. Из этих летописных данных можно видеть только то, что первобытная религия Зырян состояла в грубом обожании неодушевлённых и одушевлённых предметов и стихий природы.

Принимая во внимание постепенное развитие религии финских народов, языческую религию Зырян мы делим на три периода.

В первом периоде боготворились ближайšie к человеку предметы природы: горы, камни, деревья (фетишизм) и животные (зоолатрия); во втором периоде эти предметы и стихии природы: вода, ветер, огонь (молния) обожались через присутствие в них невидимых существ — духов природы (демонизм); наконец, в третьем периоде религии Зырян явились идолы, как символы стихий и духов природы⁴.

* Публ. по изданию Зыряне и св. Стефан Епископ Пермский. СПб., 1897.

Кроме свидетельства летописей, что Зыряне-язычники боготворили камни, мы находим позднее свидетельство у Герберштейна. Он говорит, что Поморы в XVI веке чтили большой камень и приносили ему жертвы, что Финны и Лопари также боготворили скалы и камни⁵. Известно также, что Вогулы поклонялись, при реках: Лосве, Тавде и Иртыше, скале, по форме напоминающей оленя⁶, что Зыряне и Остяки чтили Шаманскую гору, лежащую на восточной стороне от *Байкала*⁷. Наконец, есть весьма основательное предположение, что нынешняя Брусная гора в Усть-сысольском уезде, Вологодск. губ., некогда была в большом почтении у Зырян, что они боялись пользоваться ею⁸.

Кроме камней и каменных гор, идолопоклонство Зырян проявлялось в боготворении деревьев; из них в особенном почитании были: берёза, сосна и ель. Известно, что горные Черемисы Казанского края в период фетишизма обожали берёзу⁹. Вотяки тоже боготворили её¹⁰. Инок Епифаний свидетельствует, что св. Стефан нашёл у Зырян огромной величины берёзу, бывшую в особенном обожании¹¹. Позднее св. Стефана, преп. Трифон Вятский нашёл у Остяков заповедное дерево, в особенности чтимое ими. Св. Трифон срубил это дерево к удивлению туземного князя Амбалы и всего Остяцкого народа¹². Вогулы в XVI веке, как и соседи их Остяки, боготворили деревья¹³. Утверждают, что к северо-востоку от Новгорода на Бело-озере туземцы боготворили сосну, которую разбило громом, при основании церкви, после распространения христианской веры¹⁴.

По свидетельству Кастрена, следы поклонения дереву обнаруживались ещё в прошлом столетии¹⁵. В «Псковских губерн. ведомостях» за 1864 г. № 224 мы нашли сообщение о поклонении сосне, извлечённое из дела, хранящегося в архиве местного губернского правления¹⁶. В 1783 г. Священник Никита Яковлев донёс Консистерии, что в *Зачеренском* погосте, в церковной ограде близ храма, за часовнею, лежит большая упавшая сосна, которой народ воздаёт особенное почтение; многие сходятся к ней на Ильинскую пятницу и приносят шерсть, сыр, мясо, свечи; последние прикрепляют к сосне и зажигают.

Свидетельство о боготворении животных Финскими народами находим у Герберштейна, именно, что Пермь, Черемисы, Югра и Корела в XVI веке почитали: луну, звёзды, лесных животных и «всё, что случится»¹⁷. По одним известиям Остяки¹⁸, а по другим и все северные и северо-восточные народы¹⁹ в язычестве боготворили из животных медведя, который был страшен тем, что опустошал стада домашних животных и склады кедровых орехов²⁰. Наконец известно, что ещё в недавнее время в некоторых местах Зырянского края жители питали особое уважение к рыбам. Так, крестьяне за селом Усть-куломом (Усть-сысольского уезда, Вологод. губ.) по дороге к Печоре, ещё в 1856 г. приписывали необыкновенное целебное свойство щуке, которая ловилась в небольшом озере Кадомском; самоё озеро и вся рыба в нём считались святынею²¹.

Второй период языческой религии Зырян характеризуется тем, что неодушевлённые и одушевлённые предметы природы уступают место невидимым духам — божествам, обитающим в горах, лесах, водах, в земле и других окружающих предметах. Пред изложением этого периода считаем нужным заметить, что духи-обитатели лесов, вод и проч. явились в языческом мирозерцании Зырян не вдруг и не вместе, а постепенно, — под влиянием разных условий их жизни. Так, во время кочевого состояния Зырян, были у них божества-духи: 1) *Вэrsa* (лесной,

леший), 2) *Куль* (водяной, подземный бог) и 3) *Орт* (земляной дух). Когда затем образовалась оседлость у Зырян, произошли духи: 1) *Олысь* (домовой), 2) *Пэлудь-Айка* (бог васильков), 3) *Рынышса* (овинный), 4) *Пывсянса* (банный), 5) *Гажтэм* (печальный дух), 6) *Шева* (порча) и 7) *Титимэра* (кикимора). Наконец, с распространением христианства, явились у Зырян следующие понятия: 1) *Йен* (Бог), 2) *Лёк* или *Омэль* (злой дух, чорт) и 3) *Вежа-войса*, *Куття-войса* или *Куття-даддя* (нечистые духи)²².

Вэрса²³

Это — дух, населяющий дремучие леса. Зыряне-кочевники считали его помощником в звериной ловле и приносили ему в жертву шкуры изловленных зверей, которые развешивали на сучьях больших деревьев. Современные Зыряне представляют его то стихийным существом, признавая его присутствие и действие в свисте и вое ветра, в кружащемся вихре, превращающем леса и горы в груды развалин, то приписывают ему искажённые человеческие черты, представляя его в образе великана, равняющегося ростом высокой сосне, без бровей и ресниц, с одним на лбу глазом и одной ногой навыворот. По мнению Зырян, каждый лес имеет своего *Вэрса*, где он живёт со своим семейством в просторных избах, со всеми необходимыми принадлежностями хозяйства.

Зыряне убеждены, что они часто видят *Вэрса* и слышат его голос. Особенно же он кажется тому, кто выходит из дому не перекрестясь²⁴, или кто произнесёт его имя в лесу. Выдавшие *Вэрса* уверяют, что он, желая потешиться над кем-либо, принимает на себя вид его знакомого, вступает в разговор, угощает иногда табаком и между разговорами наводит на Зырянина затмение и заводит его в глушь леса или уводит туда, где последний вовсе не располагал быть, напр. на прорубь, на берег реки и т. п.; обман, обыкновенно, проходит, как скоро Зырянин, догадавшись, что над ним подшучивает *Вэрса*, произнесёт имя Божие или перекрестится. Тогда *Вэрса*, хохоча и стуча в ладоши, его оставляет, принимает рост выше леса и говорит Зырянину: «а гэгэрь-воинь!»²⁵. Иногда *Вэрса* переставляет с одного места на другое дорожные знаки («пасы»), или сам превращается точь-в-точь в такое дерево, какое служит в лесу для Зырянина приметой: в ель, сосну, и становится в стороне от настоящей дороги. *Вэрса* уносит новорождённых детей, когда матери или не благословляют их или в сердцах выбранят; взамен настоящего ребёнка *Вэрса* оставляет другого, большеголового, уродливого; такие дети называются «вежемаяс»²⁶.

Вэрса особенно издевается над людьми, по верованиям Зырян, в Воздвиженьев день; тогда они ходят толпами.

У *Вэрса*, как и у Зырян, бывают свадьбы. На другой день молодые ходят в баню; и если в это время случится пройти какому-нибудь «зону»²⁷, то *Вэрса* непременно окатят его с головы до ног той водой, которой они мылись, и Зырянин непременно заразится болезнью «лёк висем»²⁸.

Подобно Зырянам, *Вэрса* занимаются звероловством. На ночлег они приходят в какой-нибудь «пывсян»²⁹, построенный Зырянами-охотниками в лесу, и по утру назначают место будущего своего ночлега. Если же избранную ими лесную

избушку займут запоздавшие Зыряне-охотники, то *Вэрса* стараются их выпроводить: они то вихрем пронесутся над избушкой и пошатнут её кровлю, то распахнут дверь, то тряхнут ближайшими деревьями и поднимут такой шум, какого бедным промышленникам и не слыживать бы век. Если при этом Зыряне останутся в избушке, то они спасены, и *Вэрса*, вдоволь натешившись над охотниками и видя своё желание выгнать их из избы несбывшимся, раздосадованные отправляются искать ночлег в другой избушке; если же смелые охотники захотят оставить избушку, то непременно или заблудятся или утонут.

Перед отправкой на звериную ловлю или на охоту, Зыряне приносят что-нибудь в подарок «*Вэрсалы*», чтобы лов был удачен, и чтобы хозяин леса не заморил в дебрях звероловов; обыкновенным подарком бывает краюшка хлеба, посыпанная солью поверху, которую кладут на пень. Зыряне Пермской губ. ежегодно приносят в дар *Вэрсалы* пачку листового табаку, до которого он будто бы сильно охоч. В Архангельской губ. Зыряне думают, что *Вэрса* пасёт стада, если его задобрить. Жители Олонецкой губ. убеждены, что каждый пастух должен подарить лешему корову, не то он озлобится и перепортит всё стадо.

Вэрса ведут частые войны с подобными им лесными духами, живущими «мэд муын»³⁰. На сражениях они не употребляют пороха и не имеют вовсе ружей, но ломают друг друга толстыми деревьями³¹.

Куль³²

Судя по словопроизводству, мы думаем, что это был бог смерти у древних Зырян-язычников. Причина, по которой народное предание в глубокую старину назначило ему местом пребывания водную стихию, — заключается в том, что предки Зырян, кочуя, хоронили трупы своих родственников и соплеменников в воде, отдавая их *Кулю*³³. В позднейшее время, с введением христианства, *Куль* стал тождествен с сатаной, властителем ада, и его обиталище уже не в воде, а в преисподней, под водой³⁴. Прежний же *Куль*, властитель вод, переименовался у нынешних Зырян в *Васа* или *Вакуль*³⁵, и в их воззрении утратил черту духовности, невидимости, как и *Вэрса*. По представлениям современных Зырян, *Васа* или *Вакуль* имеет вид нагого человека, с длинными и влажными волосами, длинными ногтями на руках и ногах, большими глазами и громадными грудями (у *Васа* женского пола), которыми душит людей, втискивая в рот.

Он живёт в мельничных прудах, в лесных озёрах, в речных глубоких и тёмных омутах, топких болотах. *Васа* выходит из воды на берега рек и озёр по вечерам и, сидя на берегу, расчёсывает волосы большим гребнем. Увидавши человека, он старается приманить к себе, чтобы утащить в воду. Голос *Васа* грубый, неприятный для слуха.

Васа живут в воде семействами и хозяйством; они имеют подводные дома, коров и проч. Новорожденные дети *Васа* имеют неопределённую, безжизненную, мохнатую фигуру, которая получает жизнь, принимает определённый вид и форму постепенно, по мере роста. Коровы *Васа* пасутся на берегу по вечерам и ночью; они очень жирны, молочны и все комолые³⁶. Обыкновенной пищей *Васа* служат рыбы.

Васа большой друг мельников, усердный их помощник и оберегатель мельниц. По верованию Зырян, у каждого «изысь»³⁷ есть хоть один *Васа*, который находится в его распоряжении. Чёрный, мохнатый, он, съёжившись, сидит на зубце мельничного колеса и бережёт мельницу. «Изысь», отдавший свою душу *Васа*, перед смертью мучится, а на мельнице в это время что-то страшно шумит, стучит и кричит: это потешается *Васа*, радуясь, что «изысь» попался к нему в руки.

Васа злее *Вэрса* и никогда не упускает случая погубить человека или животное³⁸. Чтобы избежать опасности быть схваченным и утопленным, Зыряне, входя в воду или плывя по воде, непременно бросают в неё в умилоствление *Васа* кусок хлеба или камешек, щепку, палочку и т. п. Рыболовы, чтобы промысел был удачен, должны приносить *Васалы* пряники или хлеб, но отнюдь не «черинянь»³⁹. Большая же часть рыбаков жертвует *Васалы* «табак и курыд юан»⁴⁰. Эти два подарка, по мнению Зырян, могут окончательно задобрить *Васа*, и он сделает всё, что угодно. Если же рыбаки забудут подарить *Васа*, то вместо рыбы невод их будет полон камней, палок, грязи и травы.

Гажтэм

В демонологии Зырян между *Вэрса* и *Васа* стоит не совсем определённый дух — *Гажтэм*. По словопроизводству («гаж» — веселье, «гажа» — весёлый, «тэм» в сложении означает отрицание — не). *Гажтэм* значит невесёлый, мрачный дух. Местом обиталища этого духа народное верование признаёт мельничные пруды и лесные ямы. Действия *Гажтэма* очень неопределённые и часто заходят в область то *Вэрса*, то *Васа* или старинного *Куля*. *Гажтэм* требует себе в дар головы, но ему всё равно, головами человека, кошки или собаки. Поэтому Зыряне, стараясь задобрить *Гажтэма*, приносят ему голову одного из указанных животных.

Шум ручья признаётся игрой *Гажтэма*, которой он старается разогнать свою скуку. Когда этот дух получил место в системе языческого верования Зырян, — сказать трудно. Да и вряд ли он существовал в отдалённые времена язычества Зырян отдельно от *Вэрса* или *Васа*, древнейших языческих богов-духов. Думается, что это один и тот же дух *Васа*, получивший впоследствии (быть может, в период оседлости Зырян) новые черты и новое имя и таким образом отделившийся в воззрении Зырян от прежнего *Васа* или старинного *Куля*.

Служение духам (демонология) Зырян и ограничивается описанными божествами; следующим духам они не оказывают этого служения: им не приносят никаких жертв.

Орт

Населив лес и воду божествами-духами, язычники-Зыряне и воздушное пространство, окружавшее их, сделали местом обиталища особых божеств-духов, названных *Ортами*. Определить филологически значение этого духа можно лишь из сопоставления имени *Орт* с другим Зырянским словом «морт». Известно, что слово «морт»⁴¹ состоит из «му» — земля и «орт» — дух⁴²; таким образом, «морт» —

человек-земляной дух или дух, облечённый в тело, а «орт» — душа человека, лишившаяся тела и пребывающая в воздушном пространстве.

Такое филологическое определение *Орта* оправдывается и понятием о нём Зырян после смерти того человека, к которому был приставлен *Орт*⁴³; именно, тогда *Орт* перебивает всюду, где только был человек в продолжение всей своей жизни. Веря в это странствование *Орта*, после своей смерти, Зыряне, побывавшие в разных местах вдали от родины, обыкновенно говорят своим соотчичам: «мыйкэ ме *Орт* туйтэ тали же»⁴⁴. Таким образом, *Орт*, по понятию Зырян, гробовой дух или осуждённая душа, скитающаяся в мире после разлучения с телом. В этом представлении заключается, по нашему мнению, философское значение *Орта*⁴⁵.

Орт, по верованию Зырян, ещё при жизни человека так или иначе обнаруживает своё присутствие; тогда он является предвестником смерти того лица, к которому он приставлен. В большинстве случаев *Орт* обнаруживает своё присутствие не самому лицу, которое должно умереть, а кому-либо из его родственников, друзей и знакомых. Способ явлений *Орта* различен, но всегда можно угадывать, кого он вызывает на тот свет: мужчину ли, женщину или дитя. Так, явление *Орта*, рубящим дрова, обтёсывающим брёвна, стучащим ружьём, силками с капканом⁴⁶, принимается за предсказание смерти хозяина дома; если же деятельность *Орта* обращена на прялку, ухват, лопаты, сковородник, кочергу или горшки, или неожиданно зашипит веретено, то умрёт женщина — хозяйка дома; если же *Орт* качает колыбель или резвится, то умрёт дитя⁴⁷. Вообще, способ предсказаний *Орта* всегда соответствует роду занятий умирающего.

К разнообразным появлениям *Орта* особенно чутки старики-Зыряне. Упадёт ли что-нибудь в избе, стукнет ли около печи, или какой-нибудь шорох нарушит тишину ночи, старик-Зырянин робко и тревожно прислушивается, оглядывается и шепчет: «тае *Орт*, дерт, кодкэ кулас»⁴⁸.

В одной старинной бытовой Зырянской песне, под названием «Пэрысь», Зырянин-старик, жалуясь на свою тяжёлую старческую долю, между прочим говорит:

«Та вой лэсасис нин йона <i>Орт</i>)	Прошедшую ночь я слышал сильный стук <i>Орта</i> ,
«Тэдан, възье нин мем дона горт!	Знаешь, ведь он уж сулит мне гроб!
«Мычасян, да гуэ усян пон	Вот споткнёшься и упадёшь в яму, как собака,
«Перна пассэ чевтас гусен зон! ⁴⁹⁾	А любезный сын за углом осенит себя крестным знамением.

Наконец, если у Зырянина, набродившегося с неделю по лесам, болотам и кочьям и получившего от корней и ветвей деревьев множество неприметных сгоряча толчков и ушибов, окажется неожиданно где-нибудь на теле синее пятно, — это, значит, укусил *Орт*.

Таковы многообразные проявления *Орта* в домашней и охотничьей жизни Зырян. При всём том нужно заметить, что *Орт* — специальное Зырянское божество — дух; его нет даже у родственных Зырянам народов — Пермьков и Вотьяков, живущих в Пермской, Вятской, Казанской и Оренбургской губерниях. *Орт* — единственный безвредный, даже добрый дух, не требующий от Зырян никаких жертв, никаких видов служения.

Олысь

Олысь или Олыся, от Зырянского глагола «олны» — жить, — дух, обитающий в домах Зырян. Появление этого духа в сознании Зырян нужно отнести к началу их оседлой жизни. Деятельность *Олыся* иногда проявляется в предсказании счастливых или несчастных обстоятельств в жизни Зырян. В последнем случае способ его явления всегда одинаков: он ложится на грудь сонного хозяина или хозяйки и душит. Кроме предсказаний, на обязанности *Олыся* лежит попечение о домашних животных: коровах, лошадях. Но *Олысь* любит только одного цвета животных; любимым лошадям он вьёт гривы, чистит их, поит и кормит, перетаскивает корм от других, даже из чужих хлевов и конюшен; не любимых же животных мучит: гоняет по двору, полстит шерсть, отнимает корм, забивает под ясли, а иногда изнуряет до смерти. Зная эти проказы *Олыся*, современные Зыряне при покупке скота обращают прежде всего внимание на цвет его шерсти. Когда же замечают, что то или другое животное, без всякой видимой причины чахнет, стараются сбыть его в другие руки, и покупатели не боятся приобрести его на том основании, что если «селэмвылэ эз во этик Олысьлы, гашкэ, воас мэдлы»⁵⁰. *Олысь*, недовольный чем-либо хозяевами, потешается над ними: стащит одно, припрячет другое, поссорит хозяина с хозяйкой и проч.

При переходе в новый дом, хозяева переводят с собой и *Олыся*, если он благоволит им; в противном случае или его оставляют в старом доме или выгоняют «бэрдан турынэн»⁵¹.

Зыряне представляют *Олыся* маленьким, горбатым и слепым стариком, с седою бородою, или небольшим мохнатым животным.

В доказательство существования *Олысей*, Зыряне приводят многочисленные рассказы, слышанные ими от своих же, и случаи, в которых они сами были или действующими лицами или очевидцами.

Пэлудь-Айка

«Ай» значит отец⁵²; «айка» — свекор; «пэлудь» — василёк, отсюда «*Пэлудь-Айка*» буквально значит отец васильков, — бог васильков. Относительно времени появления этого божества у Зырян нужно думать, что оно возникло в воззрении их на природу, вместе с появлением у них хлебопашества или вообще оседлого быта.

Современные Зыряне 20 июля страшатся выходить на свои поля, чтобы *Пэлудь-Айка*, берегущий засеянный там хлеб, не повредил его.

Рынышса

«Рыныш» значит овин; *Рынышса* — овинный дух. Он, по мнению Зырян, стережёт хлеб в овинах. Забравшихся ночью в овин, особенно в святки (*вежа дыры*), или просто, подслушивающих в это время подле овина, *Рынышса* пугает.

Этому особенно подвергаются Зырянские «нывьяс»⁵³, пожелавшие в святки подслушать что-нибудь, определяющее их судьбу. *Рынышса*, как и *Пэлудь-Айка*, появился у Зырян вместе с происхождением у них земледелия.

Пывсянса⁵⁴

В предыдущей главе мы сказали, что Зыряне в глубокую старину, при кочевом состоянии, занимаясь по преимуществу звериной ловлей, для прикрытия себя от холода и непогоды, устраивали земляные шалаши⁵⁵; с течением времени шалаши устраивались на поверхности земли, деревянные; они служили и домом и баней, в нашем смысле. Ещё позднее, когда Зыряне уже прочно устроили свои жилища, то эти «пывсяны» были отделены от настоящих жилищ и лишь в лесу, в отдалённых местах от сёл и деревень, сохранили прежнее своё назначение⁵⁶. По верованию Зырян, как в первых «пывсянах» — вблизи жилищ, так и в других лесных «пывсянах» обитают злые духи — «*Пывсянса*». Они не пропускают удобного случая сделать человеку зло, напр., напугать и даже убить, если Зырянин не вовремя ночью или поздно вечером решится идти один в «пывсян» и не благословясь. Тогда *Пывсянса* запаривает его до смерти.

Современные Зыряне не ходят в баню в третий пар⁵⁷, потому что третий пар всегда назначает себе *Пывсянса*; для него оставляется вода и веник.

Против *Пывсянса* в некоторых местах призывают на помощь *Рынышса*, как менее злого. У Зырян Архангельской губернии существует следующее суеверие: чтобы увидеть *Пывсянса*, нужно зайти ночью в баню и, заступив ногой за порог, скинуть с шеи крест и положить его под пятую ногу, при этом непременно проговорить: «Отрекаюсь от Христа и отдаю себя дьяволам»⁵⁸. *Пывсянса* Зыряне представляют в виде человека в красной шапочке с огненными глазами.

Шева

Шева значит порча; «шева лэчны» значит портить, напустить порчу на людей, — свойство, приписываемое Зырянами исключительно колдунам и знахарям («чыкэдчисьяслы»). Помимо этого, *Шева*, по верованию Зырян, существует ещё и как особая субстанция, олицетворённая в образе бабочек из породы жуков, летающих в воздухе и входящих в людей.

Шева, поселившись в человеке, мучает его разными внутренними болезнями, припадками, заставляет его биться, кричать, лаять по-собачьи, ругаться, ломать разные вещи и проч. Она рассказывает о своём происхождении, о причине своего появления в человеке и отвечает на все вопросы спрашивающих⁵⁹. Иногда *Шева* входит и в животных: коров, лошадей, собак; они испытывают одинаковые с людьми последствия от присутствия *Шевы*.

Что касается времени появления этого духа в мифологии Зырян, то он существовал издавна, так как теперешние «Чыкэдчиси, тэдыси, туны» и проч.⁶⁰ — прямые преемники Шаманов — Памов, которые, будучи народными правителями и жрецами, обладали силой волхования и напускания на людей разных недугов⁶¹.

Титимэра

Появление этого духа в Зырянской мифологии сравнительно позднее и, по всей вероятности, он заимствован у Русских. Последнее доказывается тем, что во-первых, в Зырянском языке самого слова «титимэра» не существует, нет и сколько-нибудь подобного корня, от которого могло бы произойти это название; во-вторых, известно, что в русской демонологии существует дух «кикимора»⁶². Ясно, что Зырянское название «титимэра» — искажённое русское «кикимора».

Титимэра, по верованию Зырян, имеет местом обиталища по преимуществу старые, развалившиеся и покинутые людьми дома; но иногда этот дух вселяется и в новые дома, построенные недовольными на хозяина плотниками. Присутствие *Титимэры* проявляется в жалобных столах в домах, в подвалах, подпольях и других потаённых местах, во внезапном крике и хохоте разных голосов, по ночам в беспричинном падении домашней посуды: горшков, тарелок и проч., в стаскивании одеял со спящих, в звуке шагов и т. п. Зыряне-хозяева, убедившиеся в присутствии в своём доме *Титимэры* и утратившие надежду избавиться от них, иногда даже оставляют беспокойный дом и переселяются в новый⁶³. Веря в существование *Титимэр* и страшась нажить эту беду, Зыряне при постройке дома стараются быть в дружбе с плотниками и угощают их в каждый праздничный день водкой и пивом⁶⁴.

По представлению Русских, кикиморы принимают вид безобразных старух или молодых девиц⁶⁵, а по представлению Зырян, *Титимэры* имеют вид большой, мохнатой и уродливой куклы с карикатурной физиономией, а иногда вид кошек и свиней.

Обращаемся к объяснению слов, относящихся у Зырян к наименованию существ духовного мира и образовавшихся уже под влиянием христианства: здесь на первом месте стоит *Йен*⁶⁶. Это имя Бога христианского, которому поклоняются Зыряне со времени просвещения их св. Стефаном, Епископом Пермским.

Несмотря на то, что ни одна из языческих религий не могла возвыситься до признания Единого Высочайшего Духа, Творца неба и земли, тем не менее существуют попытки доказать, что Единый Бог-Дух существовал в древнеязыческой мифологии Зырян, хотя и представлялся ими неясно. Так, в статье неизвестного автора «Пермяки» читаем: «Пермяки имели какое-то понятие о Едином Великом Духе, Создателе неба и земли»⁶⁷. В статье г. Михайлова «Устьвымь» выражено уже более полно представление древних Зырян о Едином Верховном Духе. Г. Михайлов говорит: «Несмотря на многобожие, Зыряне верили в невидимое, недостижимое Божество, которое называли «*Ен*». Зыряне думали, что это верховное Божество живёт на небесах и печётся только о надзвёздном мире, и люди недостойны возсылать к Нему молитвы, не должны обременять Его своими прошениями, но должны обращаться с ними к чадам Его — духам и идолам, управляющим землёю... Так как это Божество бестелесно, то не смели ни изображать Его, ни посвящать в честь Его кумирницъ»⁶⁸. Эти же самые мысли, даже выражения, повторены Архимандритом Макарием, автором «Сказания о жизни и трудах святого Стефана, Епископа Пермского»⁶⁹. В статье г. Н. Рогова «Материалы для описания быта Пермяковъ» читаем о древней их религии:

«*Ен* — бог добра, *Куль* — зла; последний живёт в преисподней. *Ен* будет судить «на том свете», и праведники будут поселены в рай, а грешники в аду, к *Кулю*, для мучения»⁷⁰. Цитируя это место из статьи г. Рогова, г. Пенн, автор статьи «Материалы для истории Пермского края», делает следующее заключение о языческой религии Пермяков: «Отсюда (т. е. из выдержки из статьи г. Рогова), — говорит он, — видно, что *Ен* и *Куль*, получившие ныне значение в христианской религии, были в понятиях Пермяков с давнего времени и составляли высшее существо их языческой религии» (!)⁷¹. Наконец, мы не можем обойти позднейшее мнение об этом предмете г. Шестакова, изучавшего древний быт Зырян. В статье «Св. Стефан, Первосвятитель Пермский» он говорит следующее о древней языческой религии Зырян: «Судя по некоторым данным (?), нельзя не признать, что Зыряне имели некоторые понятия о Едином Великом Духе, Создателе неба и земли. Этот древнейший Дух — *Ен*, Творец мира и человека и Управитель вселенной, считался у Зырян-язычников благим существом, покровителем и защитником добрых... В круг его попечений не входил видимый мир, управление которым он вверил разным духам, своим чадам⁷²...»

Таким образом, указанные нами исследователи языческого культа древних Зырян, с одной стороны, согласно друг с другом, признают в нём грубое идолопоклонство, — с другой стороны, также единогласно уверяют нас в том, что и среди этого грубого идолопоклонства Зыряне признавали существование Единого Верховного Божества-Духа, близкого по понятиям к христианскому Богу. Между тем, наши летописи в приведённых уже нами местах прямо говорят, что религия язычников — Зырян ничем не отличалась от религии диких народов, что св. Стефан застал между ними грубое идолопоклонство⁷³... Инок Епифаний, первый авторитет для нас после летописей, говоря о языческой религии и о богах Зырян, ни одним словом не намекает на то, что у Зырян до св. Стефана было понятие о каком-то высшем существе — Едином Духе. Епифаний положительно говорит: «Бяху бо въ Перми человекѣи *всегда жруще глухимъ кумиромъ*, и бѣсом моляхуся, вльшвеніемъ обдержими суще, вѣрующе въ бѣсованіе, и въ чарованіе и въ кудесы»⁷⁴. Наши церковные историки, например, Митрополит Платон, в том же духе и решительно говорит о древней религии Пермяков: «Пермяне прежде были идолопоклонники, служили солнцу, огню, воде, камню, древам, скотам, птицам и рыбам, а паче какой-то бабе златой под руководством обманщиков волхвов или ворожей⁷⁵.

Все вышеприведённые свидетельства историков и учёных (Герберштейна, Миллера, Кастрена и др.) тоже нисколько не мирятся с показаниями гг. Михайлова, Рогова, Пенна, Шестакова относительно существования у Зырян-язычников божества *Йен*, с понятиями о нём, близкими к христианскому. Все эти данные заставляют нас сильно сомневаться в точности означенных показаний гг. этнографов Зырян, и тем более, что никто из них не указывает на прямой источник, из которого он заимствовал сведения о божестве *Йен*, ни один из них не ссылается на летописи или другой какой-нибудь старинный памятник, а ссылаются друг на друга, без всякой внутренней проверки⁷⁶. В показании г. Шестакова для нас важна лишь одна ссылка, именно на зырянский перевод литургии св. Иоанна Златоустого, сделанный св. Стефаном и найденный Академиком Лепехиным в 1771 г. в селе Подкиберском (Устьсысольского уезда, Вологодской губ.), при

путешествии его по Зырянскому краю⁷⁷. В этой литургии св. Стефан перевёл слово — Бог Зырянским «Ен», Божий — «Енлэн»⁷⁸, что даёт г. Шестакову повод утверждать, что это название Бога «Ен» было уже знакомо древним Зырянам-язычникам: под этим именем у них было известно верховное божество⁷⁹. Мы не можем согласиться и с этим предположением г. Шестакова. Кажется, что г. Шестаков смешивает это позднейшее зырянское имя Бога — *Йен* с названием языческого божества «*Йомала*» или «*Йома*»⁸⁰; имя же «*Йен*» мы признаём изобретённым св. Стефаном от зырянского слова «*йон*» — сильный, могущественный, — свойство, всегда присущее христианскому Богу. Таким образом, мы считаем это название новым для Зырян, неизвестным им до св. Стефана, подобно тому, как до него не были им известны названия церковных таинств, обрядов и священных предметов: «*пыртчемъ*» — крещение, «*высьтасемъ*» — покаяние; «*вичько*» — церковь, «*бурвисталэмъ*» — евангелие и др., без сомнения также изобретённые св. Стефаном⁸¹. Г. Михайлов, вполне основательно ссылаясь на Епифания, в противоречие самому себе, говорит, что Зыряне, впервые услышав новое название Бога — *Йен*, с любопытством спешили в устроенный св. Стефаном храм «*Енмэсь видчедны*», т. е. посмотреть христианского Бога, которого Зыряне тогда не представляли духовным существом⁸².

Признавая существование в языческой религии Зырян Единого Верховного божества *Йен* — доброго начала, г. Шестаков допускает существование в ней и злого начала — *Куль*, которого зырянская мифология поместила в преисподнюю (*вакрамежь*)⁸³. «Это злое существо, — говорит г. Шестаков, — *кереметь* Черемис, который, по их мнению, так же вечен, как *Юмо* (доброе начало), только меньший его брат⁸⁴. Он⁸⁵, при сотворении мира и человека, захотел сделать то же, что и старший брат, но, не будучи равен ему силами, искажил его творение. — Низших духов, управляющих миром от имени великого духа — *Йен*, было такое множество, что ими наполнены были воды, леса, камни и огонь»⁸⁶. Такими чертами описывает г. Шестаков языческую религию Зырян. Но, во-первых, это описание включает в себе целую мифологическую систему с последовательной генеалогией богов — духов и идолов, с идеей подчинённости одних богов другим, как виновникам своего бытия; до всего этого, конечно, не могли додуматься даже зырянские жрецы — Памы. Во-вторых, Черемисская религия в том виде, в каком её изображает г. Шестаков — плод позднейшей обработки и следовательно воспроизводит по ней во всех подробностях языческую религию Зырян, существовавшую пять веков тому назад, нет основания. В-третьих, в Черемисской религии, по позднейшей редакции, признаются искони существующими два начала — доброе (*Юмо*) и злое (*Кереметь*). Этот же дуализм хочется видеть г. Шестакову и в языческой религии Зырян, но, как мы увидим ниже, Зыряне признавали не два начала, а одно. И в этом состоит коренное отличие языческой религии Зырян⁸⁷.

Что касается мнения гг. Михайлова, Рогова и Шестакова о том, что язычники — Зыряне имели понятие о бессмертии душ, о наградах и наказаниях в загробной жизни (что, по воззрению помянутых авторов, прямо вытекало из признания Зырянами единого и главного доброго начала — *Йен*), то, не отвергая этого мнения, ограничиваем его тем, что язычники-Зыряне, почитая духов — *Ортов*, быть может, признавали под ними души своих умерших предков⁸⁸. Вера в бессмертие душ существовала и у других финских народов. У Остяков сохранился

следующий обычай: жена покойного, оболванив дерево наподобие мужа, одевает в одежду мужа и ставит на то место, где последний любил сидеть; затем угощает эту деревянную куклу любимым кушаньем мужа, кладёт её с собою в постель и целует, веря, что душа умершего видит все эти ласки. Иные эту куклу держат с год и более, а потом зарывают в землю с глубоким сожалением. По верованию тех же Остяков, мертвецам назначено уходить после смерти туда, где леса шумят от множества зверей, где рыбы сами выходят на берега и даются в руки, где не нужно работать, платить *ясак* и проч.⁸⁹ У Зырян и теперь существует старинный обычай — класть в могилу умершего, вместе с его одеждой: сбрую, котёл, чашку, ложку, топор, что заставляет нас предполагать их веру в загробную жизнь умерших.

Вместе с понятием о Высочайшем Существое — *Йен*, происшедшим у Зырян только с введением христианства, — появились и подчинённые Ему духи — добрые и злые: *ангелъяс* — посланники *Йена*, творящие добро людям⁹⁰ и *лѡкъяс* или *омэльяс* — злые духи, слуги *Куля*⁹¹. Последние, по верованию Зырян, постоянно вмешиваются в жизнь и дела каждого человека и нередко сильно вредят ему, по воле Верховного Божества *Йен*.

Другая категория Злых духов известна у Зырян под названиями: *Вежа-войса* и *Куття-войса*⁹². Это нечистые духи — посланники *Васа*. Название своё они получили оттого, что выходят из воды и слоняются по земле во время святок (*вежа-дырьи*, — с Рождества Христова до Крещения)⁹³. Особенно злы бывают *Куття-войсаяс* в ночь на крещенский сочельник⁹⁴. Тогда они бродят по улицам зырянских сёл и деревень, и если в каком-нибудь доме услышат стук, то непременно заходят туда, пугают и душат шумящих. Поэтому никто из Зырян в эту ночь не смеет стучать и шуметь, а Зырянки боятся даже пряхсть кудели; если же какая-нибудь из них решится пряхсть в эту ночь и в пряслице останется хотя бы немного кудели, то *Куття-войсаяс* в ту же ночь натащат целую ношу кудели и заставят всё спрясть к вечеру следующего дня; в случае же неисполнения этого наказа, пряхе не сдобровать. С этой же целью, т. е. чтобы не привлечь к себе *Куття-войсаясов*, Зырянки заранее готовят и крупу для кутьи к сочельнику, так как толчение крупы производит в доме стук. При своих путешествиях по сёлам и деревням *Куття-войсаяс* таскают за собой саночки для перевозки в воду попадающих им несчастных жертв⁹⁵.

В заключение описанного нами второго периода религиозного состояния Зырян, скажем, что Зырянские этнографы, считающие эту часть мифологии Зырян взятой целиком из Славянской языческой мифологии, несправедливы. Мы не спорим, что за немногим исключением, те же боги-духи существовали у язычников-Славян, и у них были лешие, водяные, домовые, банные, кикиморы, сочельные духи; но это сходство ещё не даёт права с положительной уверенностью говорить о заимствовании Зырянами языческих верований во всей целостности у древних Славян. Исторические данные уверяют нас в том, что если Финны не древнее Славян, то и не моложе их по происхождению⁹⁶. А в таком случае с равным основанием можем допустить и обратное, т. е. что Славяне заимствовали богов-духов из религии Финнов, предков Зырян: выйдет одинаково справедливо. Если Славяне оказались народом более культурным, чем Финны, то это обстоятельство коснулось не существа языческой религии последних, а её формы (изображения богов), которую Зыряне и могли заимствовать у Славян, как народа более культурного.

Мы допускаем самобытное существование богов-духов у язычников Зырян на том основании, что природа, породившая этих богов, одинаково влияла как на Славян, так и на Зырян. К этому прибавим ещё и то, что языческие верования Зырян гораздо осязательнее, живее, чем Славянские: у Зырян и теперь, даже под несомненным влиянием христианства, больше леших, водяных, домовых, банных; нечистые духи чаще являются им и имеют на них более сильное влияние. Что же было у Зырян в период язычества?

Языческая религия Зырян не ограничивалась непосредственным обожанием предметов, стихий и духов природы. Она успела достигнуть дальнейшей степени своего развития, что составляет в нашем исследовании третий период языческой религии Зырян. Существенная черта этого периода состоит в появлении в религии Зырян идолов, кумиров, как богов личных с человеческими изображениями. Из таких богов-кумиров летописи сохранили имя только одного — «Золотой Бабы». В грамоте митрополита Симона к Пермьякам в начале XVI века упоминается об идоле *Войпеле*. Свидетельства писателей и иностранных путешественников дают нам более подробные сведения об идолах древнезырянских; из них мы узнаем о существовании третьего божества, едва ли не самого главного — *Йомалы*.

Йомала

Имя *Йомалы* или *Йомы* изменено из финского *Jumal* или *Juma*. Под этим названием известно древне-финское божество. Оно воспевается в финском народном эпосе *Калевала*. Здесь *Juma* изображается светлыми чертами, называется отцом небесным, жилище его в светлых чертогах, к нему обращаются люди в крайних случаях, он — целитель телес, творец огня, он управляет силами природы, переменами времени, в руках всемогущего *Юмалы* находятся ключи судьбы людской⁹⁷. Есть данные утверждать, что это божество под разными несколько изменёнными именами почиталось всеми народами финского племени. У Чухонцев оно называется также Юмала, у Эстонцев — Юммал, Корел — Юмала, Лопарей — Юмбал, Черемис — Юмо или Юму, Вотяков — Юмар или Инмар (значит мужской бог), у Вогулов — Нума-Тырым (старший бог)⁹⁸. Финское название божества — Юмала произошло от глагола *jumal* греметь, так как оно громом и молнией возвещало древним Финнам о своём присутствии в заоблачном пространстве, на небе. Последнее Финнам представлялось зданием со многими крышами, на которых бог почивал ночью. Солнце Финны считали головой Юмы. Когда оно заходило, думали, что Юма на ночь всходит на пёструю крышу неба; по утрам же он ходит по краю противоположной стороны, отворяет опять крышу и ходит по дневному своему пути⁹⁹. Таково древнефинское представление о Юмале.

Это же божество под изменённым названием *Йомала*¹⁰⁰ существовало и у предков Зырян или Биармийцев, как называют древних Зырян иностранные писатели в своих известиях. Свидетельство о местопребывании этого идола и его описание мы находим у Стурлезона. Так как в рассказе Стурлезона изображаются и бытовые особенности древних Биармийцев, сношения их с Скандинавцами, то мы приведём его в главных чертах: «Подобно Грекам древнейшего времени, — говорит Стурлезон, — Скандинавцы вели сообща и торговлю и морские разбои: иногда отправлялись они в морской набег, иногда в торговое путешествие, но

нередко в одно и то же время занимались тем и другим ремеслом. В таком случае было у них в обыкновении, на берегу, где приставали, сначала заключать перемирие с жителями для торга или обмена товаров, а по окончании сделок и положенного для того срока мир прекращался, и за торговлей следовала война». В одно из таких путешествий, Скандинавцы прибыли в Биармию (Пермию), вошли на судах в Северную Двину¹⁰¹ и пристали к одному торговому городу Биармийцев. Началась торговля. Скандинавцы за деньги и привезённые товары получали достаточное количество туземных произведений. Когда время, определённое для торговли, прошло, Скандинавцы с полным грузом беличьих, собольих, бобровых и других мехов, спустились к своим судам в реке. Переплывши устье Северной Двины для входа в море, они съехались все вместе и советовались о дальнейших предприятиях. Скандинавцы знали, что в Биармии существовал следующий обычай: по смерти богатых людей, их деньги, драгоценности и другое движимое имущество разделялись между покойниками и их наследниками. Покойники получали половину или третью часть, иногда и меньше. Это имущество покойников Биармийцы, предки Зырян и Пермьяков, относили в лес, где складывали его в кучу, смешивали с землёй, а иногда строили над ним свои дома. В густом лесу, неподалёку от устья реки Двины, стоял храм Биармийцев, где находилось много таких насыпей со спрятанными там драгоценностями. Сюда хотели проникнуть Скандинавцы и добыть эти сокровища. Поздним вечером, как говорит Стурлезон, пред наступлением ночи, они пристали к берегу: одни остались стеречь суда, а остальные пошли по равнине к лесу. Впереди шёл некто Торер Гунд, лучше всех знавший Биармийскую страну: за ним следовали Карли и Гунстейн, под охраной отряда из 80 человек. Направляясь лесом, Скандинавцы, чтобы не сбиться с дороги, на обратном пути сдирали бересту с ближайших к дороге деревьев. С наступлением полуночи, они вышли на широкую поляну в лесу; небольшое место на ней было огорожено тыном с крепко заколоченными воротами: здесь был храм *Йомалы*, божества Биармийцев. Шестеро туземцев охраняли по ночам это укреплённое место, по двое на каждую треть ночи.

Случилось так, что по приходе Скандинавцев, люди, сторожившие до тех пор, ушли домой, и на место их никто ещё не являлся. Торер Гунд немедленно бросился к укреплению, прицепил к верху свою секиру, всю силую руки поднялся на ней и таким образом перелез через ворота с одной стороны, между тем как Карли переправился с другой с такой же ловкостью и силой. Затем они сняли запор с ворот и открыли их для товарищей. В земляных кучах они нашли множество серебра и золота, и каждый брал столько, сколько мог унести. Посредине двора храма сидел на троне истукан *Йомалы*¹⁰². На коленях у него была серебряная чаша, наполненная деньгами, а на шее идола висела золотая цепь. Торер Гунд взял себе чашу, а Карли, чтобы достать цепь, взмахнул топором и перерубил ленту, посредством которой цепь была завязана на затылке идола. Удар был настолько сильный, что вместе с цепью слетела с страшным стуком и голова *Йомалы*. В то же мгновение прибежали на поляну сторожа, и, увидев случившееся, затрубили в рога. На звук их тотчас отвечали другие рога. Едва только Скандинавцы вошли с награбленной добычей в лес, как послышался шум. Они догадались, что жители проснулись и, спустя немного времени, заметили за собой погоню. Биармийцы бежали за ними с страшным криком и в короткое время были слышны везде в лесу. Однако ж Скандинавцы, несмотря на тяжесть захваченной добычи, убежали

с нею счастливо. «Спасение казалось так удивительным, — говорит Стурлезон, — даже для самих Скандинавов, что они приписали его чарам Торера Гунда, в бытность свою в Финнмарке, научившегося тому у какого-то финна, опытного в чародействе»¹⁰³.

Из этого рассказа Стурлезона мы узнаем, что храм идола *Йомалы*, божества Биармийцев, предков Зырян и Пермьяков, находился близ устья Северной Двины, в лесу, на поляне и был огорожен тыном. Вокруг него было множество курганов или насыпей, где зарывались богатые сокровища Биармийцев, вместе с телами покойников. Идол *Йомала* помещался на середине кладбища. Он изображал собою истукана человеческой фигуры, был украшен золотою цепью¹⁰⁴. На коленях идол держал большую чашу для приношений от туземцев. Рассказ Стурлезона подтверждают и дополняют Шлецер и Русский Временник.

По Шлецеру, храм Пермского бога *Йомалы* был искусно построен из драгоценного дерева и кругом украшен золотом и дорогими камнями, «кои лучами своими освещали всю близлежащую землю». На голове *Йомалы* был золотой венец, украшенный 12 дорогими камнями; золотая цепь или ожерелье стоило до 300 золотых марок, а чаша¹⁰⁵, находившаяся на коленях у идола, была такой величины, что четыре человека могли досыта из неё напиться, и она была наполняема золотыми монетами. Одежда идола стоила дороже трёх кораблей, нагруженных богатейшим товаром и плававших по Греческому морю¹⁰⁶.

Из богатства обстановки и украшений этого божества можно судить о той почести, которую воздавали предки Зырян и Пермьяков своему кумиру. Они приносили ему лучшую свою добычу — шкуры зверей, так дорого ценимые иностранцами, золотые и серебряные монеты, перешедшие к ним от последних. К этому-то идолу, по нашему мнению, и нужно отнести слова монаха Епифания: «Соуть же у нихъ (т. е. у Зырян или «Сырьянъ») стери кумири, къ нимъже издалеца прихожаху и отъ далнихъ мѣстъ помінки приношаху, и за три и за четыре и за недѣлю соущі, и съ всяцѣмъ тѣчаніемъ приносы и поминки присылаху»¹⁰⁷. Нужно думать, что это божество почиталось всей северо-западной половиной территории, занимаемой в IX веке Биармийским народом, именно: от низовьев Северной Двины до Белого моря к северу, до Ладожского озера и берегов Финляндии к западу, и Булгарской страны к югу¹⁰⁸.

Воспоминание об этом божестве, как грозной, карающей силе, хранится и теперь в народе. «Тэ *Йома кодъ льокъ* — ты зол, как *Йома*, говорят Зыряне злейшему врагу. На Удоре¹⁰⁹ родители пугают малых детей: «*Энъ бэрдъ, Йома кыласъ, воасъ, сьоасъ тэнэ*» — не плачь, не то услышит *Йома*, придёт и съест тебя».

Зарни Ань¹¹⁰

По свидетельству наших летописей, одним из древнейших языческих божеств Зырян была «*Златая Баба*»¹¹¹. Указанные летописные сказания подтверждаются и позднейшими свидетельствами. Так, Герберштейн в своих известиях о «Московии» рассказывает, что в Обдорской стране¹¹² при устье реки Оби, на правом её берегу, находился идол — божество туземцев, которое соседними народами называлось *Золотой Бабой*¹¹³. Идол изображал из себя статую, имевшую вид

безобразной старухи. На коленях она держала фигуру мальчика, называвшегося её сыном, а другого, стоявшего подле, жители называли её внуком. В дар «Золотой Бабе» жители приносили наловленных зверей: соболей, куниц, белок, оленей, лисиц. Кишки и мясо приносимых животных делили на части и тут же съедали сырыми, а кровью и салом мазали рот и глаза «Золотой Бабы». Между тем жрецы спрашивали идола о судьбах пришедших; в это же время, вблизи статуи, в горах, раздавались звуки, подобные трубному¹¹⁴.

Гваньини, подтверждая сказанное Герберштейном о «Золотой Бабе», дополняет его рассказ известием, что идолу «Золотой Бабе», кроме Обдорцев¹¹⁵, поклонялись Югры, Вогуличи и другие соседние народы¹¹⁶. Звук, раздававшийся в горах, вблизи статуи «Золотой Бабы», по мнению Гваньини, происходил или от искусственных орудий или от естественных подземных каналов и ветра¹¹⁷.

Академик Лепехин, цитируя в своих записках о путешествии по России историка Ник. Алодия, также утверждает, что народы, жившие около реки Оби¹¹⁸, кроме других богов, почитали *Золотую Бабу*. «Трудно определить, — говорит Лепехин, — кого обозначала у них эта богиня, Евву ли, общую всех людей мать, или землю, которая также есть древнейшая всех мать»¹¹⁹. От имени этого идола давались ответы и предсказания вопрошавшим о будущем¹²⁰.

У язычников-Славян, как известно, была богиня *Жива*, и полагаем, она соответствовала зырянской *Золотой Бабе*, хотя и в противоположном значении. *Жива* Славян была символом природы, жизненного начала. Она изображала мать солнца в его воплощении, была богиней любви, брака, веселья, красоты и всякого благополучия; мать-питательница мира, подательница благ¹²¹. Едва ли *Золотая Баба* Зырян символизировала все эти свойства¹²². По преданию, это было грозное, свирепое божество, как и *Йомала*. По нашему разумению, *Золотая Баба*, изображавшаяся в виде безобразной старухи, олицетворяла зиму. Как на севере зима свирепо-холодная и продолжительная, так и *Золотая Баба* у Зырян была божеством ужасающим, свирепым¹²³. Фигуры младенцев на коленях *Золотой Бабы* и подле неё — это жертвы хищницы зимы, или жертвы, которые должны были приносить язычники-Зыряне в умиловление свирепой *Зарни Ань* (*Золотой Бабы*).

Следующий обряд, совершавшийся при молении *Золотой Бабе*, отчасти подтверждает наше предположение. При наступлении какого-нибудь бедствия Зыряне спрашивали у идола о причине его. Сначала все пред ним падали на землю и молились с произнесением каких-то слов. Затем на середине ставили род барабана, на который клали серебряную жабу или лягушку. Становившиеся по жребию несколько человек вокруг барабана ударяли в него палочками, вследствие чего серебряная лягушка приводилась в движение, и против кого из окружающих она падала ближе и прямо головою, того били до тех пор, пока не падал в бесчувствии. Но затем он, как бы убитый, вдруг оживал и объявлял причины постигшего несчастья. Тогда божеству приносились жертвы и бедствие прекращалось¹²⁴.

Предложим теперь своё мнение против отождествления Зырянскими этнографами двух описанных нами божеств *Йомы* или *Йомалы* и *Зарни Ань* или *Золотой Бабы*.

Г. Михайлов в «Описании Устьямы», а за ним и К. Попов в ст. «Зырянский край» считают *Йому* и *Зарни Ань* — за одно божество, во-первых, на основании

сходства почитаний этих идолов, равносильных им приношений, во-вторых, по сходству обстановки храма *Йомы* и *Зарни Ань*: как в первом, так и во втором раздавались трубные звуки во время жертвоприношений. Г. К. Попов находит разницу между ними только в том, что идол *Йомы* находился в низовьях Северной Двины, а идол *Зарни Ань* — при устье реки Оби, т. е. разница в местопребывании идолов. Но и эта разница, по его мнению, даёт новый повод думать, что одно и то же божество почиталось на всём пространстве, заключающемся между двумя названными реками. По нашему же мнению, существенная разница заключается уже в изображении идолов. Идол *Зарни Ань* (*Золотая Баба*), как нам уже известно, изображался в виде некрасивой, неуклюжей старухи с двумя мальчиками. *Это бесспорно было божество женского пола*. Ничего подобного мы не находим в описании статуи идола *Йомалы* или *Йомы*. Последний держит на коленях чашу, наполненную деньгами, на голове его венец, чего нет на идоле *Зарни Ань*; жемчужное ожерелье ещё не есть признак женского божества. По описанию фигуры этого идола можно с большей вероятностью заключить, что *это было божество мужского пола*, и, следовательно, никак не тождественно с *Зарни Ань*, изображением женского божества.

В доказательство приводим следующие фактические данные: в 1771 году были найдены два Остякских идола на западной стороне Обского залива, в 70 верстах ниже Обдорска, в лесу¹²⁵. Один из них представлял мужскую фигуру, а другой — женскую. Каждый из них стоял в отдельном шалаше прислонённый к дереву, был толсто одет сукном и мягкой рухлядью, обвешен жестяными фигурами с изображением людей, зверей, птиц, рыб. Вокруг идолов лежали котлы, чашки и другие вещи домашней утвари. На ближайших деревьях висели шкуры оленей и луки. Идолу *мужской* фигуры поклонялись мужчины, а *женской* статуе — женщины¹²⁶.

У язычников-Самоедов на северном конце Вайгача был главный идол женского пола *Хадако*¹²⁷. Он представлял собой «лицо земли»¹²⁸, в жертву идолу приносились олени и вверялись на сохранение разные промыслы. Другой идол *Весако*¹²⁹ представлял фигуру мужского пола. Это был деревянный, трёхгранный, в два аршина, болван. На самой оконечности Болванского мыса, близ идола *Весако*, находилась большая, длинная и высокая пещера, из конца которой выходило на поверхность мыса продолговатое отверстие в окружности около 6 сажен. «Один взгляд на эту трущобу сверху вселяет невольный страх, — по рассказу очевидца, — высокие, каменные, перпендикулярные скалы идут в ней до самой воды саженой на 15». Вой и гул, раздававшиеся в пещере во время сильных ветров, внушали Самоедам страх и особое почтение к этому утёсу; они повергали в пещеру своих жертвенных оленей¹³⁰.

Из соответствия идолов *Йомалы* и *Зарни Ань* идолам остякским и самоедским можно безошибочно заключить, что у древних Зырян *Йомала* считался божеством мужского пола, а *Зарни Ань* — женского. Одинаковая обстановка храмов, трубные звуки и прочее ещё не есть доказательство тождества самих божеств, а из равносильных почестей обоим идолам можно вывести лишь то убеждение, что оба божества признавались грозными, кровожадными, и Зыряне умиловивляли их одинаково дорогими приношениями, быть может, даже при одинаковых обрядах. Кроме того ещё известно, что идол *Зарни Ань* был оракулом, чего не известно относительно идола *Йомы* или *Йомалы*.

- ¹ «Баху бо в Перми кумири разноличнии, овии большии и меньшии, друзии же средние, а инии нарочитии и словутнии, и инии мнози, и никто может исчести их». Рукопись из сборника XVI в. Синодальной библиотеки «Повесть о Стефане, еп. Пермскомъ». Ср. сборн. Софийской библи. и рукоп. сборн. XV и XVI вв. из библиот. П. И. Савvaitова.
- ² Полное собрание летописей, т. V, стр. 250.
- ³ Том IV, стр. 267.
- ⁴ Что такое деление правильно, мы сошлёмся на исторический факт развития языческой религии финских народов. Известно, что у Вотяков и Вогулов, родственных по племени Зырянам, до последнего времени не было идолов. Теологические понятия их были крайне скудны. Вещественные знаки в их религиозной жизни ограничивались одними «воршудами» (талисманы из некоторых частей животных). Не везде и не всегда они имели даже жреца, и вообще, у них признаки общественного богослужения едва были заметны (Первухин «Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда Вят. губ.». Вятка, 1888 г.). Если это известно относительно Вотяков, то без всякого сомнения и у Зырян первоначальная религия стояла на той же низкой ступени развития, как у Вотяков. Только позднее у Зырян религиозные понятия развились полнее; появились идолы, для которых были устроены кумирницы или храмы. В честь идолов стали совершаться жертвоприношения, отправляться тризны. При идолах появились Волхвы, чародеи, обаянники (*туны, тэдыси* — глагол «тэды» значит знать таинственное, чары), у которых был главный начальник или старшина (князь), которого народ признавал отцом и учителем и верил, что его волшебством управляется вся Зырянская страна. Такое развитие религиозной жизни у Зырян нашёл св. Стефан в XIV веке.
- ⁵ Замысловский, «Герберштейн и его историко-геогр. известия о России», Спб., 1884, стр. 105–106.
- ⁶ Миллер, «Описание всех в Российском Государстве обитающих народов», Спб., 1776 г. Ч. I, стр. 74.
- ⁷ Ibidem, стр. 119.
- ⁸ Академ. Лепехин, «Дневн. записки путеш.», ч. IV, стр. 408. Спб., 1791 г. Подробнее об этом скажем ниже.
- ⁹ Ст. П. Знаменского, «Вестник Европы», 1867 г., декабрь, стр. 35.
- ¹⁰ Первухин «Эскизы преданий инородцев Вят. губ.» 1888 г.
- ¹¹ Св. Стефан разрубил её, сжёг и пепел развеял. Нельзя не заметить, что берёза вообще пользовалась благоговейным почитанием всех народов финского племени, быть может, потому, что она была самым полезным деревом в быту Финна: ею он освещал избу, топил печь, готовил посуду и т.д. У Зырян была в почитании *ель*, быть может, потому, что молодые отпрыски ели часто поступали в пищу, особенно в голодные годы.
- ¹² Арх. Макарий, «Распростр. христ. веры в Перм. еп.» «Ж. М. Н. Пр.» 1857, ч. 93, стр. 247.
- ¹³ «Журнал Минист. Внутр. Дел» за 1843 г. Декабрь, стр. 420 и 421.
- ¹⁴ «О мирном распростр. христианства в России». Прибавл. к Твор. св. отцов за 1845 г., ч. III, стр. 273.
- ¹⁵ Castren, «Finische Mythologie», 1862 г., стр. 81–82, 86, 12–13.
- ¹⁶ Хотя в Псковской губ. теперь и не живут Зыряне, но в древности Псков. губ. входила в территорию Зырянского края.
- ¹⁷ Замысловский, «Герберштейн и его историко-геогр. изв.», Спб., 1884 г., стр. 374.
- ¹⁸ «Некоторые сведения об Обдорских инородцах», Тобольские губернские Ведомости», 1861 г. № 16. Абрамов, «Описание Берёзовского края», в XII книге Записок Географического Общества.
- ¹⁹ Миллер, «Описание в Российском Государстве обитающих народов». Ч. I, стр. 22. Спб., 1776 г.
- ²⁰ Кедровые орехи служат пищей белок. Сами Зыряне их употребляют мало. Остяки и другие северные народы медведя считали представителем злого духа и радовались, когда им удавалось убить этого зверя; устраивался особый пир, танцы, причём мясо медведя съедалось, а лапы жертвовались идолу. (Майков «Угорские народы». «Истор. Вестник», 1884 г., Апрель, 175 стр.). Какие ещё звери, кроме медведя, или домашние животные были боготворимы финскими народами, нам не известно, помимо разных догадок. Известие Никоновской летописи (IV т., 267 стр.), собств. прибавку против других летописей, — что Зыряне молились «волам и козам» считаем неверным, потому что волов с южным назначением у Зырян нет и не было; а козы появились совсем недавно. Относительно этой прибавки в Никоновской летописи справедливо замечает г. Лыткин (вообще отрицающий, без всяких доказательств, языческие божества у древних Зырян): «Никоновская летопись притащила в Зырянский край даже коз; это значит то же, что тащить львов на жительство в Парголово леса». («Зырянский край и Зырянск. язык». Спб., 1889 г., стр. 53, примеч. 1).

²¹ Интересен рассказ «заезжего» в Зырянский край о ловле обожаемой рыбы. «По рассказам местных жителей, — говорит заезжий, — озеро Кадомское во время сильного ветра бывает иногда чрезвычайно тихо и, наоборот, в тихую погоду бурливо. Крестьяне говорят, что в это время играют злые духи и ни один не решится переехать через озеро. Когда же буря стихает, то на другой день поутру, при восходе солнца прибрежные жители приходят на это озеро, молятся там, а иногда даже по прежним своим языческим обычаям, приносят натошак жертву водяным богам и усаживаются на берегу ловить рыбу. Тут они закидывают невода и сидят в молчании на большом расстоянии один от другого с час времени, выжидая знаменитую щуку, которая, говорят, бывает большой величины и весит с $1\frac{1}{2}$ пуда и более. Голова щуки довольно велика и толста, хвост чрезвычайно длинен и широк, так что расстояние между головой и хвостом весьма незначительное. Когда рыболовы достигают своей цели, то с большим триумфом несут её к себе в избу и кладут в сухую, чистую кадку, покрытую сверху холстом. Рыбу эту держат до первого предстоящего праздника, в который варят её и едят натошак, как великую святыню... Мясо этой же щуки крестьяне употребляют как целительное средство от многих болезней и, по их словам, болезнь страждущего принимает тотчас же хороший оборот. Быть может, — добавляет от себя автор заметок, — большой выздоравливал скорее, вследствие своей крепкой комплекции, а Зыряне, видя это выздоровление, приписывают его свойствам щуки». («Из заметок и воспоминаний заезжего о Зырянах», Вятские губерн. ведом. 1857 г. № 30). В настоящее время нет ни описываемого языческого обряда, — ловли необыкновенной щуки, ни веры в её целебность в указанной местности; но мы не имеем права сомневаться в справедливости показаний автора заметок. Если Зыряне были так недалеко от грубых языческих суеверий ещё так недавно, когда уже прошло 500 лет, как брошены первые семена христианства, — то что же было у них во времена язычества? Вот почему мы не сомневаемся в том, что в первом периоде языческой религии Зырян был грубейший фетишизм. Окружающие предметы природы: горы, камни, деревья, животные почитались за самые божества, а не как только местопребывание, жилище божеств. (Касторский, «Начертание Славянской мифологии», стр. 132–135). Последнее значение получили горы, леса, воды во втором периоде языческой религии.

²² Все эти божества-духи существуют у Зырян и теперь. «Зыряне и св. Стефан еп. Пермский».

²³ От слова *вэръ* — лес, а последнее произошло от глагола *вэрны* шевелиться, двигаться.

²⁴ Позднейшая прибавка к характеристике *Вэrsa* — со ведением христианства.

²⁵ *Гэзэръ* — кругом, *воны* — приходиться, соб. «кругом прошёл» или догадался, понял.

²⁶ «Вежэмъ» — обмен, вежэмъ — обменный, от гл. «вежны» — менять, обменивать, — «ясъ» — окончание множ. числа.

²⁷ «Зонъ» значит мужчина, парень.

²⁸ «Лёкъ» — дурной, злой, «висемъ» — болезнь; «лёк висемъ» — венерическая болезнь. Она распространена среди Пермьяков в Перм. губ.

²⁹ «Пывсянь» — соб. баня; также (лесная) избушка у промышленников Зырян.

³⁰ «Мэдъ» — иной, другой «му» — земля; «мэдъ — му» соб. иная земля, а также чужое царство.

³¹ По другой редакции: *Вэrsa*, принимая сторону «нашихъ» сражаются с неприятельским войском.

³² От глагола «кулны», умереть.

³³ Умершие по-Зырянски «кулэлъ йезъ», буквально: кулевые люди, т. е. живущие в царстве смерти, у *Куля*.

³⁴ По-Зырянски «вакрамежъ». В одной старинной Зырянской песне, под названием «Зонъ», *Куль* имеет именно христианское значение нечистого духа — чорта. Вот эта замечательная по содержанию и по мелодии Зырянская народная песня:

Он тэд на тэ он,	Ты ещё не знаешь,
Мича, авъя зон,	Прекрасный, добрый юноша,
Селэмтэ, олэмтэ	Что за шутка жизнь;
Ас ыджид дон;	Ни цены своей,
Бурлунтэ, шудлунтэ,	Ни счастья своего
Он тэд, тэ он!	Ты не знаешь, нет!
Регыд морт-ыд том!	Недолго человек молод!
Ичет олан ком!	Да и вся-то жизнь недолга!
Выныдлы, мывкыд-ыд	Пусть на силы твои
Пуктас мед дом!	Разум наденет узду!
Мунэны лунвой-ыд...	Время — улетучивающаяся от нас вещь...
Регыд морт том!	Недолго человек молод!
Этнас морт-джын морт,	Человек в одиночестве — полчеловека,

Ангел, *Куль* да *Орт* (см. о нём ниже).

Эткэм мед оласны!
Ләсед, зон, горт!
Ләсед кэть мусук-тэ!
Этнад-джын-морт!
Он казав, он кыв...
Рытыв быд рам ныв
Яндысе, ыла все:
Код тэ-ысь выв?
Долыд-тэ, мэлы тэ!
Нем тэ он кыв!
Эмич ва-кодъ вир!
Шонды яй-лы пыр!
Нылыслэн тыдалэ!
Вешшерэ дыр
Чужемас ворслывлэ
Эмичь ва вир!
Юрсисэ сетэма
Нылыслы мой!
Долыдмас лун ськэд,
Дженьдамас вой!
Кувны и пырсен
Эштамэ тай...
Нывкэд зон шудало.
Йезлы абу мог,
Йезлы абу шог!
Мед вэлы наялы
Шань оласног...

Нывкэд, зон, шудало!
Йезлы мый мог!

Ангел, Чорт да Орт
Пусть живут одинокие!
Ты, молодец, обзаведись настоящим домом,
По крайней мере найди, кого было бы любить.
Человек в одиночестве — полчеловека!
Не замечаешь, не видишь...
Целый вечер скромная девушка
Смущается, проговаривается:
Кто лучше его?
И весел то он, и ласков то он!
Ничего не замечаешь!
У ней малиновая кровь!
Солнце сквозь тело косточки
Постоянно просвечивает у ней!
Напрасно так долго
Зажигается на этом личике
Малиновая кровь!
Волосы дал
Девушке бобр!
Весел, светел с ней день,
Коротко с нею время.
Умереть и в старости
Непреренно успеешь...
Юноша, будь счастлив с девой.
Людам нет дела до тебя!
Людам нет дела до любви!
Им была бы
Строго чинная жизнь,
Им нужны платье да наружность.
Юноша! будь счастлив с девой!
Людам нет ведь дела.

Вот образчик Зырянской поэзии.

³⁵ Васа (от «ва» — вода) букв. водяной — «Вумурту» («ваа — гэна» — водяной, мохнатый человек) Вотяков.

³⁶ Т.е. без рог, как и коровы у всех Зырян.

³⁷ «Изны» — молоть; «изысь» — мельник.

³⁸ В военное время *Васа* отправляются на места сражений и принимают сторону неприятелей. Перед утопленником на поверхности реки или озера всегда появляется *Васа*.

³⁹ «Чери» — рыба, «нянь» — хлеб; «черинянь» — рыбный пирог.

⁴⁰ «Табакъ» — табак (все Зырянские слова имеют ударение на первом от начала слоге; поэтому и слова, заимствованные Зырянами от Русских, в произношении подчинены этому же правилу); «курудъ» — горький, «юанъ» — питьё, «куруд — юанъ» значит водка.

⁴¹ Человек.

⁴² Существование у Зырян слова «мортъ» для определения человека даёт нам основание предполагать предков Зырян выходцами из Азии, потому что это именно понятие о происхождении человека распространено на всём Востоке.

⁴³ К каждому Зырянину прибавляется специальный *Орт* со дня его рождения.

⁴⁴ Т. е. «сделал же я дорогу для Орта».

⁴⁵ Не лишено основания то мнение, что Зыряне под *Ортом* почитали души умерших своих предков. Быть может, на своих языческих кладбищах они как-нибудь и изображали *Орта*, и приносили ему жертвы.

⁴⁶ Снаряд для ловли зайцев.

⁴⁷ Нужно заметить, что, являясь большею частью ночью, *Орт* имеет при себе синий огонёк, который вспыхивает по его следам. Это единственный признак видимости *Орта*. Вообще же нужно сказать, что из всех древних божеств — духов один только *Орт* до сих пор сохранил у Зырян, в сравнении с другими духами (*Вэrsa*, *Куль* или *Васа*), черты своей духовности: сам он никогда не видим.

⁴⁸ Т. е. «это Орт; верно, кто-нибудь умрёт».

⁴⁹ Так как в этой песне весьма характерно изображается семейная жизнь Зырян, отношения сына и невестки к старику-отцу, то считаем не лишним привести и начало песни:

Ой, ой, мый-нэ сыдчи ола дыр!
Кулэмысь ог, пиись пола пыр!
Ме-пэ быдцэн сьои сылысь нянь;
Ог нин казав пызан вылысь пань!
Тырыс эм-бур дасьтлы сылы, ов!

Как длинна человеческая жизнь!
Не боюсь я смерти, а боюсь сына!
Весь хлеб, говорят, я у него съел;
За столом мне забывают ложку подать!
При жизни своей, я оставил ему

наследство: живи — не жалуйся.

Сылысь корны дэмас — вылэ пов!
«Дур пон» выль ним пуктыс сые мем...

А теперь страшно попросить у него на заплату!
«Бешеная собака» — это новое дал
мне имя сынок...

Кыдч-нэ арталы ме, пие, нэм?
Мый ме йез-моз морт-лов сетлы
тэд?

Как-же я думал, сынок?
Что я тебе, как и люди, давал
человеческую душу?

Бара и монь... но сые-петлэ, мед!
Оз пэ гэгэрво, вэд, быдса йей!

Опять и невестка... но уж та, пускай, чужая!
«Ничего,— говорят они (про меня) —
не понимает: из ума выжил!»

Ог тэд, воштысьны тась кытче, вой!
*Иен** видч! норасьны мед муна, шог!

Не знаю, куда мне деться: теперь ночь!
Сохрани меня *Иен*, чтоб я пошёл

на них жаловаться!

Вины ачимэс? да кыла: мыж!
Кыдч-кэ пурт тай аслыд вылэ ныж!

Убить себя? да слышу: неладно!
Да и нож то весь туп, как ни точи
его на себя!

Та вой лэсасис нин йона *Орт*...

Прошедшую ночь я слышал сильный
стук *Орта* и проч.

⁵⁰ Т. е. «если животное не пришлось по сердцу одному *Олысю*, то может понравиться другому».

⁵¹ Трава-плакун.

⁵² У животных самец.

⁵³ См. I гл. стр. 20–23.

⁵⁴ «Нывъ» значит девица; «ясъ» — окон. мн. числа.

⁵⁵ «Пывсины» значит мыться, «пывсянъ» — баня, отсюда «*Пывсянса*» — банный дух, обитающий в банях.

⁵⁶ Во время «полесования» (вэрэ ветлэдлэмь), т. е. ловли зверей, стрелянья белок и рябчиков и др. птиц, которое происходит осенью, с конца сентября до половины декабря и зимой — с половины января до половины марта, Зыряне живут в лесу в «пывсянахъ». Это — бревенчатые избушки в 5–6 рядов, покрытые досками на один скат; на крышу насыпается земля; в углу кладётся каменка, как в чёрных банях, по стенам, у самого потолка, устраиваются нары, которые заменяют банный полок; двери прорубаются низенькие и плотно притворяющиеся. Таким образом, «пывсяны» служат и местом жилья и банею. В них так тепло, что охотники спят, раздевшись до нага, в то время, как просушивается намокшая одежда. Такие «пывсяны» рассеяны почти по всему Зырянскому краю, на расстоянии 20, 30 и 40 вёрст один от другого.

⁵⁷ Т. е. после двух раз мытья.

⁵⁸ См. Памят. книж. Архангельской губ. на 1864 г., ст. Ефименко, «Суеверия жителей Архангельской губ.

⁵⁹ В Арханг. губ. *Шева* известна под именем «икоты». «Зыряне и св. Стефан еп. Пермский».

⁶⁰ «Чыкэдчись» — колдун, еретик, «тэдысь» — знахарь, «тунъ» — главный колдун. У Зырян Пермской губ. существует особый класс колдунов, так называемые «чэръ-эшлысьясъ» — буквально — топор-вешатели, потому что они объясняют причину несчастий или предсказывают будущее посредством топора. Обряд совершается следующим образом: «чэръ-эшлысь» берёт часть соли и воска, хранящихся в божице (с иконами) и бросает на горящие уголья. Затем вешает топор на шейном гайтане (на котором носит крест) и держа таким образом топор, молится, странно перечисляя имена известных ему святых и умерших родственников. Если во время этой переключки топор придёт в движение при чьём-либо имени, — это значит, что такой-то святой или умерший родственник «нашёл на домъ», т. е. причинил несчастье. Тогда Пермьяк идёт просить Священника отслужить обедню или панихиду по умершему, или молебен известному Святому. Колдунами у Зырян чаще всего бывают: мельники, пастухи,

коновалы, конюхи, отставные кавалеристы, банщики, цирюльники, костоправы, повивальные бабки, отставные фельдшера, странствующие торговцы косметическими товарами и разными составами и проч.

⁶¹ О древних Памах-жрецах мы скажем подробнее ниже.

⁶² Чубинский. «Учёные экспедиции по юго-западу России». СПб. 1872 г., том I. Забылин, «Русский народ в обрядах и поверьях». М. 1880 г.

⁶³ Впрочем, по мнению Зырян, хорошие колдуны и знахари могут прогнать *Титимэр* из жилищ посредством курений, нашёптываний и т. п.

⁶⁴ *Титимэр* иногда вселяют и колдуны («чыкэдчиси») в отмищение-ли хозяевам за оскорбление, или по зависти, или просто по недоброжелательству.

⁶⁵ Забылин «Русский народ в обрядах и поверьях». Стр. 248–254.

⁶⁶ От прилаг. «Йонъ» — сильный, крепкий.

⁶⁷ См. Журнал «Москвитянинъ» за 1847 г., № 1.

⁶⁸ См. Вологод. губерн. вedom. за 1850 г., № 3.

⁶⁹ СПб. 1856 г., стр. 49, примеч. 30.

⁷⁰ См. «Журн. М. Внутр. Дел.» за 1858 г., март, стр. 61–62.

⁷¹ См. «Памятн. кн. Перм. губ.» за 1863 г., стр. 35.

⁷² См. «Учён. Зап. Казан. Универс.» за 1868 г. апр., стр. 40.

⁷³ См. Полн. Собр. Рус. Лет. V т. 249–250 стр. Никон. Лет. Т. IV, 267 стр.

⁷⁴ См. «Повесть о Стефане, Еп. Пермскомъ». Из Сборника XVI в. Синодал. Библиот. и в Памятн. Старин. Русс. Литер. изд. 1862 г., вып. IV, стр. 122–124.

⁷⁵ «Сокращен. Росс. Церков. Истор.» СПб., 1805 г., т. I, гл. 35, стр. 243.

⁷⁶ Так, Архимандрит Макарий ссылается на статью «Пермяки» в «Москвитянин», на ст. г. Михайлова в Волог. губ. вед. за 1850 г. и на ст. «Опыт исследования о древней Югре» в Вестнике Имп. Русс. Географ. Общ. за 1855 г., кн. IV, стр. 167–190, в которой — кстати скажем — ровно ничего нет о древней языческой религии Зырян или Пермян. Далее г. Пенн делает ссылку на г. Рогова, г. Шестаков на Архим. Макария и г. Пенна... Все эти ссылки мы сличили и нашли, что последний из них — г. Шестаков, как и следовало ожидать, сказал то, что сказал первый автор в «Москвитянин», разумеется, уже от себя, без ссылки... Основного источника этих ссылок мы, таким образом, не нашли.

⁷⁷ См. «Продолж. дневных записок путешествия», СПб., 1780 г. Часть III, стр. 241 и далее.

⁷⁸ «Святой Боже» — «Вежа *Ениэ*» (зват. пад.); «Сын Божий» — «Пи *Енлэнг*». См. там же стр. 242 и 246. Писать вернее не «*Енэ*» (Михайлов) и не «*Инэ*» (Шестаков), а *Иен*, как и произносят Зыряне. Г. Савваитов пишет это слово с j: «J e n» (См. его брош. «О Зырянских Календаряхъ», М. 1873 г., стр. 8).

⁷⁹ См. Учён. Зап. Казан. Универс., за 1868 г., апр., стр. 41.

⁸⁰ Речь о нём будет ниже. Не счёл ли г. Шестаков названия: «*Иенъ*» и «*йома*», сходные по произношению, за одно и то же слово?

⁸¹ *Пыртны* — вводить, *пыртчем* собственно введение (в христианство), *висьтасьны* — высказывать, признаваться, *вичько-вземь* — строение храма, *бур-висьталэмъ* — благовествование.

⁸² См. Вологод. Губерн. Вед. за 1850 г., № 3, ст. «Устьвымъ». Епифаний, «Повесть о Стефане, епископе Пермском», Памятн. Русск. Литер., 1862, IV вып., стр. 133. Г. Куратов, желая оправдать мнение о существовании у язычников-Зырян божества — *Йенэ* (производит также от прилагательного *йонэ* — сильный, великий), говорит, что такое имя могло быть дано Богу не среди бедной природы зырянского края, а там, где природа действительно давала хорошо чувствовать свою силу и влияние на человека. Существует также зырянское слово «*еннога*» — богоподобный; но мораль об уподоблении человека Богу принадлежит преимущественно азиатскому нравочучению». (См. Вологод. Губ. Вед., за 1865 г., № 37, ст. «Зырянский язык»). Ни мало не соглашаясь с тем мнением, что предки Зырянъ, Финны — выходцы из Азии, родины первобытных народов, мы однако ж не согласны с г. Куратовым в том, что предки Зырян и по переходе из своей прародины на северо-восток Европы сохранили верование в Единого Бога Духа, если это верование они имели в своей первобытной стране. Для нас вполне достаточно в данном случае свидетельство летописей, которые изображают Зырян грубыми язычниками, и следовательно, для понятий *Иенэ* и *Иеннога* в их религии не было места.

⁸³ Ссылка на ст. г. Пенна, Перм. Собрн. за 1863 г., стр. 35. Древнее существование *Куля* мы признали, но не с теми чертами, какие даны ему Зырянами в христианстве, когда он стал тождествен с сатаной.

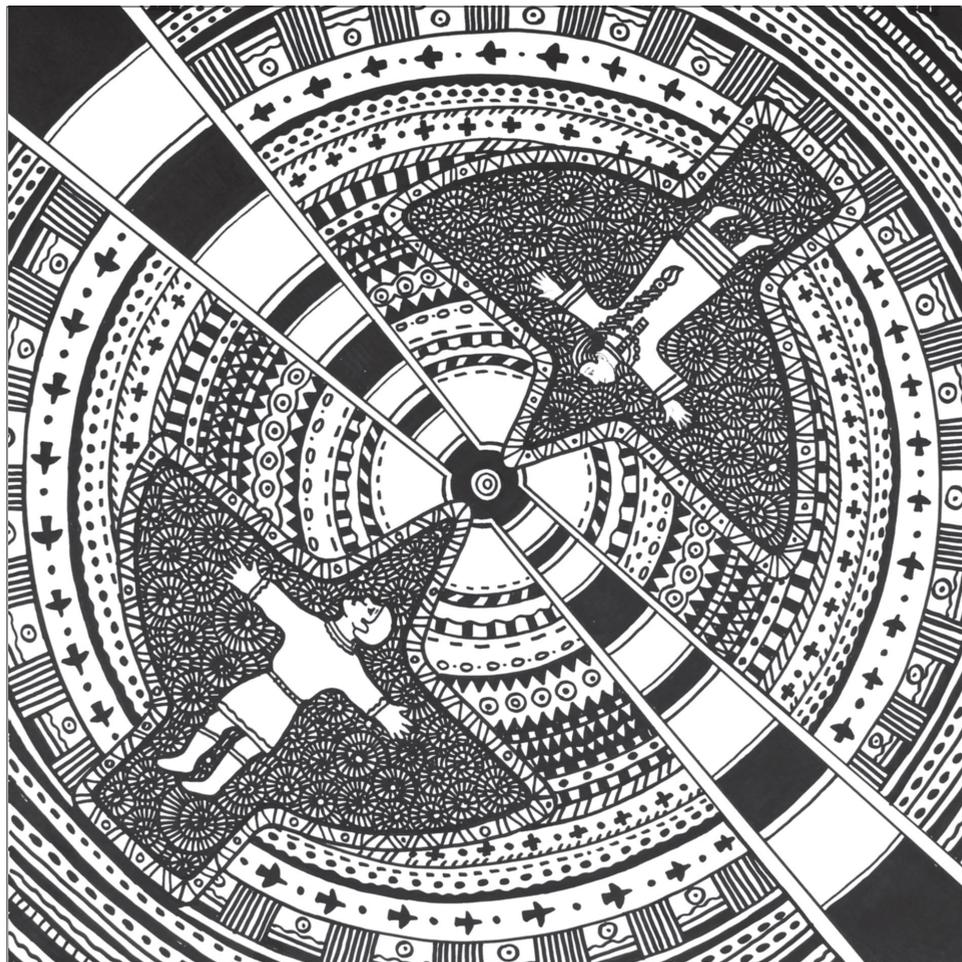
⁸⁴ «Юмо» у Шестакова соответствует зырянскому *Иен*.

⁸⁵ Т. е. Черемисский «*Керметэ*» — тождественный, по мнению г. Шестакова, с *Кулем*.

- ⁸⁶ Учён. Зап. Казан. Универс. за 1868 г., № 4, стр. 42.
- ⁸⁷ Впрочем, по другим известиям и в Черемисской религии нет точного дуализма: «добрые боги добры, пока их ублажают, но под этим условием добры и злые». «Можно сказать,— говорит г. Знаменский, что культ *Кереметю* (богу зла) составляет сущность всей религии Черемись». (См. «Горные Черемисы Казан. края». Вестник Европы за 1867 г., декабрь, стр. 49–51).
- ⁸⁸ Остяки, а по мнению Миллера, и все северные народы верят, что души умерших вселяются в медведей, поэтому последние боготворились ими. (Ежевский, «Заметки о Пермских древностях». См. Пермский Сборник за 1859 г., т. I, стр. 140; «Описание всех в Российском государстве обитающих народов», СПб., 1776 г., стр. 22). «По убиении их (медведей), описываемые Миллером народы поют извительные песни и оказывают повешенным шкурам много учтивостей, чтобы они в царстве теней не мстили». (Миллер, там же, стр. 88).
- ⁸⁹ См. Тобольск. губ. Вед. за 1858 г., № 2.
- ⁹⁰ См. Зырян. песнь «Зон», на 69 стр., гл. 2.
- ⁹¹ Зырянское «льокъ» тождественно с коренным Скандинавским «Локе» — дух зла; зырянское «омэль» значит дурной, злой.
- ⁹² *Вежа* собственно значит святой, *вой* — ночь.
- ⁹³ Канун праздников Рождества и Крещения (сочельники) называется у Зырян *Куття лун*, день кутьи, потому что в этот день они употребляют в пищу кутью — кашу из ячменной крупы с соком конопляного семени; отсюда понятно и другое название духов «*куття войса*» — около-крещенские духи.
- ⁹⁴ Эта ночь Зырянами считается самой опасной.
- ⁹⁵ Вера в присутствие всех этих нечистых духов *Вежа-войсаясов* и *Куття-войсаясов* в Зырянских селениях в святочные вечера и ночи служит, между прочим, самым верным средством против крикливости и шалости детей. Вслед за произнесением старшими: «*Чев, Куття войсайдъ локтасъ*», т. е. перестань, не то придёт *Куттявойса*, — дети тотчас же оставляют свои шалости и прячутся, кому куда случится.
- ⁹⁶ См. об этом мнении Эйхвальда в Зап. Импер. Археолог. Общ., 1856 г., т. IX, стр. 345, 269–270.
- ⁹⁷ См. «Калевала» в перев. Грангстрема, изд. 1884 г., гл. V, стр. 38–43; VIII, 74–76; XXIII, 210; XXIV, 223–224; XVIII, 160; XXI, 201–202. Думаем, что светлые черты божеству приданы впоследствии; основание своему мнению изложим ниже.
- ⁹⁸ См. «Сравнительный Словарь всех языковых наречий», ч. I; под словом Бог. Миллер, «Описание народов, СПб, 1776 г.
- ⁹⁹ «Древние понятия Финнов о божестве», см. Журнал Мин. Народ. Просвещ., за 1837 г., ч. 15, стр. 427–429.
- ¹⁰⁰ Йомала от глагола *гымалны* — греметь, *гымъ* — гром. В древности произносилось *гюмала* и *юм*. См. Миллера «Описание народов», СПб., 1791, стр. 82–83.
- ¹⁰¹ Стурлезон называет её *Wina*, как и Герберштейн. См. «Герберштейн и его историко-географические известия о России», Замысловского, СПб., 1884.
- ¹⁰² «*Nos sedeat quoque in aurea Deus Biarmiorum, Iomali dictus, quem nemo adeafit audax, ut spoliat*». *Iter in Biarmiam*, 119 p. *Historia conscripta a Sturlae filio*. Edit. 1778 an.
- ¹⁰³ *Historia Rerum Norvegicorum conscripta a Snorrio Sturlae filio*. «*Iter in Biarmiam*». Т. II, cap. CXLIИ, 117–125 p. edit. 1778 an.
- ¹⁰⁴ В описании Стурлезоном идола *Йомалы* не говорится, из какого материала был сделан идол, но судя по тому, что с одного взмаха топором слетела голова *Йомалы*, нужно думать, что он был сделан не из металла или камня, а скорее всего, из дерева.
- ¹⁰⁵ По Шлецеру тоже золотая.
- ¹⁰⁶ «Несторъ», Шлецера, ч. I, стр. 76–77. СПб., 1824. «Русский Временник», стр. 52–54.
- ¹⁰⁷ «Памятники Старинной Русской Литературы», вып. IV, «Повесть о Стефане», стр. 123 и 136.
- ¹⁰⁸ *Periplus Otheri et Wulfstani*. Script. rer. Danic. Т. II. Hafniae. Ed. Langebeki. 1773 an. pag. 71. *Descriptio Jroenlandiae auctore Ivare Bardsonio* (Antiquitate Americanae. Ed. Rafn. Hafniae. 1837 an. pag. 281–318).
- Antiquites Russes d'apres les monum. histor. des Islandais et des anc. Scandinaves*. Vol. 1–11. Copenhague 1850–1852.
- Strahlenberg. *Das Nord-und Oestliche Theil von Europa und Asia*. Stockholm. 1730.
- ¹⁰⁹ Правильное произношение «*Ул-дора*». *Улъ* (сысольское наречие) или *Увъ* — (вычегодское) значит *низ* или *низший*, *доръ* — край, конец; отсюда *Удора* — нижний край, конец. Так называется северная часть Вологодской губернии, смежная с Архангельской губернией.
- ¹¹⁰ *Зарни* — золотой, *Ань* или *Энь* — женщина.
- ¹¹¹ Полн. Собр. Русск. Летоп., т. V, стр. 250. Никон. Л., IV, 267. Ист. м. Платона, изд. 1805 г., стр. 243.

- ¹¹² «Обдора» правильнее «*Ыб-дора*» (*ыбъ* — гора) — значит горный предел.
- ¹¹³ «Zlata baba id est Aurea anus, idolum est, ad Obi ostia, in provincia Obdora, in ulteriori ripa situm». Sigismundi Herbersteini Rerum Moscoviticarum commentarii. Baselis, 1556 an. Itinerarium ad Peczoram jugariam, et Obiusque fluvium, p. 56.
- ¹¹⁴ Ibidem., p. 56–58.
- ¹¹⁵ Народ финского племени, живший по реке Оби.
- ¹¹⁶ «In hac Obdoriae regione, ad ostia Obdi fluvii, est quoddam antiquissimum idolum de lapide excisum. quod Moschovitis Zolota baba dicitur. Est autem similitudo mulieris vetulae, infantem in gremio tenentis, et alterum iuxta se infantem habentis, quem nepotem illius esse incolae dicunt. Hoc idolum ab Obdorianis, Iuhriciis et Voguluciis, aliisque conterminis gentibus cultu latraiae veneratur». Vid. «Rerum Polonicarum Suagnini», libr. II. 205 pag. «De idola aurea anus».
- ¹¹⁷ «Hoc autem nihil aliud esse dicerem, nisi instrumenta quaedam illic antiqua; tus posita, vel canales subterraneos, sic natura ipsa effectos, qui ventorum perpetuo flatu sonum boalunque clangorem continuo efficiunt». Vid. Suagnini, Moscoviae Descriptionem edidit. de Starczescy. 15 pag. 1841 an.
- ¹¹⁸ Обдорцы — нынешние Остяки, — по мнению Лепехина, *те же Зыряне*, выселившиеся из Вымской области в конце XIV века по нежеланию принять крещение и христианскую веру от св. Стефана. Значит, св. Стефан застал у *Зырян Золотую Бабу*. Предание об этом переселении у теперешних Остяков очень свежо (см. Журн. Мин. Народн. Просвещ. за 1851 г., декабрь, стр. 12. Ср. Зап. Лепехина, IV ч., стр. 395–396, изд. 1779 г.).
- ¹¹⁹ Г. Саларев думает, что *Золотая Баба*, изображавшаяся с двумя младенцами, означала именно — землю, общую приятельнице людей; одежды и покрывало на её лице указывали на то, что многие сокровища земли скрыты, а головной убор цветами означал украшение земли (Вестн. Евр., 1815 г., 81 ч. № 10, стр. 129).
- ¹²⁰ См. «Записки о путешествии» академика Лепехина, ч. IV, стр. 375, изд. 1779 г. Ежемесячные Сочинения за 1790 г., ч. 50, ст. «О Зырянах», стр. 12. Есть мнение, что *Золотую Бабу* почитали все народы финского племени гораздо ранее появления Славян, что эта северная богиня соответствовала известной у восточных народов богине Сирийской. Доказывают это тем, что Лукрианово описание храма Сирийской богини, находившегося в Иераполисе, и его чрезмерных богатств весьма сходно с описанием богатства храма *Золотой Бабы*. Истукан Сирийской богини, вырытый в Прильвице, вылит был из золота (подобно будто бы истукану *Золотой Бабы*). В храме *Золотой Бабы* были скрыты многочисленные музыкальные инструменты, которыми жрецы производили шум, приписывая его самой богине. В храме Сирийской богини были также слышны подземные звуки. Все эти сходные признаки свидетельствуют будто бы о полнейшем соответствии северной богини *Золотой Бабы* — Сирийской богине, которая со временем у культурных народов превратилась в Венеру (Саларев. Вестн. Европы, за 1815 г. № 10, стр. 128–129).
- ¹²¹ Костомаров, «Славянская Мифология», стр. 30–31. Г. Костомаров говорит, что *Золотая Баба* — божество финских народов сходно с славянской богиней *Живою* и заимствовано ими у Славян.
- ¹²² У Черемис и Вотяков была богиня *Калдыни-Мумасъ* — мать *Ильмера* (Юмы) (Дневн. Записки Рычкова СПб., 1770 г., т. I, 157 стр.), *Му-Кальцину* — мать *Инмара* (Сев. Пчела, 1847 г. № 83, ст. «Мифология Вотяков»); у Чуваш *Тора-Амамъ* — мать *Тора* (Журн. Мин. Госуд. Имущ. за 1844 г., ч. XI ст. Леонтьева «О религии Чуваш», стр. 13); у горных Черемис Казанского края *Юмынь-Авя* — мать *Юмы* (Вестн. Евр., 1867 г., дек. стр. 44).
- ¹²³ Для нас интересно то, что в древнеславянских рукописных сказках зима представляется под образом злой мачехи, скрадывающей с неба дожди и губящей плодородие: «Зима подобна есть жене мачехе, зле и неустроенне, не жалостливе и арей (ярой) и немилостивой; всегда добра, и тогда знобит; всегда милует, но и тогда казнит, знобит и гладом морит... Сипцева есть зима, сипцева и мачеха...» Сборн. Соловец. библ., № 860.
- ¹²⁴ Лепехин «О Зырянах», Дневн. Зап., ч. IV, стр. 376–377.
- ¹²⁵ Остяки или Кондорцы переселились с р. Конды. В древности они ничем не отличались от Зырян (см. Миллера «Описание народов», СПб., 1776 г., I ч., стр. 77–78. Журн. Мин. Народн. Просвещ. 1836 г., ч. II, стр. 629–630, ст. Руднева).
- ¹²⁶ Миллер, «Описание всех в Росс. Госуд. обитающих народов», СПб., 1776 г., ч. I; стр. 87.
- ¹²⁷ Значит бабушка.
- ¹²⁸ Как, по одним, и *Золотая Баба*.
- ¹²⁹ Т. е. старик.
- ¹³⁰ См. архим. Вениамина: «Язык и вера некрещённых Самоедов». Вестн. Импер. Русск. Геогр. Общ. за 1855 г., кн. III.

Проза. Поэзия

Альберт Ванеев

Ванеев Альберт Егорович (1933–2001) — коми поэт, литература туйалысь.

Альберт Ванеев чужис Удора районса Буткан сиктын. 1955-öд воын помаліс Сыктывкарын Коми педагогическӧй институт. 1963-öд воын Москваын дорйис «Коми поэзияын гижан сям» кандидат диссертация. Нелямын во гӧгӧр уджаліс Россияса наукаяс академиялӧн Урал юкӧнса Коми наука шӧринлӧн Кыв, литература да история институтын, веськӧдліс кыв да литература юкӧнӧн. Пуктіс ыджыд пай национальнӧй литературоведение сӧвмӧдӧмӧ, юрнуӧдіс «Республика Коми» энциклопедия дасьтан уджӧн. Гижис литература туйлан куимсӧ сайӧ удж.

Медводдза кывбур А. Ванеев йӧзӧдіс 1949-öд воын. «Ме чужи Войвылын» (Родился я на Севере), «Бара кылалӧ йи» (Снова тронулся лёд), «Лун шӧр» (Полдень), «Вежӧдӧны кыдзьяс» (Зеленеют берёзы), «Ловъя би» (Живой огонь) да мукӧд книгаӧ пырисны поэтлӧн кывбуръяс, поэмаяс, сонетъяс, балладаяс, роч да мирвӧй поэзияыс вуджӧдӧмъяс.

Наукаӧ да литератураӧ ыджыд пай пуктӧмысь А. Е. Ванеевӧс вылӧ донъялӧма. Сійӧ Коми комсомол премия лауреат (1968), Коми АССР-са заслуженнӧй уджалысь (1988), Коми Республикаса народнӧй поэт (1996), Коми Республикаса Государственнӧй премия лауреат (1978–1978, 2001).

«Чужан сиктӧй менам...»

Сонетъяс гӧрӧд

1.

Ме чужи сэн, кӧн ӧзйӧ войвыв кодзув,
Вой кыа кӧдзӧ сизим рӧма дзирд,
А тӧвся енэж вӧзйӧ-койӧ соддзӧн
Став дона сьӧмсӧ – лымъя эзысь чир.

Сегодня мало кто знает, что Альберт Ванеев был научным руководителем Дмитрия Фролова в бытность его работы в Институте языка, литературы и истории Коми НЦ. Собственно, в 1989 году Альберт Егорович сам предложил должность старшего лаборанта в отделе литературоведения с перспективой последующего поступления в аспирантуру молодому выпускнику Литературного института. К сожалению, литературоведческая карьера Д. Фролова не сложилась, но с А. Ванеевым его связывала не столько перспектива научной деятельности, сколько поэзия. Дмитрий сознательно поступил в Литературный институт на отделение перевода с коми языка, и среди его творческих работ, представленных приёмной комиссией, немалое место занимали и переводы стихов А. Ванеева. К сожалению, сохранилось не так много из этих переводов, возможно, они ждут своего часа в частных архивах или в архивах тех СМИ, куда Д. Фролов посылал свои стихотворения. Предлагаемый вниманию читателя перевод венка сонетов «Чужан сиктой менам» (Село моё родное) был сделан, очевидно, в период подготовки Д. Фролова к поступлению в Литературный институт, в тот период его творчества, когда он, по его же словам, только начинал овладевать «техникой стиха» и абсолютно не знал «техники перевода». Конечно, взыскательный читатель, особенно имеющий возможность сравнить перевод с оригиналом, может посетовать на некоторое несовершенство перевода — и будет прав. Сам Д. Фролов, очевидно, не претендовал на публикацию Венка сонетов, как часто бывает, он, без всяких доработок, набело переписал черновой вариант перевода и отложил его до лучших времён — так он и сохранился в его личном архиве. Судя по всему, он собирался переработать этот вариант сонетов, сохранились рабочие материалы, но не успел. Мы предлагаем читателю этот перевод Венка сонетов в том виде, в каком его оставил Д. Фролов, — без редакторской правки — ведь кроме формального совершенства стихи делает Поэзией любовь к предмету творчества, а здесь Д. Фролов как раз попадает в точку. И читатель это поймёт.

«Село моё родное...»

Венок сонетов

1.

Я здесь родился, под звездой Полярной,
Где льёт Сиянье чудо-семисвет,
Где северное небо сыплет ярко
Снежинки, словно пригоршни монет.

Ме чужи сэн, көн шувгө помтөм вөр,
 Көн тшапитчөны ниа, коз да пожөм,
 Көн чорыд пужъяс дженьдөдоны гожөм,
 Көн олоны лөз кынь да винёв көр.

Ме чужи сэн, көн сөдзөсь парма ёльяс,
 Көн чөскыд льөм дзоридза тувсов тшын,
 А төвнас муыс овлө изйөдз кын.

Но көдзыд йылысь мый ёнасө дольны?
 Ме чужи сэн и нэмөс кута кольны,
 Көн төлысь улын бисерасьö лым.

2.

Көн төлысь улын бисерасьö лым,
 Кыз эшкын улө дзебө вөр и тундра.
 Көн мортлөн сьөлөм медем вөлі пым,
 А мөд ногөн и гөна пасьөн турдан.

Көн торъя колө отсөг сетысь ки,
 Көн муртавлөны торъя, войвыв донөн
 И муслунлысь да ёртасьөмлысь шоныд,
 И лөглунлысь да зывөктөмлысь би.

Көн эбөс – абу сөмын сөнөд сойын,
 Көн өтнад вой төв кабырысь он мын,
 Көн няргысь мортыд – сөмын мортлөн джын.

Ми чужим тан. И абу ми геройяс
 Кодсюрө моз, код во-мөд кежлө воис,
 Көн колө писькөс мортлөн сям да вын.

3.

Көн колө писькөс мортлөн сям да вын,
 Мед чоя-вока ногөн овны миян.
 Во джынйысь дырджык тані муыс кын,
 Но менам парма – сэтшөм жө Россия.

Өд өти шонді сявкйö юръяс весьтын,
 И өти мөвпөн уна кыла йөз
 Ми орччөн олам-вылам нәмъяс чөж,
 И көдзыд дырйи өти бипур пестам.

Бескрайна здесь тайги густая сень,
Но сосны — словно вытканы из света,
Здесь иней укорачивает лето,
Живут песец и северный олень.

Лесной ручей сияет чистым станом,
Черёмухой здесь пахнет дым весны,
И твёрд, как камень, зимний горб волны.

Но я на холода пенять не стану:
Я здесь родился, здесь я и останусь,
Где искрист снег в сиянии луны.

2.

Здесь искрист снег в сиянии луны,
Под толстым покрывалом лес чернеет,
Сердца здесь быть горячими должны,
Не то и в шубе вмиг заоченеешь.

Здесь северною ценятся ценой
И помощь, без которой вам не выжить,
И дружбы жар, что ненависти выше,
И зло, и низость подлости земной.

Здесь в одиночку, будь ты хоть горою,
Не пересилить вьюжной пелены,
Здесь нытики идут за полцены.

Но мы родились здесь, мы не герои,
Как те, что по вербовке Парму роют,
Где навыки таёжника нужны.

3.

Здесь навыки таёжника нужны,
Чтоб жить по-братски, дружно и красиво,
Полгода мы в снега погружены,
Но наша Парма — тоже часть России.

Разноязычны мы, но всем на радость
Сияет солнце, ясное с утра.
Века живут народы наши рядом
И греются у общего костра.

Му вылын абу дружбаысь бур би:
 Бур ёртасьом, кызд туй индалысь кодзув,
 Кызд шуда здукö вöзйöм дона козин.

Сöветскöй чужан мулön ныв да пи
 Зэв топыд сывйön сывъясьламöй ми,
 Не чегны медым чизыр бушков водзын.

4.

Не чегны медым чизыр бушков водзын,
 Тшöтш колö тöдны, мый на кужлис пöль,
 Öд он кө босьт нэм чöжөн öктöм козин,
 То верман лоны медся йöй и гöль.

Но важ дорас мед содас öнъя мывкыд.
 Бур тöдсаön мед лоас, сиктса пи,
 Гагарин, Лорка, Сент-Экзюпери –
 Быд кадлön эмöсь аслас сыланкывъяс.

Да-й сиктса мортыс ачыс лой выль,
 И сылön ёнджык, чожджык лэбан бордйыс –
 Оз дзескöдчы нин сöмын чужан гортас,

Оз повзьöд сййös олём каян мыльк,
 Öд вынсö сетö, шуны кө нин збыль,
 Ас чужан муöй – мамлön шонтысь морös.

5.

Ас чужан муöй – мамлön шонтысь морös,
 Да муса чужан кылöй – ловъя лов:
 Оз ло кө сййö – сьöлём чеччас ортсö,
 Оз ло кө сййö – сэки-й ме ог ов.

Ме кыла чужан кылысь вой тöv увгöм,
 И югдöм водзын раскысь лэбач шы,
 И лажмыд берег нюлысь мелі гы,
 И гулыд ягын пожöмъяслысь шувгöм.

Ме чужан кылön кужа прöща корны,
 Кор сьöлём вылам водлас мыжлön пуж,
 Кор майшасьöмысь мездысьны ог куж.

Нет, в этом мире нет добрей огня
Любви и дружбы. Негасимо ярок
Он — путеводный свет звезды Полярной.

Мы все — многоязычная семья.
Покрепче же обнимемся, друзья,
Чтоб выдержать напор метели яррой.

4.

Чтоб выдержать напор метели яррой,
Седая мудрость прадедов нужна,
Когда забыта напрочь старина,
Мир кувырком слетает с крутояра.

Но надо нам и новое учесть,
Что родились в селе богатыри:
Гагарин, Лорка, Сент-Экзюпери —
Своя в любой эпохе песня есть.

Да и сельчан коснулась новизна,
Окрепли крылья силою незримой,
Не коротают век в избе родимой,

И не страшна им жизни крутизна.
А силы им даёт своя страна,
Земля отцов — грудь матери любимой.

5.

Земля отцов — грудь матери любимой,
Родной язык — основа жизни он,
Не будет их — и смерть неодолима,
Не станет в мире их — и сердце вон.

Я слышу ветер ночной в родном наречьи,
И щебет рощи рано поутру,
И сосен многострунную игру
В сквозном бору, и лепет тихих речек.

На языке родном могу молиться
Об отпущении грехов моих,
Покров грехов — как иней, жгуч и тих.

Меддонаторйой, лелькуйтанаторйой,
 Ас чужан кылöй – ичöтик сöдз шорöй,
 Ас чужан сиктöй – менам кок ув вуж.

6.

Ас чужан сиктöй – менам кок ув вуж:
 Сэн көмтөм кока челядьдырöй лэбис,
 Сэн быдман вынсö сетлис сиктса удж,
 Сэсь аски кежлö нёняла ме эбös.

Мед сьод и шома, медым йики сора,
 Но сэн ме сёйли медся чöскыд нянь.
 И лолöй кыпыд, сьөлөм вылам шань,
 Ас сиктса морт кө гортас менö корас.

Зэв нимкодь, шуасны кө мем бур кывъяс
 Да веськавла кө батылы пöрысь сывъяс,
 Да мамлысь бурсиймсö кө ог вудж.

Ме ассым шудös мöдлаысь ог тывъяв:
 Ме чужан сиктös ог вунöдлы сутш,
 И нимкодьясьны сытög ме ог куж.

7.

И нимкодьясьны сытög ме ог куж,
 И йöз сёянөн сьөлөмöй оз бурмы.
 А чужан сиктам – пужйыд абу пуж,
 И гажтöмтчöмлөн дзуг-везйö ог сюр ме.

Мем лöсьыд, кодыр войтырыслы долыд,
 Кор лышкыд овлö лун морöса му,
 Кор синтөм неминуचाыс оз су –
 Сэк бытьö гудöкасьö томмөм лолöй.

Тан садьмысь луныс сэтшөм овлö шань,
 И нюмъявсьö, и сывсьоджык мем тан,
 И мörччанаджык овлö сылан горöй!

И кытчöдз сьөлөм тiпкөмöй оз ланьт,
 Ме чужанiнкöд йитöдъяс ог орöд,
 Ме сьökыд здукö локта век сы дорö.

Души наидражайшая частица,
Родная речь — она ручьём струится.
Село родное — корни сил моих.

6.

Село родное — корни сил моих:
Здесь детство босоное промчалось,
Здесь тело моё силой наливалось,
Заколосился здесь мой первый стих.

Пусть чёрный, кислый, пусть с колючей остью,
Но самый вкусный хлеб я ел лишь здесь,
И для меня всегда большая честь,
Когда зовёт односельчанин в гости.

Здесь доброму любому рад я слову,
Рад вспомнить я в объятиях отцовых
Заветы матери, что свято чтил я их.

Вовек мне не забыть села родного,
Лесов и пашен, с детства дорогих.
Нет счастья мне, нет радости без них.

7.

Нет счастья мне, нет радости без них.
Не веселят и яства на чужбине.
Но если дома я, среди своих,
Силки тоски и грусти не страшны мне.

Как праздничное нравится село мне!
Когда удачно кончилась страда,
Душа играет, словно на гармонии —
И прочь бежит безглазая беда!

Мне так легко здесь. Душу веселя,
Здесь урожайна песнями земля
И вдохновляет всё, что мной любимо.

Село родное, пашни и поля
От сердца моего неотделимы,
К ним в трудный час стремлюсь неодолимо.

8.

Ме сьёкыд здукё локта век сы дорё,
 А сьёкыд здукыд – абу на и шоч:
 И сконъясьла, и казьявлывла сёрён,
 Мый лун шөр бёрыд – абу асывводз.

Мый суны-вотодны он ставсё удит,
 Мый быд пёрйё он курышт киссьём ва,
 Мый чужомсьыд он зырт быд пёлос са,
 Мый он век дзоньтав отчид разьсьём шудтё.

Но шаньджык лунъяс, югыд кёка войяс
 Век бурдодлоны чёсодана дойяс,
 Да йитльвлёны весиг чегём борд,

Кыз овлө пөльлөн-пөчлөн авъя мойдын.
 Ме – сиктса пи. Ме тані ашөр морт –
 Оз вунёд мам сёлёма чужан горт.

9.

Оз вунёд мам сёлёма чужан горт
 Ни шы ни төв, ни свинеч гыма лунъяс,
 Кор медся шусян кылён вөлі «фронт»,
 Съёд кымөр сайё шондіыс кор сунліс.

И коді тылтё кутіс, чужан муой,
 Эз бара кымынь усь, эз лэдзчысь вань:
 Став вынъяссё сэк зэвтис коми ань,
 А мамой – томён-бурён усис гуё.

И вичмис миян курыд челядьдыр,
 И верстьё төждлун сөліс пырысь-пыр,
 И кусёдаліс синмысь вильыш бияс,

Но өзъян выныс морёсысь оз быр.
 И вежёрсьыс оз чуктөд сиктным миян
 Ни ловъяёс, ни бойын усьём пиёс.

8.

К ним в трудный час стремлюсь неодолимо...
А в жизни их немало, трудных дней,
Тех дней, когда с утра — удача мимо,
И поздно гнаться за полднем за ней.

С годами вспоминается всё чаще,
Что пролитой воды не соберёшь,
Что с жизни всякой сажу не сотрёшь,
И что не склеишь сломанное счастье.

Но колдовскими белыми ночами
Кукушки с непонятными речами
Склонялись над поломанным крылом

Мечты — и раны заживали сами.
Я — сын села. Я свой в селе родном.
Не забывает материнский дом.

9.

Не забывает материнский дом
Тех лет, когда над родиной витало
И громыхало слово «фронт», как гром,
И, словно туча, солнце закрывало.

Но не склонились мы перед бедой,
И коми бабы, что в селе остались,
Пусть надрывались — всё же не сдавались.
А маму схоронили молодой.

И детство вдруг осталось позади.
Пришли заботы взрослых, как дожди,
И гас огонь лукавинок до тленья,

Но разгорелся пламенем в груди.
И не забудет никогда селенье
Живых и павших, в каждом поколеньи.

10.

Ни ловъяос, ни бойын усьом пиос
 Оз вунод: синва эз на косьмы дзик.
 Том зонъяс вевтисны фашистскöй биысь
 Россияос и дона чужан сикт.

Эм рытиввыв граница дорын ланьтысь,
 И Ленинградос дорйысь быдмис тан,
 Но-й Буткан сиктса öти капитан
 Немецкöй карын вöвлі комендантön.

Эз быдön су войналысь бөръя лун,
 Оз быдön төд Победаыслысь нюм,
 Но югыд лунсö шедöдис ас киön.

Салдатлы вичмис садьмывлытöм ун,
 Но сылön лолыс, нимыс колис мяян:
 Салдатъяс вöсна дойыс – бурдтöм сійö.

11.

Салдатъяс вöсна дойыс – бурдтöм сійö,
 И казтылöмлön ёсьлуныс оз чин.
 Сё сайö мортос воштис ыджыд биын
 Дзик сöмын менам ичöt чужанін.

Гранитысь сувтис памятник сикт шöрын –
 Сэн нэмъяс кежлö сизьдöма быд ов.
 Сідз быд керкаын кодлönкö эм лов,
 Кыдз ловъя дзоридз памятника йöрын.

Тан кулысь мортос став олысьыс дзебö.
 А выльön чужысь ставлы содтö эбös,
 Быд би кинь öзтö öтув югöрттор.

А ме тай гортлань весиг бордтөг лэба
 И пöся-пöся мөвпала кöть кор,
 Мед чужан сиктам лоа век ас морт.

10.

Живых и павших в каждом поколеньи
Нам не забыть. И тех, кто награждён,
И тех, кем враг поставлен на колени,
И будущих — всех тех, кто не рождён.

И рядовой, и в чине ветеран,
Что отличился воинским талантом,
И сын деревни Буткан, капитан,
Что был в немецком граде комендантом —

Совсем не все вернулись в отчий дом,
Но День Победы был добыт трудом
И павших и вернувшихся в селенья.

Спят пахари войны глубоким сном,
Но имена их живы в поколениях:
Боль за солдат — не знает исцеленья.

11.

Боль за солдат — не знает исцеленья.
Прошла война и в вечность увела
Из небольшого моего села
Почти что роту — десять отделений.

Среди села стоит гранит простой.
У каждого погибшего солдата
В селе есть дом с его душой живой,
Как свой живой цветок внутри ограда.

Здесь умерших всем миром провожают,
А вновь рождённый силы прибавляет
Всему селу: одним живым лучом

Здесь искры жизни ясные сияют.
Домой спешу с заботой об одном:
Хочу я быть своим в селе родном.

12.

Мед чужан сиктам лоа век ас морт,
 Мед унджык лоас мывкыд чоя-вока,
 И менам дженъыд нэмöй кусас кор,
 Мед эськö эз жö казътывлыны лëкөн.

Ме тiян, сиктса зонъяс, нывъяс, аньяс,
 Пыр кöсий восьтны олöмыслысь мич.
 Морт вылö лöглун весиг войт эг видз,
 Пыр ас войтырлы зiли лоны шаньон.

Ме рад, мый сиктын гöрддзасьлöма нэмöй,
 Мый потан лайкан дзуртлывлöма сэнi –
 Шань мывкыд сиктлөн – вежны позьтöмтор.

Зэв окота на аддзывнысö меным,
 Мед сиктын лоас унджык шуда морт,
 Мед унджык лоас бур сьöлöма ёрт.

13.

Мед унджык лоас бур сьöлöма ёрт,
 Виль керкаяс мед гоньгöдасны юрсö,
 Да кокниджыка шедöдас зiль морт
 Кыдз олан шудсö, сiдз и пötöс нурсö.

Мед важся шогъяс вунöдас да дзебас,
 Ас чужан сиктöй мед жö оз ло, оз,
 Кыдз ковтöм-ловтöм, кушмöм-эндöм поз,
 Мый зумыш арын эновтлывлö лэбач.

И енмöй видз, мед бырис чужанiн,
 Мед сиктöй пыдди колис сöмын ним,
 А вояс мысти вуштыссис и сiйö.

Дзик öти кöсйöм сьöлöмысь оз чин,
 Пыр мелiджыка шонта морöс пиын:
 Мед нэм оз кусны сиктын öшинь бияс!

12.

Хочу я быть своим в селе родном,
И чтоб умом сельчане не мельчали,
И чтоб, когда умру, односельчане
Не вспоминали только о плохом.

Я вам, односельчане, словно дверцу,
Очарованье жизни приоткрыл,
Я зла на вас — и капли не хранил,
Старался петь и жить с открытым сердцем.

И рад, что в жизни связан я навеки
С родным селом. Как северные реки
Уклад села не троньте — грянет гром!

Живи село! Пусть в зыбках человеки
Поскрипывают в горницах шестом,
И пусть сердца наполнятся добром.

13.

И пусть сердца наполнятся добром,
Пусть новые дома вздымают крыши,
Пусть легче человек своим трудом
Себе на пропитание отыщет.

Пусть прежняя беда посторонится,
И пусть село родное, отчий дом
Не выглядят заброшенным гнездом,
Когда его покинули все птицы.

И упаси нас, Господи, от зла
Исчезновенья отчего села,
От имени его исчезновенья.

Одна меня забота извела,
Но зов её — превыше всех стремлений:
Пусть светят нам огни родных селений!

14.

Мед нэм оз кусны сиктын өшинь бияс...
 Ме бура тода, крестьянинлөн пи,
 Мый вочлывлёны шойччом төдөм кияс
 И синъясаныс öзйö кутшом би.

Мем олөм резö шуда кодзув дзирд.
 И сы вöсна ме уджйöза ас мулы
 И томөн-бурөн кувсьом мамлөн гулы,
 И том салдатлы, кодi кисьтiс вир.

И уджйöз тайö воясөн оз ям,
 Кöть тiлься, мыйта судзяс вын да сям,
 Да-й кыпыд лолöй чепсасьö на водзö.

И мед жö уна-уна вояс тан,
 Ас Коми муын, нимкодясьны позяс!
 Ме чужи сэн, көн öзйö войвыв кодзув.

15.

Ме чужи сэн, көн öзйö войвыв кодзув,
 Көн төлысь улын бисерасьö лым,
 Көн колö писькöс мортлөн сям да вын,
 Не чегны медым чизыр бушков водзын.

Ас чужан муöй – мамлөн шонтысь морöс,
 Ас чужан сиктöй – менам кок ув вуж,
 И нимкодясьны сытöг ме ог куж,
 Ме сьöкыд здукö локта век сы дорö.

Оз вунöд мам сьöлöма чужан горт
 Ни ловъяös, ни бойын усьом пиös:
 Салдатъяс вöсна дойыс – бурдтөм сйö.

Мед чужан сиктам лоа век ас морт,
 Мед унджык лоас бур сьöлöма ёрт,
 Мед нэм оз кусны сиктын өшинь бияс!

14.

Пусть светят нам огни родных селений!
Я — сын крестьянина, и мне ль не знать,
Что мир земной — усталых рук творенье,
Что доброте в глазах не отсиять.

Мне жизнь дана счастливою звездой,
Но велика за жизнь мою расплата:
Могила моей мамы молодой
И смерть в бою безусого солдата.

И никогда не выплатить мне тот
Безмерный долг: с годами он растёт,
Он — как звезда над северной поляной,

И свет её сквозь жизнь меня ведёт.
Как сделать радость жизни постоянной
Для всех живущих под звездой Полярной?

15.

Я здесь родился, под звездой Полярной,
Где искрист снег в сиянии луны,
Где навыки таёжника нужны,
Чтоб выдержать напор метели ярой.

Земля отцов — грудь матери любимой,
Село родное — корни сил моих.
Нет счастья мне, нет радости без них,
К ним в трудный час стремлюсь неодолимо.

Не забывает материнский дом
Живых и павших в каждом поколении:
Боль за солдат — не знает исцеленья.

Хочу я быть своим в селе родном,
И пусть сердца наполнятся добром,
Пусть светят нам огни родных селений.

Михаил Лебедев

Лебедев Михаил Николаевич (1877–1955). Чужис Усть-Сысольск уездса Межадор сиктын.

«Последние дни Перми великой», «Таня Осинина», «В волостном омуте» да мукöд повесът революцияöдз на гижліс рочён, коми йöзлөн легендарая подув вылын лöсьöдіс «Кöрт-Айка», «Яг-морт», «Юрка», «Повтöм зон» поэма-мойдгяс, ас кадö сцена вылын пуктылісны сылысь «Мича ныв», «Тун» да «Настук» опереткаяс.

Уна кывбур да басня лоины радейтанаöн верстьöлы и челядьлы. Комиöдіс А. Пушкинöс, И. Крыловöс, В. Маяковскийöс, С. Маршакöс.

Кад чукöртны изгяс. Коркö наöн вывті ёна шыбласьлім, изкар стенин уна из эз понды тырмыны... Кад бергöдны воштöм изгяссö. Кад бергöдны миян литератураö вунöдöм нимгяс да гижöдгяс, тайöн ми асьны-мöс сöмын озырмöдам.

Воис кад выльысь восьтны М. Н. Лебедевöс. Лебедев-прозаикöс.

«Бурь-Ань» повесът торгя книгабн лэдзлісны 1902 воын. Санкт-Петербургын! И дыр кад кезлö та йылысь зілісны вунöдны, тöдісны лыда йöз. Торгя аттьö Михаил Николаевич Игнатовлы колана материалöн могмöдöмысь: сійö ас кадö корсис гижöдсö да вöчис фотокопия; Национальнöй библиотека фондын тайö книгаыс абу.

Вöзгям тiяны «Бурь-Ань» повесътсö — донгялöй том Лебедевлысь гижан-мөвпалан сямсö, сюжет тэчан киподсö. Весиг коми вылö вуджöдöмөн тöдчö сөвмысь авторлөн аслыспöлöс почерк.

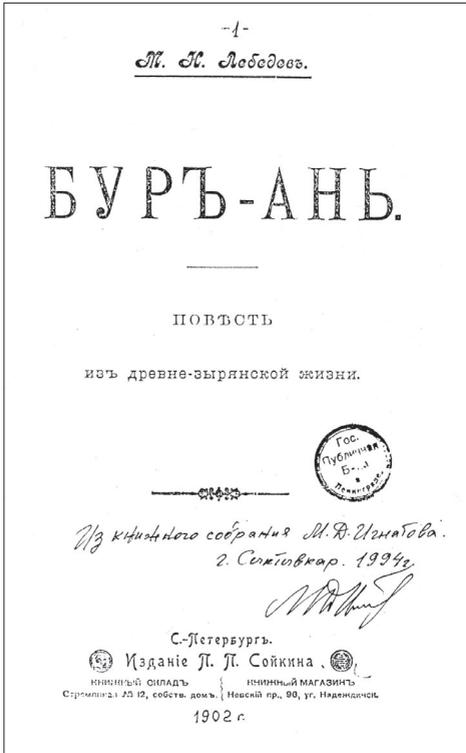
Роч диалоггяс сетам вуджöдтöг да сійö кадся орфография вежлавтöг, медым кольны кыв көрсö.

Бурь-Ань

Повесът

I

Сійö ылö бөрö кольöм кадас, кор Москваса престол вылын ыджыдаліс великöй князь Дмитрий Иванович, кодöс бöрыннас нимтісны Донскойöн, зыряна пöвстын овліс дивö кодь ань, и шуисны сійöс Бурь-Аньöн. Уна и бур вöчліс тайö аныс аслас войтырлы. А медся ыджыд бурыс вöлі сыын, мый сяммис сёрнитны роч ног, и тайö вöлі вывті колана: зыряналөн муяс вöліны роч князьяслөн ки улын, и найö татчöс войтыр вылö көвъявлісны вермыны позьтöм вот; мöскуаса да новгородса подать чукöртысьяс перйылісны вотсö жаль тöдтöг, овліс весиг, и вывтiасьлісны; зыряна роч кыв эз вежöртны, рочлы жö эз вöв гөгөрвоана налөн

ыстысьо́мыс, а толмачьяслы¹ зыряналон могьясодз во́лі дзик веськодъ; найо́ ко́тъ и петало́мны татчо́с ро́дысь, но жало́ванньо́с бо́сьтісны ро́чьясло́н кыи́сь. Та понда во́ліс сэтчо́дз, мый вот чуко́ртысьяс перы́лысны коланасьыс кык по́в унджык, коньо́р зырянао́с тайо́н дзико́дз усько́длісны кок йывсьыныс. Татшо́м здукья́сө медся и коліс Бурь-Аньло́н отсо́гыс, и сэтшо́м ладу се́рнитчыліс локто́м войтыркө́д, мый найо́ сьоло́м небзьо́до́мон берго́длісны лишкасө́ да колана мында вылас и бурасьлісны.

— Вы слуги русскихъ князей, — шуалис налы Бурь-Ань, асьыс войтырсө дорйомон, — вамъ указано собирать дань съ нашего народа: вы и собирайте сколько слѣдуетъ, сколько вамъ велѣли князья, а лишняго не требуйте. Ваши князья не желаютъ разорять народъ, они по числу людей дань наложили, её уплатить можно, хотя и тяжела она. А вы вдвойнѣ требуете. Мы послушны княжеской волѣ и платимъ то, что назначено, а лишняго не можем платить. Вы не смѣете требовать лишняго!..

— Одначе, и зырянка эта! Занозистая! Такія словеса говоритъ! — юрнаныс катло́длісны вот чуко́ртысьяс да до́змөмпырысь шуасисны Бурь-Аньло́н кывья́с выло́:

— Ну, ну! Не надо нам лишняго! Не надо! Отдайте только то, что слѣдуетъ!.. И отколя ты такая проявилася?..

— Спасибо на добромъ словѣ, господа милостивые! — нюм пыр вочавидзліс налы Бурь-Ань, и вот чуко́ртысьясөс яно́дом бо́рын весько́дчыліс аслас керкао́.

Корья́скө́ Бурь-Аньлы вайлісны юо́р, быттьо́ Эжва горувсянь уна пыжо́н катоны кипеля войтыр, тыдало́, новгородса ушкуйникья́с, ко́дьяс оз пуктыны пы́дди некутшо́м власьт — ни мо́скуаса князьлысь, ни новгородса вечелысь. Найо́ зыряналы вайлісны уна шог. Новгородса ушкуйникья́с ро́зо́ритісны Эжва по́лон пу́кьяло́м сикт-грездья́с, но́йтісны да виалисны сэтчо́с олысьясөс, веськыда ко́ шуны, уна лёк вайлісны зыряналы, весиг эз лы́ддыны найо́с войтыро́н, сы понда мый зыряна «пыртчыто́м йо́з». Бурь-Аньлы во́лі то́дса, мыйся тайо́ котыр, но ньоти па́дьявто́г петавліс налы воча, сы во́сна мый войтыр корисны ветлыны да буро́н се́рнитчыны, во́йыны сы мында дона ку, медым корто́м го́сьтьяс бурасясны да берго́дчасны бо́р, оз во́ро́дны зыряналысь оланінья́сөс.

— Я иду къ вамъ безъ опаски, добрые молодцы, — юо́ртліс сійо́ удал ушкуйникья́слы, кор вочаавліс визыв воча о́до́ба катысь кузьмо́с стругья́с: — И

¹ Толмач — переводчик.

стыдъ вамъ будетъ, если вы обидите меня! Недобрая слава пройдётъ о добрыхъ молодцахъ, если они обидятъ слабую женщину!

— Такъ, такъ! — Буръ-Аньос кытшовтёмон шуалисны новгородса удал войтыр. — Красно ты говоришь, молодка! По одежкѣ-то зырянка, кажись, а по обличью-то да по осанкѣ-то что твоя боярыня! И по нашему такъ щепетко говоришь! Что же ты за человекъ? Ужъ не княгиня ли здѣшняя зырянская?

— Я простая зырянка, — нюм пыр вочавидзліс Буръ-Ань да тэрмасьтөг висьтавліс ас йывсьыс, аслас войтыр йылысь, гөгөрвоодліс, мыйла локтіс на дінө, и унджыкысьсө венліс сёрниын ыксаасьысьясөс. Удал ушкуйникъяс кывзисны, синмөн донъялісны да сөмын чуймалісны, мый зыряна пөвстысь вермис петны татшөм «чудной баба», коді и мужик уловысь збойджык лоө, и «рөзбой войтыр костын чесьт» кутны кужысь йөз эз вөрзөдлыны сійөс, весиг бурасьлісны сьён вөзйөм вылө, төдчис кө выгода. Сэки Буръ-Ань босьтліс насянь кыв, мый оз вөчны некодлы некутшөм лёк, лоө кө вөчөма ставсө öни сёрнитчөм серти, та бөрын ушкуйникъяс сувтлісны кутшөмкө сикт улө, петавлісны берегө, бурпырысь варовитлісны татчөс юр-морткөд, и вот чукөртөм бөрын мунлісны бөр.

Мукөд кадө Буръ-Ань бурсө вөчліс не этшаджык. Лолісны-ө зыряна костын кутшөмкө зыртласьөмъяс либө кыпавліс на костын вен, а татшөмыс вөвлі, и эз өтчыд, — быд пөрийө ладмөдліс и лөньөдліс ставөс; суліс-ө кутшөмкө неминуца, шуам, оланінъяс сотчисны либө тувсов ваөн пасьвартліс найөс, — ачыс быд ног отсавліс шог пыкысьяслы, и мукөдөс вөйпөдліс вөчны сы моз; суліс кө сөянөн дзескыд кад, а сідзкө, коліс виччысьны тшыг төв, — и та понда песьыліс, тшөктыліс ыстыны Устюгө пыжаясөс, медым вайны колана мында нянь; лолісны-ө йөз костын кутшөмсюрө мытшөдъяс, өта-мөд костын вензьөмъяс да сідз водзө, — сійө советуйтліс, индавліс, кызди да мый бурджык вөчны тайө либө сійө делө кузяыс, та понда весиг некутшөм падъялөм эз вермы лоны, быттьө сійө эз колана ног вежөрт; колө веськыда шуны, Буръ-Ань өна нималіс Эжва катыдын, өд сійө ставлы сымда бур вөчис да сэтшөм уна пөльза вайис, и зыряна öти кывйысь моз шулісны, мый сійө, дерт нин, лоө Ыджыд Войпельлөн нылөн, кодөс ыстөма веськыда енежсяныыс, медым кывкутны коньөр зыряна понда.

Кытысь воис Буръ-Ань Эжва вожө — тайөс висьтавны некоді эз куж. Төдісны сөмын, мый сійө збыльысь Буръ-Ань — шань да бур сьөлөма нывбаба, кутшөмыс эз на вөвлы му вылас (тадзи чайтисны зыряна), и весиг ачыс Княжь-Погостса Пам воліс видзөдлыны сы вылө. Но Пам Буръ-Аньон эз ло дөвөль. Морта-морт, коді вөлөмны налөн аддзысьлөм дырйи, висьтасисны, Пам пө быттьө шуөма, мый сійө сиктас, көні олө Буръ-Ань, эм көсйөм лэптыны юрбитанін, а Буръ-Аньос индыны тунөн, но мөдыс абу көсйысьөма. «Йенъяслы, — шуөма, — оз ковны тіян капищясыд, дай тунъяс оз ковны; и миянсянь вись¹ налы дзик нинөм вылө, налы колө йөз костын шань-бур олөм да мывкыд делаяс...» Татшөм сямма вочакывйыс сэтшөма весьөпөртөма вылыс тунөс, весиг шөйөвошлөма, абу аддзөма, мый шуны воча, сідзи дөзмөмөн и мунөма.

Мыгөрыс Буръ-Аньлөн вөлі тыдалана. Ар кызъ вита — не унджык, та понда мичлуныс да дзоньвидзалуныс сөвмис да дзордзалис сьлөн арлыдлы лөсялана вынөн. Чужөмыс вөлі зөв мусаник и торъяліс кутшөмкө аслыспөлөс енпасөн, а ыджыд карөй синъясас төдчис сымда вежөр, помтөм шаньлун да рамлун, мый

¹ Вись — жертва.

воча лобысь мортлы медводдза здуксяньыс вöлі гөгөрвоана, мыйла тайö нылыс радейтö быдөнöс öтмоза и мыйысь ставөн сэтшöма радейтöны сийöс. Мыгөр сертиыс сийöс эз позь чайтны зырянкаөн, көть вöрасыс, асьö кутöмыс и сёрнитанногыс петкөдлісны, мый сыын визувтö зыряналөн сөстöм вир. Но, та вылö видзöдтөг, унаөн эскöдісны, мый сийö Ыджыд Войпельлөн ныв и некыдзи эз көсийны бурасьны, быттö Бурь-Ань вермис чужны мортсянь.

Оліс сийö Вадорь грездын, коді сулаліс Эжва берегын, и став матігөгөрсö чуймöдліс аслас делаясөн, — сэтшöм нин найö вöліны гөгөрвотöмөсь татчөс войтырлы да сийö кадыслы. Шаньлун да орчча мортöс радейтöм эз лөсяв зыряналөн оласноглы; а Бурь-Ань мөдарö, таөн и торъяліс мукöдысь, мыйөн быттö нöштаысь тöдчöдіс, мый сийö збыльысь Ыджыд Войпельлөн ныв, и воöма му вылö коньөр зыряналысь сир курыд олөмсö кокньöдөм могысь.

Зыряна войтырлөн шуд-таланыс и збыльысь вöлі сир курыд. Сылы быдөнысь ковмыліс повны да видзчысьны, ушкуйникъясысь көть жаль тöдтöм вогулъясысь, кодъяс кадысь кадö усъласисны Важ Перым вылö, таысь кындзи, зыряна эз вöдитны му, олісны кыйсьöм помысь, и тшөкыда найöс суліс сэтшöм кад, мый ковмыліс пöткөдчыны «кач няньөн», медым не кувны тшыгла да кызкö кыскысьны бурджык лунъясöдз; нöшта, — и тайö вöлі медшөр мытшöдыс — войтыр эз тöдны, коді на вылын збыльысь ыджыдыс: мөскуаса князьяс али новгородса вече? Кыкнанладорыс ыджыдалісны öта-мöдсö вевтыртöмөн, кыкнаныс лыддисны зырянаöс сöмын налөн подданнöйясөн, и көть Великой Новгород эз дзикöдз öтдорт мөскуаса великöй князлысь власьтсö, збыль вылас петкөдчис мөдтор, и новгородса кызди вермисны злісны торйöдны зыряналысь мусö Мөскуа кипод улысь. Но и Мөскуа эз чайт сетчыны. Сылөн князьяс көвъялісны зыряналы ыджыд вот, и перйисны вывті стрöга. Новгород вöчис сийöс жö. Найö вöлі абу велалöмаöсь сетны асьыныс, да нöшта ньöти водзсасьтөг. Артмö, и налы коліс мынтыны вот. Тадзи кыкнанладорсяньыс пондісны локны тиунъяс, чина войтыр либö вот чукөртысьяс, и быдөн эскöдіс зырянаöс, мый найö öнисянь Мөскуалөн подданнöйяс, либö Новгородлөн. Тиунъясöс да вот чукөртысьясöс видзисны ки-пеля войтыр и, көсьян либö он, ковмыліс сетчыны да мынтыны корана мында вот мөскуаса князьяслы и новгородса вечелы. Корьяскö артмыліс сідз, мый мөскуаса вот перйисьяслөн мунöм бöрын пыр жö волісны новгородса, либö мөдарö, и вынөн перйылісны асьыныс. Татшöм здукъясö весиг и Бурь-Ань эз вермы отсавны, сы понда мый вот перйисьяс ыстысисны сöмын асланыс мог вылö, и зыряналы ковмыліс мынтысьны öтиясыслы и мөдъясыслы; броткөдчисны, некыдзи эз вежөртны, век жö коді на вылын медся ыджыдыс, Мөскуа али Новгород.

Татшöм кымын вöлі зыряна войтырлөн олөмыс сийö кадö, кор Эжва катыдын овліс дивö кодь морт Бурь-Ань, а Эжва кывтыдын мыччысис Стефан, Ен кыв вайысь, кодöс бöрынджык пондісны тöдны Перымса епископөн.

II

Весиг өні на зыряналысь мусö лыддьöны пемыд пельöсөн (и оз весьшөрö), помтöм-дортöм вөръяс пöвтö вошöм оланінөн, коді тыр быдпөлöс звернас да лэбач-пöтканас. Дерт, öні тайö муыс абу нин сэтшöм зумыш да вöй, кызди вöлі важөн, витсёысь неуна унджык во сайын, кор зыряна юрбитлісны кумирняясын. Сэки вöлі дзик мöд олöм. Вөръяс тані вöліны шуштöмöсь да пемыдöсь, на пыр писькöдчыны вöлі сьöкыд: туй ни прöсек, да и некодлы вöлі писькöдны найöс; некымын сывтыръя пожомъяс да козъяс, нияс да сус пуяс пыкисны енэжсö, найö и збылысь вöліны быттö войвывса багатыръяс; на костын еджвидзисны веж кызъяс, кöнсюрö паныдасьліс льöм да пельысь, вижоват чутъясөн мыгчасисны пипуяс. Гуын моз лöнь, пемыд, улис вöлі тайö вөръяс пытшкас, и эз вöв налы пом ни дор. Пуяс быдмисны-сöвмисны и тöрмисны-пöрласьлісны ас вöляөн, пöрысылун пондаыс, кöнтъяскö вöлі пöрöма сы мында, мый артмыліс быттö морт киён посйöмин, но татшöминъясті мортлы вуджны вöлі нöшта на сьöкыд. Некымын пöвста, нитшкасьöм валежник пыр писькöдчылісны выль петасъяс, кадөн вынсявлісны да зілісны орддьöдны верстьöджыкъяссö, тадзи кыссисны-нюжöдчисны югыллань, и пöрысь багатыръяс местаö коркö сувтлісны том, но на кодъ жö вына багатыръяс, тадзи войвывса вөръяс пыр сукмисны да тшöкмисны. Мортлы татшöм тшем вöрті позис писькöдчыны сöмын чер отсöгөн, да и то медясö яг веретаяс вывті, кöні пöтшваыс вöлі топыдджык да зумыдджык. Яг веретаяс нюжöдчылісны паськыд вöнь моз верст дасъясөн, а то и кызьясөн, и тайö веретаяс вывтійыс, öдва тöдчысь, сöмын налы тöдса ордымъясöд, неыджыд котыръясö партитчöмөн, зыряна ветлісны вöравны. Ордымъяссö вöлі талаялöма сідз ног, мый зыряна на серти кужисны ветлыны матка¹ серти моз; тöдіс-ны, кытчаны нурдö тайö либö сійö нырвизысь, ыджыда-ö да кытъяс кытшовтö и мыйся звер да пöтка олö-пöткөдчö сылөн öтар-мөдарын. Но татчöс вөръясын сэтшöм паськыд нюръяс, зыбуч да кадъя местаяс, мый ни öти ловъя лов, весиг медя повтöм вöралысь, эз лысытлы вуджавны на сайö. Татшöминъяс йывсыс зыряна шулісны: «лөкин, омоль места».

Ай и вöля жö вöлі татшöминъясын быдсяма зверыслы да пöткаыслы! Тані вöлі быдпөлöс вöрса лолыс тырмымөн: и ошкыд, и кöиныйд, и ручыд, и туланыд, и низыд, и сьöдбөжыд, и вөрканыйд, и вурдыд, мый нин шуан ур да кöч йылысь, вöдитчисны и лола да көр, а лэбач пиысь — тар, байдög и сьöла; татчöс юяс да тыяс вылын поздысисны юсыяс, чөжъяс и дзодзөгъяс, тулыснас найö ыджыд котыръясөн волісны лунвылысь да олісны ар помöдз, сöмын кöдздөдөм водзын сэтшöм жö котыръясөн лэблісны бөр лунвылö. Вөръяс, кызди шуласны, вöліны вөрзьöдлытöмöсь на, дзоньöсь. Зыряна кызди сяммисны вöралісны, но найö вöліны сэтшöм лыдаөсь тайö помтöм-дортöм вөр пöвстас, мый паныдасьлісны сэтшöминъяс, кытчö нэмнас на абу тувчылöма ньöти вежöра лов. Вöралысь мортлы абу сьöкыд туявны зверöс, но он завидьты сылы, коді дойдас ыджыд ошкöс. Вöрса зверлөн равзöмысь путкыльтчылö нэмөвöйся чөвлуныс, а ошлөн синъяс ойдöны вирөн; гыма кымөр моз уськөдчö сійö удачатöм кыйсысыяс вылö, пасьйö налысь ас вöчөм шыяс, лязö да дойдалö асьнысö да мурзигтыр чашйöдлö виöм

¹ *Матка* — компас.

мортлысь вируля тушасо, тадзи бурмодо курдылом ловсо... Татшом неминуचाыс лолывліс, и эз отчид, но нином эз падмод зырянаос, сы понда мый вöралом помысь сомын и аддзисны олом вежортассо. Вöравтөг найо водзо овны эз сяммыны. Ош, коин, руч, тулан либо ношта кутшомко зверос кыйом бöрын зыряна кусо кульлісны да дасьтылісны сійос вузавны, либо торйодлісны вот мынтөм выло, а яйсо сөйлісны. Кор вöралом удайтчыліс, котыртчылісны ыджид артельо, вöчлісны ыджид пыж, тэчлісны сыо кыйом звер куяссө, и бур руон кывтлісны Устюо. Сэни куяссө инавлісны бур донысь, нажөвитөм сьом вылас ньöблісны нянь, чер-пурт, койбедьяслы дором йывъяс да ношта мыйскоро, и бөр бергөдчылісны гортаныс. Век жö няньтö найо сөйлісны этша, сы понда мый сьокыд вöлі судзодны, медсясө пöткөдчисны звер да лэбач яйон, да ношта черион. Ставыс тайо вöлі орчон и тырмымон; яй дасьтылісны уна, но сулісны сэтшөм лунъяс, кор зверыс быттö кытчөкө воштысьліс, вешйыліс сэтшөм местаясө, кытысь сійос судзодны вöлі позьтөм, — вавыв лэбач тулыснас эз лок аслас поздысянінө, а вöрса пöтка (тар, байдөг да сьола) мунліс бокө, зверъяс моз жö, а чери сулаліс көнкө джуджыд йиръясын и кыйны эз шедөдчы. Водзвыв дасьтылом вöлөга регыд бырліс, выльсө босьтны вöлі некысь. Заводитчыліс тшыг олом, кодос пыклісны сомын сыон, мый зыряна масьтісны да сөйисны кырсь, медым көть нин тадзи ылөдны вытнысө...

Ыджыд и ичөтджык юяс пöлөн, ёнджыкасө баддьон тырөм Эжва берег дор моз, ваянь дзик матын, сулалісны зыряналон оланінъяс. Ва бердө матөдджык овмөдчылісны сы понда, мый ю вывті вöлі медся кокни веськавны орчча оланінъясө. Быд котырлөн вöлі аслас пыж, кодос вöчлісны чöльной пучерйысь — кузьнырон кодйөмон. Пыжон зырянин вөдитчис пелька да тэрыба, көть кодйөм пыжъяс вöліны зэв дзибрөсөсь. Ва зырянаос ньöти эз повзөд, ставон кужисны бура кутчысьны ва вылын, ичөтсянь велавлісны уявны и тадзи вермисны уйны некымын верстөдз. Чери кыйигон коліс пельклун да кужанлун, а зыряна кыйсьөмнад ноксьылісны ставон, та понда вакөд найо вöліны зэв сибыдөсь, кылісны асьнысө сідз жö, кызди и му вылын.

Вöрыс тані вöлі помтөм-дортөм, а зыряналон керкаяс ичөтөсь да тшыгөмөсь. Нель венеча неыджыд стрөйбаын эз вөв ни джодж, ни öшинь, ни öдзос. Джодж пыдди — му под, сомын стен боксө тупкыштөма звер куясон, öшинь пыдди — сынөд петан ичөтик розь, кытчө зэвтөма öш гадь, а öдзос местаө павкнитөма лола либо көр ку. Кутшомко пельөсын сулаліс гырыськодь изъясысь тэчөм мисьтөминдзи гор. Тшын кыскөд некутшөм эз вөв. Тайо горсө ломтісны — төвся кадө кө — луннас некымынысь, и сэки став ловъя лолыслы ковмыліс петны ортсө, сы понда мый ичөтик керка ставнас тырлі сук тшынон. Ломтысьөм бöрын пыранінсө топыда пöдлавлісны сідзи, мый чукөрмөм жар пондаыс ковмыліс пöрчыны став вылыс паськөмтө. Но коркө шоныдыс разавліс и керка бөр көдзавліс, та понда ковмыліс ломтыны выльысь, тшын бара ставос вөтлыліс ывла выло, — и тадзи луннас некымынысь. Сөмын зыряна вермисны нуны ас вывтіныс татшөм олом.

Пемыд вөр шöрын зырянаос некоді нинөмон эз дзескөд, век жö керкаяссө найо лөптисны öта-мөдыслы дзик орчон и оланінлы местаяс бөйылісны ю берег дорө, та понда пöшти быд во öтилысь либо мөдлысь керкасө ыджыд ытва дырйи нуліс тувсов ваон, а кос кадө унаысь сотчылісны, овліс весиг — быдса сиктъясон.

Но тайо зыряна выло некыдзи эз тодчы. Найо водзо овмодчавлісны сотчөминас, и, дерт жө, неминуचाыс суліс выльысь. Быд неминуча воо аслас кадө, но, кыдзи шулім нин, тайо некыдзи эз толксяммод вой да пыксысьс вөрса войтырөс, найо нинөмысь эз көсйыны вежны оласногнысө, и оломыс таысь чорыда дейдаліс... Сэтшөм нин зыряналөн этшыс.

Өти мича гоҗся лунө, сійо воас, кор вежа Стефан, зыряна войтырлысь олом югдодысь, петіс йөз водзо аслас проповедьон, — визыв Лөкчим ю ковтысысь Эжва выло шурыда исковтис кузьмөс ветки да пыж нырсө крута бергөдіс катыдлань, пондіс катны сійо берег пөлөныс, кыті визулыс эз сэтшөма варт.

Пыжын пукалісны квайт морт зыряна, найо зіля куртісны васө кык лопта пельсыясөн, а шөр пуклөс вылас пукаліс сьод шушуна, юр вылас еджыд дөра чышъяна, ыджыдкодь тушаа мича нывбаба. Синъяссө кикарнас шондіысь сайөдөмөн сійо зумыша дзоргис кытчөкө водзлань.

Тайо вөлі Бурь-Ань, коді ветлөма Лөкчим вожса сиктъясө; сэтчөс олысыяс воөмаөсь зыкө, абу көсйөмаөсь мынтыны Мөскуаса великөй князьлы вот, и сөмын Бурь-Ань сяммис лөньөдны найөс да тшөктыны мынтыны колана мындасө, медым не дөзмөдны чорыда босьтчысь Мөскуатө.

Зыряна сынисны чөв ланьтөмөн, сөмын кадысь кадө лэптылісны синъяссө Бурь-Ань выло, но өти на пиысь коркө шыасис сы дінө, и чужөм вылас та дырйи төдчис помтөг пыдди пуктөм:

— А со мый ме тэныд шуны көсья, матушка Бурь-Ань, рочьясыд вывтіджык ыджыдавны пондісны ми вылын! Паныд кыв шуны оз нин позь — тшөк ланьт, көть мед начкасны тэнө! Бөръя кучиктө сет!.. Абу бур войтыр найө... роч князьяс абу шаньөсь! Войт оз жалитыштны миянөс, коньөръясөс...

— И ми мукөдсө ньөти ог жалитөй, — сёрнитысь выло сюся видзөдлөмөн лөня вочавидзис Бурь-Ань. — И ми на серти абу бурджыкөсь. Да көть со тэнө и босьтам: өд вермин кө тэ рочьяссө ачыд личкыны, пондін-ө найөс жалитны? Ньөти эн! Сідз өд?

— Сідз, сідз, матушка Бурь-Ань! — горөдчис зырянин, и та пөрийө весиг синмыс югнитліс. — Сэки эськө на вылынтө и тешитчышти жө! Ни өти рочөс эг эськө жалит! Ставлысь юрсө сөті-кералі!..

— Со, аддзан мыйся тэ морт, ачыд нөшта и найөс мыжалан! — шуис Бурь-Ань да дивитана катлөдлыштис юрнас. — А рочьясыд юр оз керавны. Найө сөмын ыджыд вот көвъялісны. А князьясид веськыд войтыр, налөн миянөс помөдз рөзөритны дум абу. И абу налөн мыжыс сыын, мый слугаясыс, тиунъяс да вот перйысыяс, тадзи дзескөдөны миянөс. Князьясид найө шань, веськыд йөз...

— А тэ кытысь төдан? — воча юаліс зырянин, но сійо жө здукас вежөртіс, мый Войпельлөн ныв, дерт нин, ставсө төдө, сідзкө, тадзи юалөмыс лои ньөти вежавидзтөм, та понда тэрмасьөмөн содтіс: — Да тэ эн лөгав ме выло, Бурь-Ань. Аслам йөй ру понда тадзи юалі. Тэныд, көнкө, ставыс водзвыв төдса...

— Абу, воко, абу, ме унатор жө ог төд, а князьяслөн веськыдлун йылысь кывлі. Мөскуа вылын ыджыдалө шань мывкыда князь, а слугаыс сылөн быдсымаыс эм — и лөкыс, и бурыс. Лөкъясыс миянөс и увтыртөны...

— Лөкъясыд найө, тыдалө, сөмын лөк вөчөм йылысь и мөвпалөны, но вот мыйла новгородсаыс помтөг кыссьөны да содтөд вот перйөны? Позьө мөй тадзи — өти зверлысь кык пөвста кучик кульны?..

— А Новгородыд сійö Мёскуалысь оз на и юась. Сылён аслас князь эм, но весиг сылысь шуом новгородса пыдди оз пуктыны. Со и перйоны, — ассыныс дон короны, а Мёскуа найос олөдны оз на вермы.

— Новгородсаыс нө эськө сэтшөм жө роч войтыр али абу? Абу мөй став рочыс мёскуаса князьлөн ки улын!

— Тайö, вокö, абу сідз. Мёскуаса князьыд, дерт, мукөд князьсыс вынаджык, но мукөдыс ас вöляөн овны зильоны, оз сетчыны öти кывйö. И Новгородыд сідз жö!

Зырянин недыр чöv олыштіс да шуис:

— Зывöкта ме тайö рочьяссö! Абу шань йöз! Оз жалитны миянös, тшыг пыкысыясös... да и ми, кöнкö, найос ньöти эськө эг жалитöй, да öти шог, вынъясным оз тырмыны! А то петкөдлім эськө асьнымös... тор-тор кералім ставнысö!..

— Да, сійö и шогыс, мый вынъясным этша! — ропкөдчыштісны мукөдыс да босытчисны зильдыка сынны, — тані визулыс вöлі вывті öдъя, и пыжнысö пондіс бергөдны увлань.

Пыдіа ышловзис Бурь-Ань, кыв ни джын эз вочавидз туй ёртъяслөн бөръя кывъяс вылө. Збыль, ыджыд шог, мый вынныс абу. Но ыджыдджык шогыс вöлі сын, мый эз тöдлыны сылөн войтыр ни радейтөм, ни жальлун, ни öта-мөдлы кöть ичöтик отсөг вöййөм — весиг ас костаныс, зыряна котырын, мый нин шуан рочьяс йылысь, — олісны сөмын ас понданыс, и кызди эз зиль Бурь-Ань, эз сяммы вөрзбөдны налысь сёлөм ни лов. Сійö вöлі öтнас, а найö унаөнös. Сылы, дерт, эз вöv кивыв сёрнитны быдөнкөд да туйдны-велөдны быдөнös торйөн. Сөмын аслас Вадорын вермис вöчны сідзи, мый öні сэтчös войтыр ас костаныс олөны шаня, ёрта-ёрт водзас вежавидзөмөн, быд кыв сылысь пыдди пуктöны, оз весь матігögöрын олысыя завидьтыны вадорсалы: найötö мукөд серти тыр-бура олөны, и вежөрныс мукөд серти тöдчымөн мывкыдджык. Но Вадор кодь грезд паныдасыліс шоча. А орчча грездъясын олысь войтыр эз зильны овны на моз. Вадорын вöлі Бурь-Ань, оліс-выліс сійö мывкыда, и орччөн олысыя сы вылө видзөдөмөн олісны, а мукөд грездын татшөм мортыс эз вöv, и зыряна эз тэр-масыны вежны важ оласногсö, да и сьökыд вöлі тайös вöчны. Зырянинлысь олан сямсö вöлі тэчөма сідзи, мый сылы коліс помтөг вермасыны сьökыд пудйыскөд, помтөг тöждысыны сы понда, медем не кувны тшыглы, кытысь нин вöй дикарлы шань сёлөмыс да сөстөм лолыс, кор быд здук нужда таялө. Сылөн вежөрүн вöлі öти мөвп: мыйөн пөткөдны асьсö да ыджыд котырсö? Кызди да мыйөн вештысыны вот перйысыяслы? — и мыйкө мөдтор йылысь мөвпавны вöлі некор. Веськыда кö нин шуны, нöшта öти мөвп чужліс на сылөн вежөрүн: кызди эськө мездысыны сійö вотсыс да позис кö не повны рözбойысь! — таысь водзö сылөн вежөр эз судзсы, сы понда мый кипеля-оружиеа быд котыр водзын зырянин вывті ёна родіс и эз лысыт кыпөдчыны паныд. Зырянинлөн этшыс петкөдчыліс зэв тешкодья: вöралігөн сійö вермасыліс весиг ошкөд, ньöти эз пов доймалөмысь, а оружиеа войтырлы воча петны эз лысыт, пышйыліс кытчökö ылөджык либö вештысыліс дона куясөн, тайөн нöшта на тöдчөдліс ассыс полөмсö... Бурь-Ань гөгөрвоис, мыйла тадзи артмө, төдіс, мый понда зыряна татшөм шудтөмös, но кызди да мыйөн кокньөдны налысь пудсö?.. И нöшта на гажтөм лолі, кор гөгөрволіс, мый оз вермы сетны тыр шуд аслас войтырлы, кодъяс шудтөмös абу

дзик сы вöсна, мый веськалісны роч князьяслөн кабыр улö, а ёнджыкасö сы вöсна, мый сьöлöмныс тупкыса, оз сяммыны кывны ни аддзыны бурсö, мыйысь и медся гöль мортыслы вермис чуктыны кöть кутшöмкö да кокньöд.

— Да, сьöкыд миян олöмным, но кызди да мыйöн отсавны татшöм шог кадас? — лöня шöпкöдiс сійö да вöйтчис аслас думъясö.

Регыд на водзö петкöдчис оланiн.

Пыжын пукалысьяс веськöдчисны сылань.

III

Уна йöза Важь-гортъ сикт, кытчö воис Бурь-Ань, вöли ставнас шызьöма. Ю берег дорын чукöртчöм йöз, медсясö верстьö мужик улов, ас костаныс мый йылысь кö сёрнитiсны, гораа видчисны да öвтчисны кулакъяснаныс. Нывбабаяс тэрыба ветлöдлісны öтарö-мöдарö, неыджыд чукөрö чукöртчалöмөн азыма юкисны кутшöмкö выльторйөн и бөр разöдчылісны, тэрмасисны мукöд ас кодъыс дорö. На костын котралiсны посни челядь, ас коддьöмыскöд тшöтш юкисны бөръя юөръясөн да кадъыс кадö шыбласисны няйт тапыльясөн, — но со, мужичöйяс пиысь öти казяліс налань матыстчысь пыж, кöни пукаліс Бурь-Ань, да босьтчис горзыны:

— Бурь-Ань катö! Бурь-Ань! Лökчимсянь локтö!.. Лөнълöй, лөнълöй ставөн! Вочааламöй жö дона матушканымöс! Сійö миянлы ставсö и тöлкуйтас...

Бызгысьяс пыр жö лөнисны. Йöз чукөр зырöдiс валань. Юр тупйöдъяснысö ставөн пöрчисны.

— Ло видазöн, дорйысьöй миян! Бур йенъяс тэнö вайöдiсны! Помтöг жö и пессян миян вöсна! — кылісны небзыштöм гөлöсъяс, и берег дорö чукöртчöм войтыр сибöдчисны дзик нин ва дорас, пондiсны дзескöдны öта-мöдсö, быдөн чайтiс медводз кутлыны гöстялысь кисö.

Пыж сибöдчис берег дорö. Бурь-Ань кыпöдiс юрсö: сійöс чолöмалiсны важ-гортъсалөн шуда гөлöсъяс. Бурь-Аньлөн чужöмыс ойдiс паськыд нюмөн, сійö дөвöльпырысь довкнитiс юрнас, но кор матысяньджык аддзис локтöм войтырöс, налысь сьöдöдöм керкаяссö, сикт матiгöгöрсö, лов вылас эз ло лöсьыд. Воссъысь серпасыс эз ёна гажöд.

Эжва юлөн ляпкыд берег пöлөн, öта-мöд вылас мыджсьöмөн, сулалiсны котшкöс тшынөн да кыз бакышөн сейöм гöль оланiнъяс. Уна керка пöлöстчöма, мукöдыс сійö и видзöд вальдасны, но кöзаявасянь дöзьöр ни выльмöдны зiльöм эз тöдчы. Тайö уджсö зыряна ловнас эз лэптыны — эз радейтны ноксыны асланыс керкаясөн. Мöдарö на, важь-гортса став стрöйба вылын тöдчис помтöм гöльлун да идöртöмлун, вöліны весиг сэтшöмъяс, кöни и вевтыс абу. Олан керкаяссянь неылын кыскисны ассыныс нэм жытникъяс да шы-гидняяс, кöни видзисны медсясö мöсъясöс да ыжъясöс, вöv зыряналөн эз вöдитчы, да и мый вылö налы вöлыс, кор прамöй туй некор эз воссьыв, а сiдзкö и, вöлөн ветлöм йылысь сёрни эз вермы лоны. Муясыс танi вöліны — нюр, кизьöр няйт да сей, быд зэрöм бöрын керка доръясын вöли гöпта ва, му джоджъяс пöрлісны сэтшöм жö кизьöр няйтö, и олысьяс некызди талы эз водзасьны. Öтар-мöдар бокас и мышладорас Важь-гортъ сикт гөгöрын шувгис лыска вөр, и тайö нöшта на личкис коньбөр мортлысь

сідз нин шудтём ловсё; водзладорёдыс визувтіс крут берегъясён дорёсалём да пемыд вөр костё дзескёдём Эжва ю. Ставсё тайёс висьталём бёрын позьё кывкёртавны, мый Важъ-гортъ збыльысь вёлі вывті мисьтём да пемыд сиктён; кызди и зыряналён мукёд оланінъяс, локтём морт лолын тані вермисны чужны сёмын медся гажтём мөвпъясыс; нёшта ёна шогёдіс зыряналён звер куясё тёбём өбликныс. Тайё вёлі войвылын новлан паськём, кодёс кышавлёны кодзыд кадё, но зыряналы ковмыліс овны сыын төв и гожём, сы понда мый татчёс аньяс некор эз тёдлыны дёра, и вурисны паськёмсё сыысь, мый вёлі ки уланыс; куяссё няръявлісны сэтшём ногён, мый вурны паськём да новлыны вылысад вёлі тырмымён бур. Век жё морта-мортлён вёлі нин и дёра паськём, ньёблисны сійёс Устюгысь; но татшём шудаясыс вёліны лыда йёз, унджыкыс тырмёдчисны звер ку паськёмён, мый понда зыряна мыйтакё мунісны и морт вылө, и вөй пемёс вылө, и таысь локтём йёз, медсясё рочьяс, зывөктісны зыряна котырёс.

Татшём сяма паськёмаёсь, латшкёс тушааёсь, сьёкыд вёрасаёсь, няйтёсь-ёсь, енъягыд вылас син читкыралёны, быттьё пыр мыйыськё видзчысьёны да полёны, видзёдласнысё чөвталёны синкым увсянь — ю дорё чукөртчём важъ-гортса радпырысь вочаалісны Бурь-Аньёс. Но шуштём вёлі зырянаёс дорйысь-лён лов вылын. Гажтём синъясён видзёдіс дорёсё сибёдчысь пыжсянь ваё кевны дась войтыр вылө.

— Лоөй дзоньвидзаёсь, вокъяс! — йёз чукөрө пырёмён чолёмасис сійё. — Кутшөма нин тіянёс енэжыс видзё?

— Ловъяёсь на, матушка Бурь-Ань, — сы водзё пидзёсьяс вылө лэдзчысьёмён вочавидзисны зыряна. — Ыджыд Войпель оз эновт ми воксё. Вёрын и ваын кыйдёс тырмымён, абу кольём восяыд кодъ, кор тай кач нянь кылөдім да виньгыртім. И рочлы вот мынтёма. Оні сёмын Устюгё кывтлыны коли — лишалан куястё инавны да этшаник нянь ньёбны. А водзё ставыс тырмымён...

— Аддза, вокъяс, аддза, ставыс тіян шань! — зыряналён пыкталём чужёмъяс вылө видзёдлём бёрын ышловзис Бурь-Ань, өвтыштіс кинас, медым ставён кыпөдчасны, да содтіс: — А мый понда нё, сідзкё, татшөма гёлчитінныд? Кылі өд: ыджыд гөлөсөн да быдсяма лёк кывъяснас код вылө кё шуасинныд.

— А тайё кывтыдсянь юөр воис, да сійёс ас костаным пожналім, кызди, шуам, выль пакёсьсё вочаавны пондам? Со тай, кутшөмкё кості тэ воин, сідзкё, инёсь тэ и төлксьөдышт миянёс...

— Мыйся нин шог суис тіянёс?

— Шогыс абу сёмын миян, став зыряна рёдыслён... Да, со, Кузь-Ныррь да Сьөдь-Синъ мед висьталасны. Найё талун кывтыдысь воисны, тёдмалёмаёсь, кызди да мый... Лок, пырам чукөртчан-керкаас, сәні и тёдмалан, мый аддзылёмаёсь да кывлёмаёсь.

— Но, кывзышта и эм, мый висьталасны ветлём войтыр! — юрнас довкнитіс Бурь-Ань, и ставён мөдөдчисны неылын сулалысь керкаө.

Тайё вёлі сэтшём жё няйт да пемыд керка, сёмын мукөдсьыс неуна ыджыдджык, стенъяс пөлөныс тэчёма пучерйысь чинталём джекъяс, на вылын чукөртчылёмъяс дырйи пукалісны медся нёма пөльясыс. Öти пельёсын сулаліс Войпель — пуысь лёкиника лөсалём мыйкё морт мыгөр сяма. Ки ни кок сылөн эз вөв, сёмын юр, кодёс мавтёма быдсяма рёмнас; туша пыддиыс вёлі сійё жё пучерсьыс чинтём дженъыдик падёс, код вылө ладмөдёма тайё юрсё. Сы водзё

лышкыда ошлөма вись вылө вайом дона звер куяс. Асланыс тун Важъ-гортын эз вөв, сылысь могъяссө пөртис татчөс старшина, зыряна ног «юр-морт». Нөшта тани сулалис нейджыд лабич, код вылө вольсалөма ош ку. Тайө вөли пыдди пуктана гөсьяслөн пукаланін.

Керкаө пырөмөн тшөтш Буръ-Ань кайис лабич вылас, а важъ-гортса войтыр топөдчөмөн сувтисны сы водзө да вежавидзөмөн лөнисны. Юр-морт писькөдчис Буръ-Ань дорө матөджык, тшөктис Кузь-Нырълы да Съөдъ-Синълы петны шөрө, и найө пондисны висьтасьны, мый аддзылисны да кывлисны кывтыдас.

Медводз кыв босьтис Кузь-Ныръл.

— Тэ, дерт, төдан, матушка Буръ-Ань, — шыасис сийө, — Эжва горулын эм Котлас сикт, сийөс нөшта Пырасөн шулөны, а Котласыд миян войтырөн овмөдөм медбөръя оланін, ю горулыс кө кывтны. Водзө миян оланінъяс оз паныдасьлыны. Сидзкө, ми Котласад и вөлим: ме да Съөдъ-Синъл, асланым могъясөн туйө петалим. Сувтим Котлас улө, кайим сиктас, а сәни ставөн шызьөмны, юр ни кок котөртөны сикт саяс лөсталысь веж луд вылө да горзөны: «Мөскуаса морт воөма! Виль эскөмө пыртө! Ог өддортчөй асланым йенъясысь!» — а котөртигмозыс кватлалөны ки уланыс веськалөм джыбанъяс да майөгъяс. Но, ми тшөтш на бөрся. Воим да аддзим: луд шөрас кымынътөм пыж вылын пукалө шөр арлыда морт, сьөд паськөма, русыд кузь юрсиа, тшөка улас ичөтик тош лэдзөма, а чужөмбаныс видзөдөмпөръя шань и лөсьыд. Öти киас перна дзирдовтлө, а мөднас енэжө индө да мөскуаса виль эскөм йылысь баитө. Эз лысьтны сийөс вөрзьөдны котласса войтыр, вывти нин лөнь руаөн петкөдчис, некутшөм ки татшөм вылө оз лыб. А сөрнитө миян ног, ставлы гөгөрвоана зыряна кывйөн. Кывзөны и кывзөны котласа войтыр... а сийө сөрнитө и сөрнитө... Кутшөмкө кадө матыстчис на динө татчөс юр-морт да кыз тай равөстис: «Кызди тэ лысьтан шызьөдны миянөс? Мыйся тэд мог лои миян эскөмөдз? Ми өд тәнө и вины вермам!» — и черөн сы вылө өвтыштчис. Но мөскуасыд нөти эз повзы, сөмын юрсө кыпөдис да янөдөмпырысь шуис: «Кутшөм сэтшөм лөк тәныд вөчи, медым вины менө колис? Мортөс мөй вилөны бур кывйысь? А ме тиянлы бур кыв вайи, висьтася со, и сия, медым аддзинныд мезд веськыд вераын. Эг дзескөдны лок, эг мырдөн босьтны, көсья тиянөс пемыдсьыс югыд вылө петкөдны...» И юр-морт лэдзис черсө да юалис лөньөм гөлөсөн: «А мыйся морт тэ лоан? И кызди шуөны тәнө? Да нөшта эм-ө сьөрсьыд нязьлөн¹ киөн кырымалөм кабала?» — «Шуөны менө Степанөн, — вочавидзис мөскуаса мортыд, — и вои ме Мөскуа карсянь, а чужанін серти Устюгысь лоа. И нязьөн кырымалөм грамота ордын», — и мыччис кабалатө, да сэтшөм ыджыд печатөн сийөс дорөма. И вешйис сы водзысь юр-морт, а Степаныс водзө аслас эскөм йылысь висьтасьны пондис. И орөдчывтөг кывзисны ставөн... Смилитис, смилитис сэтчөс войтырсө аслас лөсьыд мыгөрөн да шань кывйөн: ми өд абу велалөмаөсь мөскуасалысь небыд сөрнияс кывны. А сийө сөмын бурөн да меллунөн. И пөртмалис ставөс...

Татчө Кузь-Ныръл ланьтис, вешйис Съөдъ-Синъл сайө, та бөрын мөдыс шыасис:

— Вывти вежавидзтөм кывъясөн сөрнитө сийө, матушка Буръ-Ань. Со кызди: «Йенъясыд тиян — абу йенъяс и некутшөм вын налөн абу. Найө оз и вермыны лоны, эм сөмын öти Ен, Кодөс пыдди пуктөны роч войтыр. Кристианалөн Енмыс ыджыд, а тиян Войпельыд — наян да горш тунъясөн думыштөмтор, кодъяс сийө

¹ Нязь — князь.

и видзодоны, кызди кульны ті вылысь кык кучик. И абу тіян эскөмгясын мездис, абу бур вылө лачаис, эм сөмын шог да дой. И не адзвывны тіянлы шудсө, он кө бергөдчөй кристианалөн веськыд вералань...» И дыр на тадзи сёрнитис, а йөзыс кывзисны да мөвпалисны, и унаён кывзисны сэтчөдз, мый шуисны: «Збыльысь веськыд роч вераид! Водзө ог пондөй копрасьны Войпельлы да мукөд йенлы! Велөд миянөс, мөскуаса Степан, кызди тэнад вераө пыртчыны?..» И копыртчисны сылы, медым велөдас. И босьтчис сійө велөдны... Сэтчөдз нин смилитис мөскуаса Степаныд аслас шаньлунөн!..

Дыр на ми кывзим сійөс, а сөсся муним сиктас асланым моггясөн. Сэни вочаалим котласса тунөс. Чукөстөма олома войтырөс чукөртчан-керкаас да корө найөс, мед вөтласны асланыс сиктысь мөскуаса морттө, но олома войтыр эз лысьтны вөтлыны Степанөс, сы понда мый сы ордын нязьөн кырымалөм грамота эм. А туныс и шуө налы, Степансө пө ыстөмаөсь роч нязьяс, медым зырянаөс шызьбодны да медым ми ас костаным зыксыны пондим, а мыйөн пондам зыксыны, пыр жө воасны мөскуаса стражникьяс, рөзөритасны, оланінгьяснимөс сотасны, а йөзсө Эжва юө вөйталасны. Но эз лысьтны олома войтыр мөскуаса Степанлы паныд петны: нязьясьня грамота найөс падмөдіс. Сэки тун скөрмис на вылө да повзьөдлыны пондіс, мый Нязь-Погостса Пам дорө пыр жө мунас, и корис миянөс, мед нуодам матысса сиктөдз, коді Котлас кывтыдын сулалө, и ми справитим ассыным моггяс да регыд петим туйө... Со мый вөчсьө сэни, матушка Бурь-Ань. Мөскуаса вера миянлы көвьялоны... Став зыряна муыслы ыджыд шог...

— Миян эскөмгяслы шог! — Съөдъ-Сингьлысь висьтасьөмсө торкис Кузь-Ныррь. — Оз ков татчө мөскуаса Степансө лэдзны! Видзөдөмпөрья шань морт сійө, а сьөлөмыс — смилитысь злөдейлөн. Чужөмбан вылас сөстөм, а сьөлөмас некоді эз пырав! Ог төдөй ми сылысь думаяссө... Ми и важ эскөм помсьыс ог лёка олоь. А энөвтчам кө сыысь, быдсяма шогыс да неминучаис ми вылө усьө — сэки и зыряна войтырлы пом! Оз ло миян некутшөм олом тасдорьюгьдас! Тайөс котласса тун шуис, а сылы, ме чайта, эскыны колө.

И тайөс виссталөм бөрын кыкнанныс ланьтисны. Зыряна чөв-лөнь видзөдісны Бурь-Ань вылө, виччысисны, мый шуас, но сійө дыр чөв оліс, кыв ни джын ортсө эз лэдз. Видзчысьтөм юөрыс и сійөс весьөпөртис. Морөсыс гыалис, чужөмбан кузяис исковтис шуда нюм... Пыді мөвпө вөйтчыліс Бурь-Ань, весиг ас гөгөрсьыс нинөм эз адззы; сөсся коркө кыпөдіс юрсө, югыд да шань видзөдласөн кытшовтис важь-гортсаөс.

— Бур войтыр! — кытыськө пыдысь петан гөлөсөн шыясис сійө, сідзи, весиг чукөртчан-керкалөн стенгьяс шыясисны йөла горөн. — Дзик весьшөрө ті поланныд! Мөскуаса Степан абу ылөдчысь морт, эз миянөс смилитны лок, ме сійөс төда. Сійө веськыд морт. Оз ылөдчы сійө, сөмын бур миянлы көсьө. Но буртө унаён оз вежөртны, и ми ог на гөгөрвоөй... Дзик весьшөрө поланныд! Степан оз мырдөн көвьяв выль верасө, бур кывйөн вежөртөдө. А бур кывйыд — абу шог. Коді оз көсьы кывзыны — эн кывзөй. Некодлы тай эз на көвьяв. А миян эскөмыс кө рочсьыс бурджык, мед тунгьяс петкөдласны тайөс Степан водзын и ми водзын — и ми ог ыштөй роч вера вылө. А роч вераис кө бурджык, мыйла нө сійөс өтдортны колө, мый понда миянлы эскыны лёкджыкыслы, а не бурджыкыслы?.. Ті со чайтанныд, мый Степанөс ыстөмаөсь роч нязьяс, медым зырянаөс шызьбодны, но

кутшом бур налы таысь? Ӧд роч нязьясид и шызьӧдтӧг вермасны рӧзӧритны миянос, и Эжва юӧ войтны сытӧг вермасны, окота кӧ лоӧ. Но найӧ абу сэтшӧм чорыд сьӧломӧаӧсь... Со мый шуны кӧсья тӧянлы, вокъяс. Олӧй зыксыйтӧг, лӧня, эн полӧй мӧскуаса Степанысь, абу сийӧ рӧзбойӧн ветлысь, и эн эскӧй быдсяма катша юӧръяслы, пондасны кӧ паськӧдны, а водзӧ — йенсянь вӧля. Ӧни ме шойччыштны кӧсья. Мунӧй быдӧн асланыд гортӧ да эн вунӧдӧй сы йылысь, мый ӧни шуи. А мӧд лун ме тӧянкӧд сӧрнитышта на.

И чеччис лабич вывсьыс, медым мунны юр-мортлӧн керкаӧ, кӧни сийӧ пыр шойччылис, а войтыр лӧня петисны чукӧртчан-керкаысь да Бурь-Аньлысь сӧрнисӧ тӧлкуйтӧгмоз тӧрмасьтӧг разӧдчисны.

Кыв шутӧг пыдди пуктисны найӧ Бурь-Аньлысь кывъяссӧ и лов кокньӧдӧм ас пытшканыс кылисны, но ӧтитор некыдзи эз вермыны вежӧртны: мый могъысь Бурь-Ань мӧскуаса Степансӧ дорйыны босьтчис, ӧд локтӧм мортыс Ыджыд Войпельлӧн вӧрӧг, а Войпель Бурь-Аньлы батыӧн лоӧ, и мыйла тадзи сӧрнитӧ асланыс эскӧм йылысь, ӧд сийӧ пыр на вӧли зыряна войтырӧс медшӧр видзысь-дӧзьӧритысьнас? Но тайӧс муртавны эз тырмы налӧн вежӧрыс, сӧмын долисны:

— Тайӧ сылӧн мог. Сийӧ тӧдӧ, мый шуӧ, и абу ми серти ставсӧ тӧдны. Сийӧ лӧкӧ оз велӧд. Мед лоӧ сӧдзи, кыдзи шуис, а водзӧ сӧмын йенъяс тӧдӧны...

Та вылын налӧн сӧрнияс помассисны. Водзӧ ни бӧрӧ эз нуӧдны, мед не дӧзмӧдны Бурь-Аньӧс. Таысь найӧ полисны меда яна.

IV

Шоныд гожся вой пуксис Важь-гортъ весьтӧ. Енӧж шӧрас петис эзысь тӧлысь, небыда югзьӧдис зыряналысь гӧлиник керкаяс, югӧръяссӧ кисьтис матысса вӧрлӧн меда гуся пельӧсьясӧ, Эжва юлӧн ковтысын дзирдалис помтӧм-дортӧм дзирдӧн, ворсӧдчис, быттӧ ыджыд чери вылын сьӧм. Чӧв-лӧнь — гӧгӧр шыч ни рач. Сӧмын кадъыс кадӧ кодлӧнкӧ йӧрын шыасьлас тшыгъялӧм пон, тайӧ и ставыс. Зыряна сы ни садъ узисны. Татчӧс йӧз ывлавыв могъяс вой улӧ эз кольлыны, водавлисны водз, шондӧ пуксьӧмкӧд тшӧтш, медым асылӧдзыс бура шойччыны. Мӧд дела — вӧралӧгӧн. Сӧки найӧ узылисны этша, лунтыръясӧн котралисны кыйдӧс бӧрся, а кыз войсӧ ноксисны кыйдӧс кульбӧмӧн да ньӧв-лӧч дасьтӧмӧн. Ӧни налы вӧля: тувсов вӧралӧм коли бӧрӧ, тӧвбыдӧн дасьтӧм вӧлӧга тырмас арӧдз, а сӧни бара вӧралӧм воссяс. Ар да тӧв яна узыныяс эз сетны: сӧки кыйисны дона куа зверьясӧс, мыйӧн сӧсся мынтисны вот да ньӧбасисны устюгса купечьяс дорын, а гожся кадӧ шойччисны — дерт, эз кӧ сулы кутшӧмкӧ видзчысьтӧмтор, — и нистисны-узисны войбыдъясӧн, овлис и лун югыднас водыштлисны. Ӧни сӧдз жӧ. Важь-гортса чӧскыда узисны, керкааныс сӧмын шкоргӧм и кылис, некод весиг мӧвпыштны эз сяммы, мый позьӧ кольны кодӧскӧ Эжва берег дорӧ, медым видзӧдис, оз-ӧ мыгчысьны кывтыдсянь удал ушкуйникъяс либӧ катыдсянь — пон кодъ скӧр вогуличьяс, кодъяс кадъыс кадӧ волисны Перымладорсянь, уськӧдчывлисны да кушӧдз сотлисны-рӧзӧритлисны эжвапӧлӧнса сиктъяс. Та понда некодӧ эз пессы, и важь-гортсалӧн оланӧнъяс колисны дӧзьӧртӧг, он кӧ лыдды дас гоз урӧсӧм понйӧс, кодъяс дыр кад чӧж тшыгъялӧм понда ӧдва ловнысӧ кутисны. А кадъыс вӧли сэтшӧм, мый вӧрӧг вермис уськӧдчыны быд здук. Гожся

кад рөзбой войтырлы медся радейтана кад, и татшөм кадө найөс кыскөмөн кыс-кис зыряналөн муө.

Сиктын ставөн узисны. Эз узь сөмын Бурь-Ань. Мөскуаса мортлөн воөм йылысь юөр кылөм бөрын сэтшөма шызис, мый восьса синмөн дыр на куйлис гөна ош куөн вольсалөм полатын да мөвпалис, сөысь бергөдчылис өтар бок вывсьыс мөдар бок вылас. Вежөрас пессьысь мөвпгьяс кыпөдісны ловсө, сэк жө и повзьөдісны, сьөлөмыс нөйтчис сідзи, весиг морөсыслы вөлі дзескыд, вир-яйыс тіраліс и сотчис. Бурь-Ань выльысь и выльысь сувтөдліс син водзас Кузь-Нырөн да Сьөдь-Сингөн висьталөм мортөс да сөрнитіс аскөдыс:

— Сійө, сійө воис! Ме пыр и төді... Көдкө мөд эськө эз лысьт суйсьыны миян пөвстө — өткөн, куш киөн. Миян войтыр рамөсь, но чорыд сьөлөмаөсь. Оз радейтны дзик өружиятөм морттө. А Степан вермис найөс, босьтис аслас шаньлунөн... Эз вудж сетөм кывсө — воис мездыны зырянаөс. Но виасны кө сійөс? Оз, оз! Видзас кристианалөн Енмыс. Доргьяс и мездас быд неминучасьыс. Мед и водзө нуөдө панөм уджсө, а ме понда ассьым мог пөртны, кытчөдз оз падвежасьны миян туйяс. А водзө — кызди Ен шуас, кристианалөн ыджыд Ен, коді сиис войтырлы, медым найө радейтисны өта-мөдсө... Ыджыд удж панөма Степан, зырянаөс мездыны көсийө! Ме та йылысь неважөн чайтлі жө, но эг төд, кызди отсавны, кызди венны ыджыд шөгсө — и вунөдлі устюгса морт йывсьыд, кодкөд Вөлөгдаын аддзысьлі. Но сійө абу вунөдөма сетөм кывсө. Тайө, дерт, сійө, Степаныд и вөлі. Сылысь корөмсө ме радпырысь босьтчи пөртны оломө, олі ас йөз понда, но абу мейн сы мында выныс, медым сывдыны налысь сьөлөмгьяс, абу сы мында выныс, медым вөчны найөс шаньөн да бурөн, а татөг шуда олом оз ло... Збыльысь вынаыс сөмын роч вера. Неуна төдышта сійөс, вежөрта, мый сійө лёкыс да бурыс. Весьшөрө эг пыртчы сәки Вөлөгдаас, эг көсий сетчыны мөд вераө да өтдортчыны аслам войтырысь, но өні аддза, мый весьшөрө. Ог вермы ме Войпельлы кевмыны, төда — сійө збыль вылас абу... Абу, а менө сылөн ныв пыдди пуктөны!.. Шудтөм, вежөртөм йөз! Оз аддзыны найө збыль Енсө, а сытөг мезд оз ло! Оз төдны, мый лов шаньыд ковтөм чорыдлунысь бурджык. Но өні... Өні воис Степан — воис и вайис аскөдыс кристианалысь югыд верасө!.. А виасны кө? Өд миян тунгьяс пондасны быд ногыс лёкөдны сылысь уджсө, йөзсө ызйөдасны, медым вины Степанөс... Медся нин Нязь-Погостса Пам...

Тайө здукас Бурь-Ань бытгьө аддзис Памлысь скөр чужөмсө сійө здукас, кор кылө мөскуаса Степанөн абутөм йенгьяссө лёкөдөм да на гөгөр чукөртчөм йөзлысь син восьтны зильөм, и Бурь-Ань збыльысь повзис: Пам сылы чайтсис зыряналөн мукөд тун серти наянджыкөн да горшджыкөн. И тайө вөлі збыль сідз: Нязь-Погостса Пам торгьяліс сьөкыд да неморт нога руөн. Зыряна полисны сыысь. И пыдди пуктисны кызди Войпель дорын медся матыс мортөс — экисны, мый сылы тані му вылас быдтор позяна. А сійө пөльзуйтчис налөн пемыдлунон. Аслас киөн унаөс песовтис, коді мыйөнкө абу сылөн лов да сьөлөм серти, и сөмын роч нязьясысь польштис да кутис асьсө, эз лысьт восьсөн вывтисьясны. А со — Степан аслас сөрнийөн, мый колө өтдортчыны важ эскөмгьясысь да вуджны кристианаө! Таөн, дерт, лоө бырөдөма зыряна муысь став тунсө, и Бурь-Ань гөгөрвоис, мый Нязь-Погостса Пам оз сетчы, пондас вермасьны, пондас быд ногыс водзасьясны, весиг морт виөмысь оз бөрынгьчы... Тайө өні медся өна майшөдліс сійөс.

Бурь-Ань чеччис вольпась вывсьыс.

— Оз, оз, тадзи кольны оз позы! — шөпкөдiс ныв, сы коста киясыс велалом-пырысь павкнитiсны юр вылас чышгьян, и Бурь-Ань тэрмасьомон воськовтiс петан өдзöслань. — Видзас сийöс кристианалон Енмыс. Эз сы вылö во мян муо, медым Пам ки помысь кувсьыны...

И котортiс Эжва берег дорö, медым неуна пальöдчыштны ыркыд сынöд сорыс. Тöлысь югөрөн ойдом ю кокныдика валгьяломон тэрмасис аслас туйöд. Берег пöлөн шойчисны кымынтьом пыжгьяс, медся матыс пыж вылас и пуксис Бурь-Ань, сöмын шоныдджыка тубыртчис сера чышгьяннас.

Гөгөр ыджыдалiс чöv-лөнъ, мөвпавны танi вöли лöсьыд, и Бурь-Ань казгыштитiс ассьыс коркөя олөмсö, көнi ёна бурыс нинөм эз и вöv.

Кодгьясон вöлины сийöс чужтысьяс — дзик эз тöд, и кор нин пондiс вежортны мыйгьяскö, эз адззыв ни батсьö, ни мамсö, ни матысса мортöс, кодi эськö вермис тöждысьны сы понда, олис вөр пövстö воштысьом ичотик грездын, кодi сулалiс сэтшөм жö ичотик ёль бокрын; гөгөр сьöд вөр, грездлөн ни ёльыслөн весиг ним эз вöv. Татчöс войтыр шуисны нывкаöс «шыбитөм мортөн», и вежавидзтөг вөтлылисны сийöс ас дорсьыныс, сёрнитiсны чорыдпырысь, öти кывйөн — мортөн эз лыддыны. Некодi шань кыв эз лэдзлы, эз малыштлы юрöдыс, и быдмис нывка öти думөн, мый олөмсö сы вылö и лöсьöдöма, медым помөдз мучитчыны. Жаладдза вердыштлiсны, но этшаөн, пыр вöли тшыг нисьö пöt, и весиг төвся кадö, кольччылiс кө код ордö кө вой улö, шыбитлiсны ывла вылö, а нывка водзö чöv-лөнъ шог пыкис, некор эз элясьлы, көть лов вылас вöли сэтшөм шуштөм...

Тадзи тыртiс дас вит арöс. И кор пондiс вежортны сийöс, мый водзджыксö весиг и вöтавны эз чайтлы, адззис, мый мукöдыслөн, кодгьяс костын бергалiс, олөм-вылөмыс сы серти абу ёна бурджык. Нывка ас вывтiыс уна сьökыд нуис йöзлөн чорыд сьөлөм понда, а найö, вөлөм, страдайтöны быд нинөм абусьыс, мый эм тайö му вылас: тшыггьялөмысь, кынмалөмысь, лют зверьясысь и кутшөмкö тöдтөм йöз пондась, кодгьяс воливлисны налөн грездö да мырддывлисны төв-быд вөралөм помысь судзөдөм дона куяс, мый заптылисны вузöс вылö да вот мынтөм вылö. Тайö пö роч йöз, унаысь кывлис нывка. Рочгьяс йывсьыс водзö нем эз тöд и чайтлiс, мый ставныс найö татшөм лют да жаль тöдтөм йöз. Сийö кадсянныс на верстяммысь нывка пондiс жалитны ассьыс войтырсö, жалитны став ичотик сьөлөмнас, став вежорнас, весиг мөвпавны босьтчис: кызди да мыйөн отсавны налы венны та ыджда шогсö? Но мый вöчны, эз на тöд. Вежöрыс эз тырмы, шог кылөмыс пöдтiс. Вермас лоны, Бурь-Ань эськö тадзи и олис ичотик грездас, эз кө ло öтитор, мыйысь вуж выйөн вежсис олөмыс.

Öти гожөмö кайис сийö матысса вөр дорö, медым шойгыштны вöля вылас, лов пальöдны да пуяскөд сёрнитiг мөвпалыштны, и эз казьявлы, кызди юр весьтас кыпöдчис сьöд кымөр, чизыр төв петiс, сөсся кызсьыв зэрмис, и босьтчис сэтшөм ён бушков, кутшөмөс сийö эз на тöдлы аслас дженгьыд олөмын. Көнбөр моз куткыртчис пу улö да сэнi и виччысис бушков помгьясьöмсö, а кор лөнис, вой суис, ковмис вöрас и узьмөдчыны. Мөд асыв думнас мөдiс грездлань, но туйсö воштiс да вит лун чөж келалiс код тöдас кытгьяс, бара жö пу улын узьөмөн, а вөлөгa пыдди пөткөдчис кисьмытөм ягөдөн, медым көть неуна вунөдлыны тшыггьялөмсö. Но ягөд эз ёна отсав: регыд нывка укшальмис и бөрьявыв дзикөдз вынтөммис, тадзи петiс кутшөмкö ю берег дорö да сэтчö и уси сы ни садь.

Тайо вӱлӱ Эжва-матушка. Ю вьвтӱ тшӱкыда ветлӱсны пыжа войтыр, и ӱти пыж вьвяснӱ казялӱсны лыа вылын шой моз туплясьысь нывкаӱс. А пыжас пукалысьяс пиын вӱли великокняжескӱй чин Иван Белякӱ, кодӱ ветлӱма Эжва катыдӱ вот чукӱртны, и ӱни кьвтӱс ю горув. Арлыда нин, вьвтӱ шань оласа морт став сӱлӱмнас жалейтӱс татшӱм вьйӱдз омӱльтчӱм нылӱс. Медводз сӱйӱс мысьӱдӱсны-пальӱдӱсны, сӱсся вердӱсны да удӱсны, а кор Белякӱ тӱдмалӱс, мьй нывка дзик ӱтка, бать-мам ни рӱд сылӱн абу, весиг оз тӱд, кодарын сӱйӱ ичӱтик грездыс, кӱни олӱс ӱнӱдз, вӱзйис мунны Вӱлӱгдаӱ да лоны сылӱн ныв пыдди, а мӱдыс пыр жӱ кӱсйисис.

Кьвтӱсны найӱ дыр, сы понда мьй Белякӱ некымынысь на сувтлӱс Эжва пӱлӱн сулалысь сиктӱясӱ, чукӱртӱс колана мында вот да ясак¹. Коркӱ сӱсся воисны жӱ Вӱлӱгдаӱ. Танӱ нывкалы колӱс велавны роч оласногӱ, велӱдны роч кыв, — и став дӱнас сӱйӱ босьтчис азыма да окотапырысь. Зыряна ног Белякӱ сӱрнитӱс тырмымӱн бура, сы отсӱгӱн нывка воӱн и велалӱс роч кывӱӱ. Белякӱлӱн гӱтыр видзис сӱйӱс аслас ныв пыдди; челядӱ налӱн абу вӱлӱма, и ань быд здук аттӱӱалӱс Енмӱс, мьй ыстӱс татшӱм шуд. Сӱдз и пондӱсны нимтыны: «богоданная» — йенлӱн сетӱм, сӱдзкӱ.

Но сӱлӱмыс Бурь-Аньлӱн пондӱс гажтӱмтчыны. Дерт, радейтӱс Белякӱс и сылысь гӱтырсӱ, эз ӱтдорт ыджыд карын пӱтӱс да вӱльнӱӱ олӱм, но сӱлӱмас кытчӱкӱ пыдӱ поздысис сылы аслыс гӱгӱрвотӱм дой, нюкрӱдлӱс нывлысь ловсӱ, мӱвпӱясыс нулӱсны ылӱ-ылӱ, сӱтчӱ, кӱни пессисны-олӱсны сылӱн рӱдичьяс, коньӱр зыряна войтыр.

Уна выльтор тӱдмалӱс сӱйӱ Вӱлӱгдаын олӱгӱн: аддзылӱс, мьйя сӱтшӱм роч му, кутшӱм налӱн оласногыс, лыдыс да вынӱӱрыс, кристианалысь вера тӱдмалӱс, но сӱлӱмыс кыскис бӱр, сӱтчӱ, кӱни ставыс вӱли мӱд, абу рочьяслӱн кодӱ: венны позьтӱм вӱйлун, гӱльлун да помтӱм шог — со кутшӱмӱн вӱли зыряналӱн нӱмӱ-вӱйса пудйис.

Уна дум думайтӱс Бурь-Ань Вӱлӱгдаын олӱгӱн. Вежӱрас тӱчис сӱтшӱм мӱвпӱяс, кодьяс и чуйдӱдӱсны, и шӱйӱвоштылӱсны весиг асьӱ. Корьяскӱ сылы чайтсис, мьй колӱ яндзим тӱдны — олӱ озыр карын, великокняжескӱй чин ордын, олӱ пӱтӱса да кокниа, а тайӱ кадас сылӱн войтыр кынмалӱны да тшыгьялӱны, лунысь-лун нужда венӱны. Нӱшта сылы чайтсис, мьй вир сертиыс зырянкалы оз позь ӱтдортчыны аслас войтыр дорысь, колӱ ас вьвтӱыс нуны налысь олӱмсӱ, та понда колӱ бӱр мунны на дорӱ, медым кывны налысь тӱжд-могьяссӱ. Татшӱм здукьясӱ ныв весиг вунӱдлӱс сӱйӱ кадсӱ, кор олӱс аслас войтыр пӱвстын да кор быд ног увтыртӱсны сӱйӱс, эз лыддыны мортӱн. Мӱвпалӱс сӱмын сы йылысь, кутшӱм ногӱн да кыдзи отсавны налы. И колана индӱд регыд воис.

ӱтчыд, — тайӱ лои тувсов кадӱ, Вӱлӱгдаын нывка олӱс коймӱд во, — Белякӱ керкаӱ пырис шань чужӱмбана да лӱсьыд мыгӱра том морт, сы вылын вӱли манак платтӱ. Висьтасис, мьй окотитӱ аддзӱдлыны кӱзьяеваӱс, но найӱ вӱли стӱч кытчӱкӱ мунӱмаӱсь, и том морт пондӱс сӱрнитны Бурь-Анькӱд. Ныв сылы висьталыштӱс ас йывсьыс, восьтӱс майшасьӱмсӱ, мьй думайтӱ со и некыдз оз вермы вежӱртны, кыдзи позьӱ отсавны аслас войтырлы, кыдзи кокньӱдыштны налысь сьӱкыд пудсӱ, и тайӱс висьталӱгӱн курыд синва мольяс исковтӱсны бан кузяыс. Юӱртӱс сӱдзжӱ, мьй пыртчыны роч вераӱ пока эз пыртчы и чайтӱ овны аслас войтыркӱд

¹ Ясак — дань.

өти йенлы эскөмөн... Унатор на висьталіс сійө, а том морт лөня кывзис да мөвпаліс нывлөн кывъяс вылын. Коркө сәсся и сійө шыасис, пондіс сёрнитны — и дыр кывзис сылысь висьтасьомсө Бурь-Ань, помтөг чуймаліс сыөн шуалөм сөстөм кывъяс вылө. Шуисны тайө мортсө Степанөн; чужлөма Устюг карын, ичөтсаяныс сьөлөмнас и ловнас сетчөма вичко службалань. Томиник зонмөн на босьтчөма велөдны грамота и Ен отсөгөн регыд пырөдчөма мывкыд нигаясын гижөм төдөмлунө. Та бөрын велөдөма вежа писание, төдмасьөма вичко бердын служитлөм вежа аяяслөн гижөдъясөн, коркө сәсся мунөма вежа Георгий Богословлөн монастырө, кодөс нөшта төдөны кызди «затвор», а тайө монастырыс инасьөма Ростов кар бердө. Ставсө тайөс Степан вөчөма, медым дасьтыны ассьыс ловсө ыджыд мог пөртөм вылө, и көсйисьөма нуны могсө олөм помөдзыс, индас кө Ен тайө туй вылас. И мөвпыштөма Степан коркө мунны зыряна войтыр дорө, медым пыртны найөс Крестос вераө да индыны пемыдысь югыдө петан гуся өдзөс...

— Ыджыд мог ас вылө босьті, но Енмыс отсалас и видзас, — сёрни помас шуис сійө. — Ичөтсаян унаысь аддзысьлі зыряна войтыркөд Устюгын олөгөн, велөдчи гөгөрвоны да сёрнитны на ног. Öнi тырмымөн вежөрта. И весьшөрө миян роч вокъяс шуөны, мый зыряна абу морт ногаөсь, шөрвьяс быттьө, бөлбанъяслы кевмысьөны, сідзкө пө, горттөм понъяс вылө мунөны... Зыряна сәтшөм жө войтыр! Мыжаөсь мөй найө, мый некоді эз велөд кристиана ног овны, некоді эз вость налы Крестос вералысь югыд вежөртассө? Зыряна шудтөм йөз. И оз төдны найө муыв бурлунсө да радлунсө. Ме злі гөгөрвоны налысь пытшкөс-сө, и чайта — мыйяскө вежөртi. Но мунны на дiнө кадыс эз на во. Ог на лысьт. Унатор на ковмас төдмавны вежа обительын олөгөн, унаторйө велөдчыны. Лача кута Енмыслөн милөсьт вылө, эска, сетас вөля нимөдны ассьыс Вежа Ловсө!.. А öнi со мый көсья шуны тәд, муса чөйө. Кывзы, мый сьөлөмыд висьталө, и шуө кө сійө, мый колө мунны аслад войтыр дорө, медым мыйөн верман кокньөдны сылысь пудсө, сідзкө, мун да вөч мый тшөктө, кывзысь сьөлөмыддысь. Тайө зәв колана мог — сины олөмтө матыссаяслы. Тә шуан, мый эн на пыртчы? Сідзкө, Енмыс тадзи көсйис. Крестос Ен оз өтдорт некодөс, и тәнө оз коль некутшөм пастөг, — мун да служит аслад войтырлы. Сөмын эн висьтав, мый Крестос нимсянь бур вөчны локтiн, — тайөс вермас шуны сөмын сійө, кодi вежөдөм ваын пыртчис, — вөч бурсө бурлун понда да виччысь, кор ме воа, Ен көсьяс кө, сідзи и лоө. И кор миян туйяс падвежасясны, лок да уськөдчы Крестослөн крест водзө, и лолыд вөссяс, а вежөдөм ваөн пыртчөм бөрын югзяс и инасяс... И нөшта өтчыд шуа тәныд, муса чөй, — мун, вөч бурсө: сывды чорзьөм сьөлөмъяс, бурөд зыксысьсясөс, веськөд найөс шань оласноглань, отсав гөляслы да вермытөмъяслы, пессьы өтка да коньөръяс понда, став зыряна войтыр пондаыс ов, эн виччысь таысь аттьөалөм да озырмөм; и мед тайө тәныд лоө быдлунъя уджөн да могөн, мыйысь Енмыс бурасяс! Мун, да видзас тәнө Исус Крестос Господьыс! А менам кад эз на во...

— Муна, муса вокө, муна! — горөдчис ныв да көсйис нин уськөдчыны сылөн кок улө, но том морт кутiс, эз ләдз тайөс вөчны, кутiс киняулөдыс, шань вок моз окыштіс сөстөм кымөсас да содтіс:

— Мун, муса чөйө, и ләдзас кө Енмыс менө, грека мортөс, бур кыв йөз пөвстө нуны, сідзкө, коркө аддзысьлам на. Прөщайтлы, и мед Енмыс тәнө бласлөвитө!

И нылөс бласлөвитөм бөрын мунiс Белякь ордысь, а Бурь-Ань сійө жө войнас

эновтис Вөлөгда: кышаліс мужичой паськөм да медасис кутшөмкө купеч дінө, коді ыджыд пыжөн мөдөдчөма зыряна муө, медем ньобавны налысь дона куяс.

Уна сьөкыд ковмис пыкны Бурь-Аньлы тайө туяс, нелямын лун чөж вуджисны кузь вөлөксө, но ыджыд көсйөмыс коркө сэсся збыльмис жө: бергөдчис аслас войтыр дорө. Ас йөз вочаалісны эскытөма, эз төдны, мыйся сійө морт, но мыйөн водзө, сійөн зильджыка петкөдчис; и коркө адзисны, мый том ныв шань сьөлөма морт, и асьныс пондісны шаньджыка шыасьны, сэсся и олөмнысө сытөг эз пондыны чайтны, радейтисны и пыдди пуктисны.

Ныв овмөдчис Вадорь сиктө. Вадорса сылы индісны важиник керка, чайтисны, мый недыр кежлөтө и тайө тырмымөн. Но найө сорсисны. Төдтөм ныв Вадорын оліс төлысь, оліс кык төлысь, куим, сэсся во джын тырис, и зыряналы лои гөгөрвоана, кутшөм матыс мортөн вөлөма тайө код төдас кодарсянь воөм аньыс. Вот да ясак чукөртгысяс сы дырйи эз пондыны вывтiasьны, полисны янөдөмысь; рөзбойөн ветлысяс небзьөдчылісны сылөн кывъяс бөрын, сетчылісны зырянаөн вөзйөм калым вылө; тшыг кадъяс эз нин сулыны воддза моз видзчысьтөма, өні ставсө водзвыв артавлісны да мөдөдлісны Устюгө пыжа войтырөс колана мында няньла, асьныс зыряна татшөмтор водзджык эз и кужлыны вежөртны; пөрысьясөс да вермытөмъясөс эз нин эновтлыны воддза моз тшыглы кулөм вылө. Өти кывйөн кө, пондіс тэчсыны зырянаөн төдлытөм олөм, көні ыджыдаліс шаньлун да матыссалы отсөг вөзйөм, — и вадорса өтчид мөвпыштисны, мый налы колө яндзим төдны видзны асьыныс дорйысьөс татшөм керкашыйн, босьгчисны да недыр кадөн лэптисны выль керка — ыджыдөс, еджыдөс, джоджөн и йиркөн, мукөдлөн тайө эз на и вөв, а мый медея ёна чуймөдіс ставсө — слюдаөн эвтөм ыджыд өшиньяс да вартөм пач, весиг трубаөн, и ставсө тайөс вөчисны Бурь-Аньлөн индөд серти.

И со, Эжва пөлөн кывсис юөр, мый зыряна войтыр костө овмөдчөма Ыджыд Войпельлөн ныв, Бурь-Ань, коді лэччөма веськыда енэж йирсьыс (тадзи сёрнитисны асьныс зыряна), и йөз пондісны кыссыны сы дорө, медем корны отсөг да индөд.

Квайт воысь неуна дырджык олө Бурь-Ань аслас войтыр пөвстын, эз этша бурсө вөч тайө каднас.

Зыряна йен пыдди и пуктисны сійөс, чайтисны збыльысь Войпельлөн нылөн. А сійө кыв ни джын эз шулы ас йывсьыс — эз висьтась Войпель нылөн, но эз и пыксы тадзи шуөмысь, — и чорыда көсйысис некодлы не восьтны збыльсө, кытчөдз Кростос вера оз во зыряна муө...

Татшөмөн вөлі тайө дивө кодь аньыс, коді став олөмсө сиис аслас войтырлы... Но весиг сылөн эз вөв сы мында вын, медем сывдыны чой-вокъясыслысь кын сьөлөмсө, вөчны найөс «шаньөн да бурөн!..» — и ыджыда ышловзбыліс быд пөрйө, кор казгыштліс тайө кывъяссө.

Бурь-Ань чеччис.

— Ог, ог вермы тайөс вөчны, — мөвпалігтыр шөпкөдіс сійө. — Та вылө колө ыджыд вын, Степанлөн кодь вын... Да, сійө вермас небзьөдны кын сьөлөмъяс, вөчас найөс шаньөн и бурөн, ме таө эска!

Мыйкө нөшта на мөвпаліс берег пөлөн мунөмсор, коркө сэсся бергөдчис бөр да мөдөдчис юр-мортлөн керкалань. Но тайө здукас кутшөмкө дзуртан шыяс кылісны ю ковтысын, горувсянь локтөмөн.

Тайө недыр кежлө паdmөдліс Бурь-Аньөс.

— Оз-ө пыжаяс катны, пелысьясөн тадзи дзуртöны, — кывзысигмоз шöпкöдiс сийö. — Мыйся нин войтыр?

И кежис берег дорö, медым тöдмавны, мыйся йöз кыскасьöны вой шöра войö. Сьöлöмыс пондiс лёкысь нöйтчыны.

Пелысьөн дзуртöм да ваö тельскöм матысмис. Бурь-Ань видзöдлiс тöлысь югöрьясьөн ворсöдчысь ва вылö да чурмунлiс.

Сийö кылiс роч сёрни.

«Ушкуйяс, ушкуйяс!» — визнитiс вежöрас, но эз уськöдчы пышйыны, а повтöг сулалiс да виччысис матысмысь пыжаясöс.

V

Гажтöма дзуртiсны пелысьяс, матыстчысь пыжъясын роч сёрни кылiс пыр ясыдджыка и ясыдджыка. Ю чукыль сайысь петкöдчис нель вуджөр, визывсö венöмөн найö тэрыба матыстчисны Важь-горть берег дорö. Сиктын шыасисны понъяс, но войтыр некодi весиг эз палявлы, да öдвакö кодкö и кылiс понъяслысь дышиника, броткöм моз увтöмсö. Тöлысь югөр улас öти пыжын мыйкö югнитлiс, тыдалö, öружие либö кодлöнкö кöрт дөрöмыс, и Бурь-Ань тöдöмөн нин шöпкöдiс:

— Да, да, тайö новгородсаыд, ушкуйяс. Бара пондасны быдтор мырддявны, бара ковмас ыджыд калымөн вештысьны... Найö мöй кристиана жö? И кызди Кристос Енмыс вермö терпитны татшöмъяссö?

Сийö лэччис дзик ва дорас да кылiс, кызди киргана гора гөлöс ыджыдалiс водзын мунысь пыжын:

— А вы приготовьтесь, братцы! Видать, что кь жилью подьфзжаемь. Неровень чась, эти зырянишки вздумаютъ встрфтити насъ стрфлами да дреколями. Вфдь, Богъ знаетъ, что имь въ башку взбредеть...

— Это зырянишки-то? Ха, ха, ха! — зывöктöмпырысь вакöдiс мöд. — Да они пальцемъ не смфють тронуть насъ! Знаю я ихъ трусость. Это не татары проклятые...

Бурь-Ань аслыс кöсйытöг мöвпыштiс: мый вылö тайöяслы Кристос вераыс, оз кö и чайтны овны кристиана ног? Лолыс курдыны мöдiс. Виччысис здук, кор воддза пыжыс öтвесьтасяс ськöд, и ёся шыасис рочөн:

— Не дфло, не дфло надумали, добрые молодцы, бфдных людей грабиты! Богъ васъ накажетъ за это! Попомните моё слово!

И тайö кывъяс бöрас сийö эз понды дзевсясьны, веськыда сувтiс на водзö, петiс тöлысь югөр улас. Ушкуйяс лэдзисны пелысьяссö. На дiнö татшöм видзчысьтöма шыасьöмыс, да нöшта налөн кыв вылын, тыдалö, тöдчымөн весьöпöртлiс. Некымын здук чöв олiсны. Но эз дыр падъявны бур молодечьяс. И не татшöмтор кывлiсны да аддзылiсны. Регыд палялiсны, и со, воддза пыжсянь-ыс кылiс кыз гөлöс:

— Какое тебф дфло до насъ? И откуда ты взялась? Даже по-нашему умфешь говорить...

— Да это, никакъ, баба, — шыасис мöд гөлöсыс. — Видите, шинка на головф и одежда длинная! Здорово, здорово, голубушка, спасибо тебф, что встрфтила...

— Эй, вы тамъ! Тише! — косьобтис коймод гөлос, и ставон пыр жö лонисны, бара босьтчисны пельсыяс бердö. — Нечего по пустому глотку драть! Живёте гребите к берегу! Посмотримъ, что это за человекъ? Быть может, и хороший человекъ. А хорошихъ людей просматривать не годится, особливо, кто по-русски баеть. Не такъ-ли я говорю, братцы?

— Такъ, такъ, атаманъ, такъ! — ызобтисны гөлосъяс, и ушкуйяс бара босьтчисны сынны, пыж ныръяс веськөдисны сэтчö, көнi буретш сулалис Бурь-Ань.

Лöня видзöдис повтöм ныв öти бöрся мөд берегö тшукöдчысь кузьмөс пыжъяс вылö, и гажтöма мөвпалис сы йылысь, мый со нöшта öти шог воис зыряна му вылö. Ушкуйкөд, дерт, позяс воөдчыны öти кывйö, корас кө, мед оз мырддявны лёкысь да оз виавны некодöс, но калымтöг найö оз бурасыны, и та понда Бурь-Ань медся ёна майшасис: тыдалö, тайö пöрйö вештысьöмыс лö сьöкыд да неморт нога, дзикöдз уськөдас кок йывсьыныс.

Ушкуйяс чукөрөн петисны берегö. Медводзын вöли атаман (кызди ставон шыасисны сы дорö), сйö тэрыба петис Бурь-Ань водзö.

Туска тöлысь югөр улын позис казявны, мый тайö вöли пелькиник роч тошка, дзирдалысь сьод синма том морт, вылас кышалöма көрт дөрöм. Ныв воськовтис сылы воча.

— Я вижу перед собой атамана, — шуис сйö: — И не знаю, какой онъ человекъ, добрый или злой? Можно ему въ лицо говорить правду?

Атаман вежавидзёмөн пöрччис юр тупйöдсö.

— Правду я всегда слушаю! — ныв мичлунөн любуйтчигтыр вочавидзис сйö; нöшта ёна чуймөдис нывлөн повтöмлуныс. — Безъ правды не живёмъ и мы, хотя и считаемся разбойниками. Такъ что-жъ, говори, какое дёло твоё. Я слушаю.

— Я хочу сказать вамъ, русские люди, — атаманлы синмас веськыда видзöдёмөн пондiс сёрнитны Бурь-Ань: — Что стыдъ вамъ велйи обижать и грабить такихъ людей, которые и безъ того умирають съ голоду. А вы ещё русские люди, христиане, носите на себё знаменiе креста Христова! Какая же правда въ васъ? И какая совёсть въ вашемъ сердцё? И чему же васъ учитъ ваша вёра, когда вы проливаете кровь человеческую? И развё завёщалъ вамъ Христось обижать и мучить такихъ людей, которые слабёте васъ? Стыдитесь, стыдитесь, добрые молодцы! Сражайтесь съ врагами нашей родины, а не нападайте на нашъ бёдный народъ, который и безъ того обиженъ всёмми! Да и корысти вы здёсь немного получите. Люди все бёдные, убогие, поживитесь вамъ мало чёмъ будетъ. Лучше ворочайтесь-ка назадъ безъ грёха...

— Вишь, чего захотёла! — горöдiс атаман гөгөр сулалысь ушкуйяс пиысь кодкö. — Видать, что бывалая баба: словами такъ и сыплеть...

Но атаман ырыштчис сы вылö: «Молчи!» да бöр бергöдчис Бурь-Аньлань чужёмөн:

— Знаю, знаю, что негоже мы люди, да что же дёлать прикажешь: такова ужъ жизнь наша! Съ измальства привыкли къ худымъ дёламъ, а теперь и невтерпёжъ стало: всё бы колобродили по мёстамъ неизвестнымъ да добывали всякую добычь... Такъ-то, такъ-то, моя голубушка. А ты-то не Бурь-Анью ли будешь? Вельми многое слышалъ я о тебё отъ одного устюжскаго гостя¹ и, признаться, желалъ того, чтобы ты встрётилась на нашей дорогё. А вотъ, и

¹ Гость — купец.

повстрѣчались мы... да только неласково ты принимаешь насъ... Оно и вѣстимо такъ, да охота пуще неволи, говорится, и не можемъ мы отстать отъ дурныхъ повадокъ. Ужъ ты прости насъ, грѣшныхъ, а мы твоё селеніе не тронемъ, пускай оно стоитъ въ цѣлости, а другія селенія придётся пощупать. Нельзя же безъ добычи ворочаться...

И атаман кышаліс юр тупкѡдсѡ, тадзи петкѡдліс, мый дивѡ кодъ аньѡс пыдди пуктѡма лой тырмымѡн. Ушкуйяс пондісны гораа шуасыны:

— Такъ что-жъ, не трогать намъ это селеніе, атаман? Коли такъ, прикажи хоша откупъ небольшой взять! Нельзя же безъ откупа отваливать...

— Откупъ возьмѣмъ съ другихъ селеній, а это селеніе не троньте, — стрѡга тшѡктіс атаман, сѣсся недыр чѡв олѡм бѡрын содтіс:

— А теперъ разводите огни. Отдохнѣмъ здѣсь до утра, а съ солнцемъ двинемся дальше. Не думайте обшаривать избы, не обижайте здѣшнихъ людей, а не то я расправлюсь съ тѣми, кто вздумаетъ не послушать меня. У меня расправа коротка, вы знаете это. Слышите?

Ушкуйяс мый дыра кѡ броткѡдчыштісны да разѡдчалісны, медым чукѡртны бипурьяс пестѡм да войколалѡм вылѡ тырмымѡн пес. Тыдалѡ, налѡн эз вѡв некутшѡм окота мунны тайѡ озыркодь, тыр-бура видзѡдчысь сиктсыыс тыртѡм киѡн, но и атаман кыв улысь петны эз лысьтны, тадзи ковмис пѡдтыны ас пытшканыс пеж мѡвпяссѡ да сетчыны бур ру улѡ, быттьѡ пыдди пуктісны татчѡс войтырсѡ да быттьѡ найѡ весиг мыйтакѡ жалъѡсь лоины.

А сы коста важъ-гортсалѡн ун торкисис. Понъяс босытчисны лѣкысь увтны, весиг эравны: вывтї нин вежавидзтѡг ветлалісны ушкуйяс, со и торкисны войся велалѡм лѡньсѡ. Зыряна пон увтчѡмсыыд бѡръяывив палялісны, унаѡн петісны ортсѡ да ю берег пѡлѡн ѡружиеа войтырсѡ казялѡм бѡрын уськѡдчисны садьмѡдавны и мукѡдсѡ. Керкаяс костын сѣн и тан пондісны вуджрасьны унзіль войтыр, найѡ медясѡ зілисны кытчѡкѡ ылѡджык сайѡдны гортса пемѡсьяснысѡ. Мѡсьяс норирика дівзісны, ыжъяс няргисны; аньяс да челядь бипура йѡзѡс аддзѡм бѡрын эз вермыны кутны полѡмнысѡ да уна гѡлѡсѡн мый вермисны лѡвтісны. Мужичѡйяс весиг мѡвпыштны эз лысьтны, мый колѡ кутшѡмкѡ ногѡн водзсасыны, но кодыр аддзисны, мый повзѡдчысь гѡсьтъяслѡн и дум абу на вылѡ уськѡдчыны, мортас морт збоймѡдчисны да керкаяс костѡд ньѡжйѡник кыссьѡмѡн матыстчисны берег дорѡ. Шуд вылѡ, тані найѡ аддзисны, мый Буръ-Ань сѣрнитѡ рѡзбой чукѡрысь ѡтикѡд, и тѡдчис, мый сѣрниыс на костын мунѡ бурпырысь, — тайѡ важъ-гортсалы сетіс ыджыд лача, мый ставыс лѡѡ ладу. Тѣрмасѡмѡн разѡдчалісны асланыс котырьясѡ да юѡртісны:

— Помтѡм аттьѡ ыджыд Войпельлы! Матушканым миян, Буръ-Ань, рѡзбойсаыскѡд сѣрнитѡ. А сійѡс кѡ эз вѡрзѡдны киѡн, гашкѡ, и миянѡс оз дзерѡдны. Сійѡ кужѡ на ног сѣрнитны, янѡдас и лѡньѡдас... Ыджыд Войпельлы аттьѡ!

Сиктса неуна лѡнисны, кѡтъ гортса пемѡссѡ вѡтлалісны пыдѡджык вѡрѡ: кодї на тѡдѡ, мый водзѡ вермас лоны?

А тайѡ кадас Буръ-Ань сулаліс атаманлы воча да лѡня шуаліс:

— Дивлюсь я на васъ, русскіе люди. Зачѣмъ вы наѣзжаете сюда? Кажись, есть у васъ мѣста для потѣхи воинской: есть гдѣ крылья развернуть, есть гдѣ добычу добыть, а вы на нашъ народъ нападаете! А у насъ что есть? Ни золота, ни

серебра у насъ нѣтъ, а есть только шкуры звѣриныя... Не гоже, не гоже вы дѣлаете, добрые молодцы, изъ-за звѣриныхъ шкуръ человѣческую жизнь губите...

— Это какую-жъ человѣческую жизнь? — шпыньмунліс атаман.

— А жизнь людей зырянскаго племени...

— Да развѣ зыряне-то люди?! — зывѣкпырысь шутѣвтис атаман. — Да мы ихъ людьми-то и не считаемъ! По-нашему, люди только тѣ, кто во Христа вѣруеть да ещё кто по-русски говорить разумѣють. А зыряне во Христа не вѣрують и по-русски говорить не разумѣють. Зыряне совсѣмъ не люди, не въ обиду будь сказано тебѣ это. Вотъ тебя, вѣстимо, можно назвать человѣкомъ: ты разумѣешь русскую рѣчь, а остальные такъ себѣ — ни люди, ни звѣри, наподобіе татаръ нечестивыхъ...

— А какъ же Христосъ сказалъ, что всѣ люди — братья, — атаманѣс кывзѣм бѣрын вомалис Бурь-Ань. — Вѣдь такъ, по словамъ Христа, выходитъ, что всѣ люди: русскіе-ли, татары-ли, зыряне-ли, — всѣ должны любить другъ друга... Не обижать одинъ другого...

Атаман гораа серѣктис.

— Да ты совсѣмъ на нашего попа Парфенія смахиваешь! Только отколя ты такой премудрости нахваталася?.. Ну, правду мнѣ сказалъ устюжскій гость, что Бурь-Ань зырянская любого мудреца за пояс заткнѣтъ. Видать, что оно такъ и выходитъ. Это даже весьма похвально: баба, а такія словеса умѣеть говорить. Не видалъ я такой даже средь боярынъ новгородскихъ.

Дыр на ваксис атаман, кодлы кажитчис тешкодѣн зырянка ансянь кывны татшѣм сѣрнисѣ, но друг вежѣрас воис мѣвп, мый, вермас лоны, тайѣ аньыс кутшѣмкѣ ногѣн татчѣ воис Крестос вера паськѣдѣм могысь, — и пыр жѣ вежис сѣрни визьсѣ.

— А ты меня прости, — бара юр тупкѣдсѣ пѣрччѣмѣн шыасис сійѣ. — Таковъ ужъ характеръ мой: не могу безъ смѣху часу пробыть. А своимъ людямъ зырянскимъ ты скажи, чтобы они не полошились понапрасну: мы ихъ и пальцемъ не тронемъ. А то, видать, они ужѣ и скотинку въ лѣсѣ припрятываютъ, отъ насъ схоронить думаютъ, — да мы не станемъ это селеніе трогать. Таково слово моѣ, а моѣ слово свято!

И бѣр кышаліс юр тупкѣдсѣ.

— Спасибо тебѣ, атаманъ, — лѣня шуис Бурь-Ань. — А на твой смѣхъ я не сержусь: мало-ли когда человѣку посмѣяться захочется! Такъ что-жъ, сказать здѣшнимъ людямъ, — что вы ихъ не станете трогать?

— Скажи, скажи.

— Ладно. А какъ же другія селенія? Неужели вы ихъ грабить станете?

— Объ этомъ рѣчь впереди, голубушка! — ылѣсас вочавидзис атаман и мый йылысь кѣ пондѣс тѣрыба сѣрнитны сы дорѣ матыстчѣм ушкуйкѣд. Бурь-Ань гѣгѣрвоис, мый атаманлы абу окота водзѣ нуѣдны не сѣлѣм серти мунысь сѣрнисѣ, вешйис на дѣнысь, муніс сиктѣ, медым лѣньѣдыштны татчѣс олысьяссѣ.

Ушкуйяс пестісны некымын бипур. Би весьтѣ кѣзла йылѣ ѣшѣм пѣртгясын варкйис кутшѣмкѣ сора ныас¹. Асьныс найѣ чукѣрѣн-чукѣрѣн сулалісны бипурьяс гѣгѣр да пѣсь сѣйѣд виччысигмоз мый йылысь кѣ сѣрнитісны. Ю дорсянь локтысь уль ру понда ывлаыс ыркмунліс. Енѣжтас асывлаторыс тѣдчымѣн югдѣс, регыд коліс виччысьны асья кыа пестысьѣм. Ныас лои дасъ, и кокни олѣм

¹ Ныас — подболтка.

корсысыяс босътчисны ыркөмөн панясыны, а вылыссө сигөртисны кытысыкө босътөм винаөн. Өтнас атаман бөрыньтис сөйөдсө, шуис сөмын:

— Ёшьте, ёшьте на здоровье, братцы, а мнѣ что-то не хочется. Мнѣ только соснуть нужно, а ѣда на умѣ не идѣть... Не до ѣды какъ-то теперь...

И збыль, сөйөм йылысь сылы некор вөлі думайтны. Вежөрсө ставнас песовтис зырянка, коді чуймөдіс и падмөдіс атаманөс аслас мыгөрөн да мөвпаланногөн. «Неужели это простая зырянка, а не какая-нибудь другая женщина?» — аслас войтырысь бокөджык лажынътчөмөн мөвпаліс сійө, а вежөрсө сідзи и ёнтисны нылөн шуалөм янөдана кывъясыс, юралісны сідзи, быттё ныв төдіс — и ясыда да пыдісянь — Кростос вералысь шөр мөвпсө. Кутшөмкө здукөдз өд нывлөн кывъяс вылө атаман сөмын сераліс, сы понда мый велалөма быдтор вылө видзөдны шмонь пыр, но өні сылөн лолын мыйкө вөчсис, аслыс көсйытөг, и друг юрас воис видзчысьтөм мөвп, мый абу бур серавны татшөм морт вылын, коді сёрнитө веськыда и висьталө збыльсө. Грек тайө лөб!

Сьөкыд думө уси атаман. Отпѣтый нима бояра рөдысь петалөм морт, сійө томысянныс вөлі юр вундысь кодь збой мортөн, и падъявтөг сөйсыйліс быдлаө, көні колісны удал да повтөм йөз. Медся нин радейтис ас кодьыс юр вундысыяс чукөрын ветлыны төдтөм муясті, падъявтөг петаліс медся лют вөрөглы воча и некор эз думыштчыв, мый вермас лоны здук мысти. Волга ю пөлөн олысыяс, кывтыд и катыд, пицу кор моз тіралісны Отпѣтыйлысь нимсө кылөм бөрын, көть, колө шуны, сійө некор эз вөрзөдлы тыртөм киа, водзсасыны вермытөм йөзөс, но татара вылө сылөн бурлуныс эз төдчы. Татара найө вөліны нәмөвөйяс вөрөгъяс, роч му увтыртысыяс, и та понда ушкуй котыр найөс эз жалитлы. Татаралы рочьясянь некутшөм милөсьт эз вермы лоны... Сы мында во дорывыс роч му нартитөм бөрын! Неуна мөд ногджык рочьяс видзөдісны зыряна да мукөд пеж войтыр вылө, кодъясөс лои пөкөритөма. Зыряна олөны мөскуаса нязьлөн борд улын, көть Новгород тайө вөйыв мусө пыр на лыддис аслас вөлөсьтөн, — и весьшөрө атаман такөдіс асьсө, мый зыряналөн муө пырөмөн нинөм лөксө оз вөч, тадзи вөчлөны став удал молодечыс: Бурь-Аньлөн кывъясыс йиджисны вежө-рас, и өні сійө пессис-мөвпаліс сы йылысь, мый и збыльысь вывті чорыдасыөны да вывтіасыөны, усъласыөны зыряна вылө, кодъясөс и сідз нин быдөн дзескөдө-ны. Өд сійөс новгородса вече көть мөскуаса великөй нязь вермас чорыда мыжды-ны, көть тайө шогыс атаманлы чайтсис медся ичөтөн.

Век жө тайө эз сэтшөма майшөдлы. Эз та понда пессыс атаман. Том вира мортлысь ловсө, дерт жө, шызөдіс Бурь-Аньлөн вөвлытөм мича чужөмбаныс да статя мыгөрыс, та понда аслыс көсйытөг быд здук мөвпаліс сы йылысь, мый «эта Бурь-Ань вельми хороша лицомъ, а сердцемъ, должно быть, ещё лучше...» — өти кывйөн, атаман Отпѣтый кызди зіліс, эз вермы вөтлыны ас водзсыс мича зырянкалысь ру кодь пертассө, быттё со өні син водзас сулалө — и бара, бара сы йылысь мөвпавсьө; тадзи эз и төдлы, кызди вугыртөма... Дукөс соскөдыс небыдика кыскалөмөн сійөс кодкө пондіс садьмөдны да шуавны:

— Атаманъ, атаманъ! Вставай! Дѣло есть до тебя!.. Вставай, вставай скорѣе, да прости, что я обеспокоила тебя!

Отпѣтый звирк чеччыштис кок йылас да аддзис, мый асьвладорын шонді нин мыччысьөма, вөр-пу йывсө зарниөн мавтө, а сы водзын сулалө кузиник мыгөра ань да пыр на шуалө:

— Вставай, вставай, атамань! Дѣло до тебя есть... большое дѣло. На тебя надежа моя... Выслушай же!

Тайо вѣлі Бурь-Ань.

VI

Атаманкѡд ѡнтая сѣрни бѡрын Бурь-Ань муніс сиктѡ да эскѡдіс важь-гортсаѡс, мый рочьяс лѣк вѡчны оз пондыны, — и зыряна эскисны. Пыр жѡ дугдїсны ноксыны нинѡм абунас да разѡдчалїсны быдѡн аслас керкаѡ, ыстысисны Бурь-Аньлѡн кывьяс вылѡ, мый ушкуйсянь бур ни лѣк оз ло, налы веськодь, мыйѡн олѡны татчѡс войтыр. Тайѡ кокньѡдіс важь-гортсалысь сѡлѡмсѡ, и найѡ эз тѡдны, кыдзи аттѡавны ускѡттѡысь мездысь збой нылѡс; мѡдарѡ кѡ, налѡн олѡмыс вермис збыльысь помѡ воны, ас кадѡ кѡ татчѡ эз веськав Бурь-Ань, а ѡні погыс бокитї муніс.

Важь-гортса лѡня чиктылісны, кѡтъ век на полѡмпырысь видзѡдісны ымралысь бипурьяс гѡгѡр чукѡртчѡм роч войтыр вылѡ. Зыряналѡн сѡлѡмьяс эз помѡдз такавны весиг Бурь-Аньлѡн кывьяс бѡрын, кѡтъ сылытѡ нин эскисны йенлы моз, вежѡраныс поздысис мыйыськѡ тѡдтѡмысь на полѡм ру, курыд войтѡясѡн пагѡдіс ѡтувья радлунсѡ.

Бурь-Ань кокньыда ышловзис, кор сѣрнитчис атаманкѡд важь-гортса серти, век жѡ личѡдчыны помкаыс эз вѡв. Ушкуйяс мунасны Важь-гортсысь, но Эжва пѡлѡн и мукѡд вожын кымын сикт да грезд, а налы бурсѡ виччысьны некытысь. Оз кѡ новгородса и найѡс кѡтъ неуна жалитыштны... Но та вылѡ ыджыд лача эз вѡв.

Ёнтѡмѡн ёнтїс Бурь-Аньлѡн сѡлѡмыс, кор думыштіс, мый ѡдвакѡ сяммас дорйыны зырянаѡс на вылѡ усьѡм сѡкыд пудйысь, но друг сїйѡ вежѡртїс, мый, гашкѡ, атамансѡ позяс кыдзкѡ мевїѡдлыны, да оз-ѡ воны ѡти кывїѡ, мед, шуам, калымсѡ босьтасны некымын сиктысь, а оз ставсѡ куштыны. Тайѡ эськѡ ёна кокньѡдіс коньѡр войтырлысь пудсѡ. Сѡмын ѡтитор майшѡдліс сїйѡс, — мый ушкуйяс пыксясны татшѡм вѡзїѡмсьыд, оз кѡсїыны дзескѡдны асьыныс прѡмыссѡ, ни ѡти сикт оз кольны рѡзѡриттѡг да увтыртѡг, — а атаман вылѡ лача вѡлі, и вѡлі эскѡм, мый сїйѡ оз бѡрыньт аньлысь корѡмсѡ.

«Тыдалѡ, мортыс абу лѣк, — мѡвпалїс Бурь-Ань. — Сѡмын абу аслас туй вылѡ петѡма, удал рѡзбой шѡрѡ веськалѡма... А сѡлѡмыс сылѡн шань и вѡсьса! Татшѡмьяссѡ ѡтчыд аддзылѡмѡн казялан. Ёнлы, видла корны, оз-ѡ кывїѡ сетчы. А войтырсѡ асьыс пегыртны выныс эм... Бур, тѡлка морт; чайта, кывзас менѡ...»

Сїйѡ мѡвпаланаа видзѡдліс асыввылѡ, кѡні петысь шондїлѡн пѡсь югѡрьяс улын енѡж пельѡсыс ставнас ыпьяліс да пѡртмасис быдсяма рѡмнас. Тайѡс аддзѡмысь сѡлѡмыс тыри тѡдлытѡм радлунѡн, мый роч Ёнмыс быдлунья уджас вермѡ мыччѡдлыны сы мында дивѡ, и мый Бурь-Ань сѡтшѡм этша на тѡдѡ Сы йылысь, но став ловнас и сѡлѡмнас кыссьѡ Сылань, кѡтъ ачыс и абу пыртчѡма. Аслыс тѡдлытѡг асывлань чужѡмѡн лѡдзчысис пидзѡсьяс вылас да синсѡ енѡжлань лѡштѡмѡн шѡпкѡдіс:

— Ёдждь Іисусь Крїстось, крїстианалѡн Ён! Ме ас вылын ог новлы Тѡнсьыд Крїста пастѡ, но сѡлѡмын Тѡнѡ, Ёдждьѡс, новлѡдла, — прѡстит да сѡкранит

менсым коньор войтырөс, коді сьолөм топавмөн кыскө сьокыд пудсө! Отсав мөскуаса Степанлы буркыв йөзө нуны... а меным инды вежа вичкоад пыртчыны туй!..

Копыртчыліс му бердөдз да чеччис... Но сьолөмыс водзө нөйтчис и мыйысыкө майшөдлан ру пөдтіс на ловсө...

Эз весьшөрө пессы сьолөмыс, тайөстө сійө гөгөрвоис: «Но кутшөм нөшта шог виччысьө зыряна войтырөс?.. Оз кө кывзы атаман?.. Абу кө сійө шань морт?..»

Тайө здукас мыччысис шонді, югзьөдіс став матігөгөрсө... Матысса вөр дорсянь друг кыліс трачкөдчөм, и керкаяс костө артмөм ичөтик кушино котөрөн петіс косясьлөм важ дукөса, парсассьөм чужөма жеб мортан, аддзис Бурь-Аньөс да чирөм гөлөсөн шыасис:

— Матушкай миян, Бурь-Ань! Йенгьясыс вайөдісны тэ дорө!.. Кывзыв жө, кывзыв менө...

Тайө кывгьяс бөрас дядьөлөн чужөмыс чуқыртчис кутшөмкө ыджыд маетаысь, сійө уськөдчис ныв водзө пидзөсьяс вылас. — Шог миянөс суис, ыджыд шог! Вогулгьяс уськөдчисны, Ыджыд Перымладорсянь ми вылө петісны... Кузь-Помгь сиктгө донөдз рөзөритісны, а өні татчань нырөн локтөны, уна пыжа, Эжва пасьтала пыж... Отсав, отсав миянлы, матушка Бурь-Ань! Тэ өд Ыджыд Войпельлөн ныв...

И сійө кыз синваөн бөрддзис.

Ныв сулаліс шемөс. Чужөмыс бледөдіс, сьолөмыс пондіс нөйтчыны садөкө йөртөм пыста моз... Нөшта өти ускөтгө! Вогулгьясыд найө рочысь лөкджыкөсь, некутшөм калым вылө эз ыштывны, виалісны быдөнөс, коді веськавліс налөн ки улө. Рочьяс кывзылісны сійөс, калым вылө ыштылісны, а вогулгьяс та вылө некор эз мунлыны, лөкалісны йөз вылын, кытчөдз пеж ловныс оз бурась. Бурь-Ань тайөс төдіс и бура гөгөрвоис, мый вогулгьясөс сувтөдны вермас сөмын өружгья вын, а кывйыд найөс оз нин кут, рочьястө моз.

Сьолөмыс орьясьөмөн орьясис сыысь, мый зыряна войтырлөн, вермас лоны, воис бөргья луныс; горшыс гөрддзасис, чужөмыс ойдіс синваөн... А зырянин сы коста водзө висьталіс, кызди-мый ставыс лои.

Сылөн кывгьяс серти вөлі артмө, мый вогулгьяс медводз петөмаөсь Эжва йывса Керь-Чемгь сикт дорө, виөмаөсь став олысьсө да налөн пыжгьясөн кывтөмаөсь горув. Асланыс туй вылын найө кежалөмаөсь уна сиктө, но мыйлакө некодөс абу вөрзьөдөмаөсь, а Кузь-Помгь сиктын, коді Важгь-горггьясь неуна вылынджык, бара вир кисьтөмаөсь. Уськөдчөмаөсь на вылө, пондөмаөсь ставөс нөйтны, а сы понда мый валань пышйыны некызди, войтыр сетчөмаөсь вөрө. Сэні разөдчөмаөсь коді кытчө, накод удитөдчөма и Кызь-Юргь, коді өні сулаліс Бурь-Ань водзын. Пышйөма, пышйөма кытчө синмыс нуө, и со, шуд вылад, петөма Важгь-горггь сикт дорө.

Кызь-Юргьлөн чайтөм серти, вогулгьяс вермасны регыд и Важгь-гортө воны, та понда кевмис ныв водзын, медым кызкө доргьяс зыряна войтырөс; нөштаысь и нөштаысь казгытыліс, мый сійө Ыджыд Войпельлөн ныв, а сідзкө, быдтор вермө...

Ныв гажтөма нюммуніс.

— Коньор морт, — Кызь-Юргь вылө жалпырысь видзөдөмөн лөня шуыштіс сійө: — Тэ эскан, мый ме Войпельлөн ныв, а ме ньөти ог эскы Войпельыдлы, сы

понда мый збыль вылас сійо абу, эз вöv и некор оз ло! Енэж йирас эм öти Ен, кодöс ыдждöдлöны роч войтыр. Сійö вермас отсавны, а миян йенъяслөн вын абу, дай асьныс найö абуюсь... Кылан?! Öднакö, видла мыйкö вöчны. Гашкö, и артмас вогулъяссыс мездысьны. Öти морт вылö лача кута... Тэ öни пыр керкаас да шойччышт, а ме ветла.

И лыбöдчис места вывсьыс.

Зырянин чуймöмысла ас выйö эз вермы воöдчыны. Бурь-Аньлөн кывъясыс, мый сійö ньöти абу Войпельлөн ныв, весьöпöртисны морттö; век жö выльысь юавны ли паныд мыйкö шуны эз лысьт, дзöрыштит места вылас да пырис индöм керкаö, а ныв мый йылысь кö мövпалыштит да веськöдчис берег дорö, кöни разипели лöсьбöдöм станөн войколалисны удал молодечыяс — новгородса ушкуйяс...

Ныв садъмöдис атаманöс. Отпфтый видзöдис сы вылö и эз гögöрво, мый сысянь кöсйöны, но татшöм водз садъмöдöмысь скöрмöм ни дöзмöм эз петкöдлы. Мöдарö на, лöня любуйтчис ныв мич вылö, кодi асья шондi югöр улын вöли нöшта на лöсьыд, и атаманлы лои гögöрвоана, мый збыльысь, «эта Бурь-Ань вельми хороша лицомъ», новгородса нывъяс, кодъясöс сійö тöдлис, тайö ныв дорас и матын оз сулавны.

— Выслушай меня, атаман, — ныв коран синъясөн видзöдлис Отпфтый вылö. — Я вижу, ты добрый человекъ...

— Такъ, голубушка, такъ, — öти кывйö воöдчыны зилис Отпфтый, и кылис нин, мый тайö морт пондаыс вöчас ставсö, мый сійö корас.

— Такъ вотъ что, атаман! — Отпфтыйлань копыртчыштöмөн тэрыба пондiс шуавны Бурь-Ань: — Скоро сюда нагрянутъ вогулы кровожадные... Ты знаешь, какой это народъ?

— Знаю, знаю!

— Скоро они нагрянутъ сюда. Я вфсть обь этомъ получила. Плывуть они съ верху Вычегды-рфки, разоряють зырянскiя селенiя... Ужасные люди они. Не щадятъ ни старого, ни малаго... А пока они только ещё два селенiя разорили... да, навфрно, доберутся и до остальныхъ, если не остановит ихъ... Къ твоей милости прибфгаю я, атаманъ. Ради христианскаго Бога Исуса Христа прекрати злодфйства этихъ вогуловъ. Вфстимо, нфть вамъ дфла до того, какая напасть постигнетъ людей зырянскаго племени, да вамъ-же лучше будетъ, ежели остановите злодфевъ. Добычи вамъ больше попадётся, откупы изрядные можете взять, а безъ того ничего вамъ не достанется: всё вогулы разорятъ, и только обгорфлые головни отъ селенiй вамъ останутся... Такова просьба моя, атаманъ. Не знаю, найдёшь-ли ты выгоду для себя и для своихъ людей помфряться силами съ вогулами, да всё же прошу тебя. Авось, и встрфтите вы вогуловъ ратнымъ боемъ, хотя, вфстимо, лучше надъ робкими людьми зырянскаго племени силу свою показывать! Это безъ хлопотъ всякихъ. А съ вогулами безъ хлопотъ не обойтись: они завфдомые разбойники, только разбоемъ и промышляютъ...

Атаман торкис нылöс.

— Вогулы намъ не страшны. И не съ такимъ врагомъ бивались! Только негоже намъ, русскимъ людямъ, изъ-за зырянъ некрещёныхъ кровь свою проливать. Да насъ засмфкють всф новгородцы, коли узнають, что мы за зырянское племя съ вогулами бились...

— За это никто просмфивать не станетъ! — атаманлы веськыда синмас

видзодомон чорыда эскодис Бурь-Ань. — Всякій витязь православный долженъ за слабыхъ заступаться...

— Это ты истинно говоришь, — пыр жё сетчис Отпѣтый, ас кежас мовпыштис, мый сыкод сёрнитысь быдторйын веськыд. — Только вотъ какое дѣло. Мои люди, можетъ, не пойдутъ за мною. Они такіе буянливые...

— У настоящего атамана всѣ люди подначальные бываютъ послушными. Не знаю, у тебя какъ?

— И у меня люди послушные, — тэрыба вочавидзис Отпѣтый, повзъыштискодь, мый Бурь-Ань вермас чайтны сійос «лѣкиник» атаманон. — У меня люди дѣлаютъ то, что я захочу, а не то, что они захотятъ... А всё-таки, просьба твоя... Не знаю, какъ быть съ тобою, голубушка...

И сійо мыйтакө кад нюжмасис вочакывнас, эз тод, мый шуны. Чорыда мовпыштчыліс, синкымъясыс чикыш бордъяс моз топавлісны. Тыдалө, кутшөмакө падъяліс. И друг тодлытөм мовп визнитис сылөн вежөрын, видзчысытөм, збой мовп. Пөсь нъылөм чепөсийс кымөс вылас, сьөлөмыс быттьө сувтліс, ачыс пондис ставнас тіравны. Здук сайын падъялөм понда гырдемөм синмөн видзөдліс ныв вылө да пыдісянь шуис:

— Согласенъ я на битву съ вогулами, только и ты слово дай, что сдѣлаешь мнѣ угодное, о чёмъ я прошу тебя...

— Сдѣлаю, если то въ силахъ! — сөстөм синъясөн видзөдөмон лөня вочавидзис Бурь-Ань.

Отпѣтый ыджыда ышловзис да крапкис:

— Будь моею женою, единою женою богоданною. Люба ты мнѣ пуще свѣта бѣлаго, пуще солнца красного, и не жить мнѣ безъ тебя на этомъ свѣтѣ. Исполнишь-ли просьбу мою?

Атаман тайос шуөм бөрын бужгыльтчис. Абу медводдзаысь, сёрнитліс мича том нывъяскөд, медсясө новгородса бояра рөдысь вөліны найө; некор эз дзевлы синъяссө, весиг меда нималана рөдысь петөм водзын, а тані эз вермы лэптыны видзөдлассө, зыряна рөдысь петөм ныв водзын родис, чөв ланьтис... Төдлытөм яндзим понда чужөмыс весиг гөрдөдис, киясыс тіралісны... Вежавидзөмон виччысис, мый вочавидзас мусмөм ныв...

А Бурь-Аньлөн чужөмыс быттьө эз и вежсьыв, сідз жө стрөга да веськыда видзөдис атаман вылө. Татшөм сёрни сійо ньоти эз виччысь. Татшөмтор весиг вежөрас эз воы. Но лөнь ру вылө видзөдтөг, пытшкас мыйкө вөрзис, морөсыс пондис кыпъявны, синъясас дзирдыштис кык би кинь... Некымын здук чөв олис, сөсся лөня шуис:

— Чудна мнѣ просьба твоя, атаманъ. Не могу я вѣрить этому... Недавно ещё повстрѣчались мы... Не могу повѣрить тебѣ, что ты говоришь правду...

Отпѣтый торкис сылысь сёрнисө, пөся шуис:

— Богъ свидѣтель, что я говорю правду! Полюбилась ты мнѣ съ перваго разу... Отвѣчай, пойдёшь аль нѣтъ за меня?

— Не знаю! Что сказать тебѣ, атаманъ... Не могу я идти за тебя... невозможное дѣло это...

— Такъ неужто, — лов пөдтысь мөвпсө восьтөмон горөдчис Отпѣтый, — неужто надъ тобой постригъ монашескій былъ?

Ныв гажтөма серөктис.

— Не было надо мной никакого пострига, атаманъ. Только не гоже тебѣ, удалому доброму молодцу русскому, жениться на зырянкѣ некрещёной. Вѣдь, я некрещёная пока...

— Некрещёная? — эскытӧг нюжӧдіс Отпѣтый. — А какъ же ты такія слова говоришь, что любому попу нашему такъ не сказать?

— А дѣло вотъ въ чѣмъ, атаманъ, — вочавидзис Бурь-Ань, и дженьыда висьталіс Отпѣтыйлы асьыс олӧмсӧ, коді атаманлы кажитчис мойд кодьӧн. Ныв кутшӧмкӧ здукӧ видзӧдліс сы вылӧ да чайтіс, мый ӧні водзӧ оз понды ыштыны сы вылӧ, оз корась пыртчытӧм зырянка дорад, кодлӧн абу нима рӧд ни вир, но эз бӧрыньтчысьяс лыдысь вӧв атаман Отпѣтый. Пыркнитіс юрнас да веськыда шуис:

— Ты лучше для меня всѣхъ крещёныхъ боярышенъ русскихъ! Не отступаюсь я отъ тебя. Скажи ты слово одно, и я готовъ буду встрѣтить вогуловъ такъ, что они надолго забудутъ заглядывать въ зырянскую землю! Говори, я жду твоей отповѣди!

И сувтіс ныв водзӧ да пондіс виччысьны. Кутшӧмкӧ тӧдлытӧм збойлун ворсӧдчис сылӧн синъясын. Ӧні нин воис Бурь-Аньлӧн падъялан здук.

Атаман дорӧ сійӧс кыкис, кыкис ӧддортны позьтӧм ловкылӧм, и таысь ныв эз вермы кутны ни такӧдны асьсӧ. Тайӧ кылӧмыс кызкӧ тӧдлытӧг пырис сылӧн вежӧрӧ, став вир-яйнас кыскыны пондіс. Отпѣтый вӧлі том, ыджыд тушаа, повтӧм чужӧмсӧ мичмӧдіс сьӧд тош, а сук синкымъяс улас ворісны ыджыд руд синъяс. Бурь-Ань коркӧ лэптіс видзӧдлассӧ да видзӧдліс сы вылӧ; вежӧрас воліс шуда гозъялӧн оландыр серпас... но друг син водзыс быттьӧ пемдіс. Абу, абу кадыс, медым ковтӧм сёрниӧн ноксыны, колӧ зыряна войтыр понда пещитчыны... Атаман корис вочакыв, и вогульяслы паныд петас сӧмын сэки, кор сійӧ, Бурь-Ань, вочавидзас, — падъявны кад абу. Весиг и сэки, Отпѣтый кӧ эз мусмы, ӧні эськӧ кӧсйысис петны сы сайӧ, а тані, кыз шуласны, пӧльза и кыскӧм ӧти кывйӧ воисны, — и чорыда вочавидзис атаманлы:

— Согласно я выйти за тебя, добрый молодец... только съ уговоромъ однимъ...

— Съ какимъ? — татшӧм вочакывйысь бурмыштӧм сьӧлӧмӧн юаліс Отпѣтый.

— Уговоръ мой такой, атаманъ. Вѣстимо, не вѣдаеш ты, что я обѣтъ дала окреститься въ христианскую вѣру только тогда, когда окрестится народъ зырянскій. И должна я обѣтъ соблюсти... А нынѣ узнала я, что въ Котласѣ ужъ вводится христианская вѣра, Стефан-москвитянинъ просвѣщаетъ народъ. Такъ вотъ, атаманъ, придѣтъ сюда Стефан-москвитянинъ, просвѣтитъ людей зырянскихъ, — и окрещусь я у него... и буду женой твоей. А тебя предваряю я, атаманъ, что если ты не бросишь своё разбойное ремесло, то не быть тебѣ мужемъ моимъ! Не могу я смотрѣть на разбойниковъ, не хвалятъ ихъ и князья рускіе. Какъ бы бѣды съ тобой не приключилось! А ты не сердись на меня, атаманъ, я отъ души говорю тебѣ... И ничего я не измѣню изъ того, что сказала. Нельзя мнѣ обѣтомъ пренебречь... Вотъ отповѣдь моя. Сердись-не-сердись на меня, атаманъ, а иной отповѣди отъ меня не будетъ. Я всё сказала тебѣ.

Отпѣтыйлӧн чужӧм вылӧ пемыд вуджӧр лэччис. Тайӧ кывъясыс вӧліны вывті чорыдӧсь... Пыдісянь ышловзис сійӧ да выльысь юаліс вежсьӧм гӧлӧсӧн:

— И не будетъ отъ тебя иной отповѣди? И не измѣнишь ты слово своё?

— Это моя отповѣдь послѣдняя и не измѣню я своего слова! — нѣшта на чорыда шуис Бурь-Ань, и водзѣ Отпѣтый юасьны эз понды, гѣгѣрвоис, мый весьшѣрѣ, копыртис сѣокталѣм юрсѣ ныв водзын.

— Жестоко огорчаеш ты меня, голубушка, да что жъ дѣлать, коли обѣтъ данъ! Согласенъ, согласенъ я съ тобою... согласенъ на уговоръ твой... Ты всю душу у меня переверотила. Не стану я разбойничать съ сего часу, не стану кровь человѣческую ради добычи проливать, а стану только сражаться съ врагами родины своей, если придѣтся... А теперь людей своихъ надо подготовить. Послѣдній разъ поведу я ихъ на сѣчу лютую съ вогулами, а потомъ распрощаюсь съ ними. Пусть ищутъ себѣ другого атамана, а я не атаманъ имъ. Довольна ты мною?

Бурь-Ань улѣдз копыртчыліс сы водзын.

— Большое спасибо тебѣ скажу, добрый молодець, коли ты сдѣлаеш такъ, и... сдержу слово своё...

— А я своё сдержу, — гажмыштѣм гѣлѣсѣн вочавидзис Отпѣтый да ныв вылѣ любѣпырысь видзѣдѣмѣн содтис: — И будеш ты мною довольна...

Тайѣ здукас кыкнанныс кылісны, мый кутшѣмкѣ тѣдлытѣм радлун поздысис налѣн том сѣолѣмъясѣ, и гѣгѣрвоисны, мый тайѣ радлуныс чужис Ен да войтыр водзын кыв кутны кѣсйисъѣмысь, — и сѣтшѣм кокни лои сѣолѣм выланис, бытѣтѣ кутшѣмкѣ сѣѣкыд ноп чѣвтисны мыш вывсѣыныс да дыр мысти лои позяна кокныда лолыштны.

А шондѣ сы коста кыпѣдчис вылѣджык и вылѣджык, воис енѣжтас вылысладорѣ да войся лысваысь ыркыд на му вылѣ пондѣс койны дѣбыд югѣрѣяс, — чусалысь бипурѣяс дорын пондѣсны вѣрѣшитчыны, увзѣль синѣяснысѣ тѣлигмоз атаманлѣн войтыр ѣти бѣрся мѣд кыпѣдчалисны.

— Ишь ты, и солнышко ужъ взошло, а мы всё ещё почиваемъ, что твои бояре именитые. А атаманъ ужъ давно на ногахъ, что-то толкуетъ съ этой зырянкой...

Кодъяскѣ бѣсѣтчылісны лѣдсавны би, медым выль пѣв шонтыны тѣрытѣя сѣйѣднысѣ, но Отпѣтый тшѣктис пыр жѣ чукѣртчыны кытшѣ — «всему товариществу», и ушкуйяс сѣѣрсѣн-бѣрсѣн кыссисны атаманлѣн бипур дорѣ.

VII

Эз дыр радлыны важъ-гортса. Ушкуйяс найѣс эз вѣрзѣдны, но вогул йылысь юѣр, кодѣс вайис Кызь-Юрѣ, ѣдѣй разалѣс керкаысь керкаѣ, шызѣѣдѣс ставѣс, и найѣ бара дасѣѣс вѣлі пышйыны кодѣ кытчѣ, тѣдѣсны нин вогулѣяслысь лѣк пон сяма этшѣѣ. Весьѣпѣрѣм торкис налысь вежѣрсѣ; виччысѣтѣм шогысь сайѣдчыны вѣлі некытчѣ, а водзсасѣны некодлы и нинѣмѣн. Сѣмын Бурь-Ань вылѣ и лача.

Олѣма войтыр лыддѣѣдлѣмѣн шуалисны:

— Сѣѣкыд кадѣяс суисны, сѣѣкыд кадѣяс! Тыдалѣ, пом воис! Тѣрыт на чайтѣм, мый ставыс ладу бергѣдчис, бокитѣ мунѣс сѣѣд кымѣр, да мѣскуаса Степан йывсѣыд юѣр воис. Шуам, тайѣ абу на ыджыд шог; матушка Бурь-Ань тай шуѣ, сыысь повны пѣ нинѣмла, да войнас ушкуйыд воис, а ѣні со и вогул йылысь юѣр

кывсис. Ушкуйыд сійö кывзис матушка Бурь-Аньнымöс, эз вөрзёд, да öд кодi на тöдö, мый налөн юрö бөртиджык вермас пырны! Найö төв йыв лэбач кодь войтыр... А нöшта и вогулсянь шогыс! Матушка Бурь-Ань вылö надеён и олам. Сійö кö миянлы отсавны оз вермы, сэсса кодi? Ыджыд Войпель кывзас сійöс, мездас миянöс лют войтырысь... Да мыйкö тешкодя сёрнитны пондiс миянöс дорйысьным, збыль мöй миян йенъясьным роч Енмысь омöльдзыкöсь? Тешкодя, вывтi тешкодя сёрнитö, а век жö öти бур миянлы вöчö. Сытöг эськö важөн нин помö воим. Сытöг эськö öнöдз бырим нин! Сöмын сы вылö лачаыс. Мый тайö пöрйö висьталас-а?.. Öмöй сэсса кувны ставлы?..

И шогыс ставöс пыдзралöмөн пыдзралiс. Некодi эз тöд, мый вöчны татшöм здукö: вөрö пышйыны да воштысьны али виччысьны... Но со тай, локтö Бурь-Ань, атаманкöд сёрнитчöма. Тшöктiс став ай ловыслы локны чукöртчан-керкаö. Важь-гортса пыр жö локталiсны. Том ныв петiс на водзö да шуис со мый:

— Зыряна войтыр! — панiс сійö сёлöмö йиджан, шызём пондаыс неуна тiралан гөлöсөн: — Дыр нин ме ола тiян пövстын, но он тöдöй тi, кодi ме сэтшöмыс лоа. Кывли, Войпельлөн нылөн менö чайтанныд, но тайö абу сiдз. Ни Войпель, ни мукöд йенмыс, кодъяслы тi кевмысянныд, абуöсь и эз вöвны некор, а эм сöмын öти Ен, кодöс роч войтыр пыдди пуктöны. Сiдзкö, кыдзи ме верма лоны Войпельлөн нылөн, абу кö сійö збыль вылас?.. Абу, ме абу Войпельлөн ныв, ме тi кодь жö морт. Дерт, тi понданныд чуймавны, шуа кö, мый миянлы оз Войпель дорö ков мунны, а кристианалөн ыджыд Ен дорö. Налөн Енмыс быдтор судзö да вермö, и Сылы эскысь мортöс некор оз энöвт. Миян вылö уськöдчисны ушкуйяс, но кори, и эз вөрзёдны миянöс. Кристианалөн ыджыд Енмыс эз лэдз ми вылын ыджыдавны. А öни вогульясыд локтöны. Эсканныд-ö тi, мый шыасянныд кö, Сійö видзас тiянöс, и олöмныд оз путкыльтчы? Мый та вылö шуанныд, вокъяс?

Важь-гортса чöv усины. Шöйöвошöм содiс Бурь-Аньөн шуöм быд кыв бöрын, а сёрни помас юалöмөн дзикöдз падмöдiс, некыдзи эз виччысьны татшöм-торсö. Войпель вöли налөн медыджыд йен, нэмысь нэмö, сійö ёрис грекö вöйöмысь и милöсьт сетлiс, а медся нин сьöкыд вöли кывны татшöм сёрнисö Бурь-Аньсянь, кодöс ставөн лыддисны Войпельлөн нылөн. Век жö öти олöма морт коркö кызöктiс да вочавидзис:

— Ог и тöдöй, мый шуны та вылö, матушка Бурь-Ань. Миян серти кö, Войпель — медся ыджыд йенмыс, а тэ шуан, быттьö сійö абу... Кыдзи кöсьян, матушка Бурь-Ань, а миянлы тайö дивö кодьөн чайтсьö. Збыль öмöй Войпельным кристианалөн Енмысь мыйöнкö омöльдзык?..

— Öмöй и тэ, матушка Бурь-Ань, роч вераö сетчан? — пондiс вöйпöдны важь-гортса юр-морт, кодi пöртiс олöмö тунлысь могъяс да та понда лыддис коланаөн быд ног дорйыны асьыныс йенъяссö. — Сiдзкö, тэ, шуан, Ыджыд Войпельлы воча мунны лысьтан?.. Öмöй позьö тадзи сёрнитны ыджыд йен йылысь? Мый тэныд Нязь-Погостса Пам шуас?..

Но тайö кывъяс бöрас сійö став тушанас мышкыртчис да ланьтiс, казялiс, мый сёрнинас вывтi ылö пырис. Синъяссö полöмпырысь дзебис, мед видзöдласнас не паныдасьны Бурь-Анькöд. Войтыр пондiсны шöпкöдчыны. Тыдалö, юр-мортлөн кывъясысь и налы лои немкö, öд быттьö ёрис налысь дорйысьсö; войтыр шöпкöдчисны сы йылысь, мый юр-морт öни эз морт моз сёрнит, аслас кывъясөн

дойдіс Бурь-Аньос, и дözмас кө, став лачаныс вошö, төлк ни лад, а сідзкө, уна шог на вермас көвъясыны налөн юр вылө.

Юр-морт шөпкөдчөмъяссө кывтөг эз ов, ас ногыс пондіс дорйысыны:

— А тэ эн дивит менө, матушка Бурь-Ань, — улөдз копыртчылөмөн корис сійö: — Аслам йөйлун понда тадзи шусис. Көнкө, тэ ми серти унджык төдан, а миянлы сөмын тэнö и кывзыны колө. Прөстит вежөртөм кывъясысь!

И бара на улөдз копыртчыліс.

Ныв рампырысь видзөдліс сы вылө. Ни скөрмөм, ни дözмөм эз төдчы чужөм вылас.

— Нинөмысь тэнö дивитнысö, юр-морт, — вочавидзис сійö. — Тэ нинөмөн абу мыжа ме водзын. Шуин, мый думайтін, тайö некутшөм абу мыж. А Пам менө ньөти оз повзбөд... — чөв олыштис мыйтакө, сәсса кыпыда висьталіс водзö: — Кывзылөй менө, шань вокъяс! Ті падъяланныд, он эскөй, мый кристианалөн Ен збыльысь вына, чайтанныд, мый Войпель бурджык сыысь, а төданныд-ö ті, кутшөм вын отсөгөн ме лөнбөді ушкуйястө, и кодлөн ним отсөгөн янөді вот перйысыястө? Ті, дерт, он төдөй тайос. Некодлы эг восьтлы ассыым лолөс, виччыси шуда кад... И öни висьтала кө тиянлы збыльсö, өмөй та бөрын он эскөй? Öд ме пыр веськыда сёрнитлі, тиянлы сөмын бур көсйылі... Öмөй абу сідз, вокъяс?

— Сідз, сідз, матушка Бурь-Ань, збыльсö висьталан! — кылісны ызгана гөлөсыя, и Бурь-Ань кокнялөм лолөн висьтасис водзö, и быдөнкөд синмасис:

— Быд пөрийö отсөг вылө корлі кристианалысь Енсö, и Сійö воліс отсөг вылө. Рөзбой ли уськөдчыліс, вот чукөртысыя ли вывтiasьлісны, либө нөшта кутшөмкө ускөттбө суліс миянөс, аслам вежөрын пыр лыддбөдлі: «Кристианалөн ыджыд мывкыда Ен, эн жö эновт миянөс! Отсав меным вештыны тайö ускөттбөсö аслам войтырлөн юр весьтысь!» — и Сійö пыр жö воліс отсөг вылө. Эг эскыв и öни ог эскы асланым йенъяслы; ни Войпель, ни мукөд йен абу, налөн сөмын пертасьяс. Войпель абу йен, сійөс миян киясөн да вежөрөн вөчөма. Видзөдлөй мыгөр вылас: өмөй сійö вермас мыйкө шуны ли вөчны? Пу пу и эм, а ловтөм пуыд өмөй мыйкө сяммас? А кристианалөн Ен — вына. Сылөн выныс помтөм. Сьөлөмнас кылө быд кевмөм да бур вөчөмөн вочавидзө. Ни лов сетөм, ни озыр козин Сійö оз виччысь, виччысьö миянсянь сөмын шань оласног да бур дела вөчөм... И унатор на эськө верми висьтавыны тиянлы, да öни кадыс абу. Вогулъяс татчө локтөны... Кывзылөй, кывзылөй менө, вокъяс. Тиян сьөлөм да вежөр дорө шыяся. Тиянөс, зыряна войтыр, синва сор кевма: өтдортчөй Войпельысь да асланыд эскөмъясысь, сійö тиянөс бырөдан туй вылө йөткас, көсйысьбөй пыртчыны кристиана вераө. Дзик збыльсö висьтала тиянлы: он кө өтдортчөй асланыд эскөмъясысь, киссяс, помөдз киссяс тиян олөмныд, а кывзанныд кө менө, кристианалөн Енмыс отсалас тиянлы лют вогулъясысь мездысыны. Көсйысьбөй кристиана вераө вуджны... а мөд ног тиянөс помтөм шог виччысьö, бырлыгтөм шог! Некор ме эг пөръясылы, ті тайос төданныд, и öни веськыда сёрнита. Öти туй миян мездысьөм вылө — кристиана вераө вуджны. Көсйысьбөй, көсйысьбөй пыртчыны, пока абу сёр... Шогыс мыш саяным сулалө... Да чу! Ю вылын гөлөсыя кылөны... пелысыяс дзуртөны! Тайö вогулъясыд воисны... Көсйысянныд-ö кристианалысь вера босьтны, кор татчө воас мөскуаса Степан? Сыын миян мездыс, сөмын сыын. Вочавидзөй... Öни жö, тани вочавидзөй меным!

И пондіс виччысыны вочакыв, öти сайысь кывзис, мый вөчсьö Эжва вылын.

Сэсянь кыліс шум, пельсыясён дзуртём, рочьяслён весьёпёртана горзём да кутшомкё вөй, увтчан нога горөдчөмъяс, мыйысь ставён, весиг Бурь-Ань, дрөгмунлісны. Важь-гортса ёнакодъ шөйөвошисны. Бурь-Ань виччысис насянь вочакыв, ачыс водзё кыв ни джын эз на шу; чөв олісны и ичөтик өшинь водзё сибөдчөм зыряна. Кодъяскө көсйисны петны керкасыс, но Бурь-Ань казяліс тайөс да шыасис став дорө:

— Көсйысянныд-ө пыртчыны кристиана вераө? Вочавидзөй, вочавидзөй меным! Эн нюжөдчөй! Вогулъяс, кылө, матынөсь нин... Көсйысьөй босьтны кристианалысь бур велөдөмсө, и налөн Енмыс доръяс тіянөс!

Зыряна пондісны ас костаныс шөпкөдчыны. Олөма войтыр вөйпөдісны томджыкъясөс, мый Бурь-Аньлы колө эскыны, он кө эскы сылы, сідзкө, помтөм шог виччысьө важь-гортсаөс и мукөд зырянасө, мый налы оз позь пыксыны Бурь-Ань водзын, сійө наысь төлкаджык и вежөрадзык, мый Войпель и збыльысь оз мезды некутшөм ускөттөысь, а ускөттөыс быдладорсянь воө, и уна на висьталісны олөмаджык войтыр, а том войтыр — найөыс вөліны унджыкөн — кывзисны да сюркнялісны том вежөраныс налысь кывъяс. И друг ставён өтвыв шыасисны:

— Мед тэ ног лоө, матушка Бурь-Ань... Босьтам кристианалысь верасө... И кристианалөн Енмыс кө мездас мянөс, доръяс вогулъясысь, вочаалам Степанөс медса дона гөсьтөс моз да и пыртчам...

Том ныв паськыда нюммуніс.

— Кутөй лача кристианалөн Ен вылө, и Сійө видзас тіянөс! Вогулъясөс лоө венөма, новгородса ушкуйяс ті дор сувтасны. Тадзи шуис Ен. Эскөй меным, вокъясө. А өні видзөдлам, мый вөчсьө Эжва ю вылас. Вогулъяс, кылө, дзык нин матынөсь, но Ен оз лэдз ми вылө уськөдчыны: ушкуйясыд найөс паныдалісны... Эн полөй, петамөй берег дорө; ставыс бура помассяс. Мунамөй, ме ті водзын лоа.

И сійө повтөг воськовтіс керкаысь да пондіс восьлавны водзын, а важь-гортса полөмпырысь вөччисны сы бөрся, көть на пиысь некоді весиг мөвпыштны эз лысьт, мый оз ков эскыны Бурь-Аньлөн кывъяслы. Мөдарө на, эскисны сылы, эскисны, мый мездыс воас Кристос вера босьтны көсйысьөм понда, но век жө кутшөмкө полөм йиджис на пытшкө, өд ушкуйяс кө вешъясны бокө, сэк вогуллы некутшөм кутөд оз ло. Вогулъясысь важь-гортса полісны биысь моз; полісны и ушкуйысь, но Бурь-Ань муніс водзын, и налы тшөтш ковмис мунны, медым эз дөзмы, а таысь найө полісны нөшта ёна, и со — сьөлөм топөдөмөн восьлалісны ныв бөрся... Сикт коли пуста, аныс да челядь водздзык нин дзебсялісны вөрө. Юладорсянь кыліс тышө пырөдчысыяслөн горзём да өружиеөн колскөм шы, и зыряна регыд аддзисны: ушкуйяс уськөдчөмаөсь вогулъяс вылө да нөйтөны найөс сэтшөм яра, кызди кужөны сөмын новгородса удал войтыр...

Отпгҕтый сетөм кыв эз вудж. Ёртъясөс кытшө чукөртөмөн дженьыда висьталіс, мый колө вөчны, тшөктіс дасьтысьны вогулъясөс паныдалөм кежлө, и, көть морта-морт видлісны артачитны, «не стоит о такую погань и рукъ марать» пө, но тайө здукас катыдладорсянь мыччысисны уна пыжөн локтысь вогулъяс, и быть ковмис босьтчыны өружиеө — татшөм вөрөг водзын бөрынтьчыны ушкуйяс абу велалөмаөсь. Атаман нейджыд котырлы тшөктіс кытшовтөмөн мунны Эжва берег пөлөн да уськөдчыны вогул шайка вылө мышладорсянныс, а мукөдыскөд дасьтысис вочаавны сэки, кор пыжъяс тшукөдчасны берегө. Сайөдсө бөрийсны

лөсьыдөс. Отпѣтый сайөдчыліс жө, и сөмын вогулъяс пондісны петны Важъ-гортлы паныда берегө, ушкуйяс велалөм киөн мөдөдісны на вылө помтөм нёв да из. Дикаръяс шөйөвошлісны татшөм видзчысьтөм паныдалөмысь; синъясыс на-лөн скөрысь югъялісны, киясыс асьныс босьтчисны кватлавны öружие. Вөя лөвтө-мөн да лөкысь горзөмөн чеччалісны найө пыжъяссыныс да уськөдчисны сэтчө, кытысь лэбисны нёвөяс да изъяс. Ушкуйяс Отпѣтый юрнуөдөм улын петісны налы воча, өтпырйөн босьтчисны мечьясө да сабляясө. Пансис воча-воча керасян тыш...

Тайө здукас Буръ-Ань кайис мыльк йылө, кытысянь позис бурджыка аддзыны тыш мунөмсө, и эз вермы кутчысьны, шызьөм лолөн босьтчис висьтавны, мый сәні вөчсьө:

— Бара морт вир! Вогулъяс чорыд сьөлөмаөсь, но и найө войтыр... И рочьяс унаөс воштасны. Кутшөм лөк, мый оз позь вир кисьттөг сёрнитчыны! Ставыс кристианалөн Ен киын...

И пондіс чожа видзөдны, мый лоө водзө.

Ушкуйяс керасьөмөн пырисны вогулъяс костө, зырисны найөс, но дикаръяс воськов эз бөрынтьчыны, асьныс пондісны зырни ушкуйяс вылө. Отпѣтый тышкасис медся водзын. Шонді улын дзирдалысь мечыс лыбавліс вылө-вылө да вынөн лэччыліс вөрөглөн юръяс вылө, жугліс вогуллысь черлыяссө. Öти бөрся мөд усялісны уль му вылө өвсьытөм рөзбойяс, но и рочлы шедаліс, и найө усялісны вөрөглөн телөяс вылө. Вогулъяс тышкасисны повтөма. Татшөм тышыд налы абу медводдзаысь, зырисны нөшта и сы понда, мый төдісны — новгородса ушкуй кодь войтыр водзын оз позь бөрынтьчыны, чегны на кодьсө позьө сөмын чорыд тышын. Вогулъяс тайөс төдісны и нинөмысь эз бөрынтьчыны, зырисны кыдзи вермисны, нөшта нин кор казялісны, мый рочыс на серти лыдаджык, — төдчөмөн чиніс ушкуйлөн лыдыс, көть вогулъяс унаөс жө воштісны...

Юладорсянь кылісны горзөм шыяс: тайө вогуллөн некымын пыж сёрмөмөн матыстчис берег дорө; дикаръяс морт кызь уськөдчисны отсөг вылө. И пондісны кыпыда горзыны: өні рочьяс серти на сайын выныс вөлі өна унджык, и повтөг сетчисны водзө...

Ушкуйяс быттө пондылісны бөрынтьчыны. Отпѣтый тайөс пыр жө казяліс да гымалан шыа гөлөсөн горөдіс:

— Не робѣй, не робѣй, братцы! Рази окаянныхъ нехристей! Сейчас подмога подоспѣетъ.

И збыль, отсөг воис. Вогул шайка мышладорсянь кылісны роч сёрниа гөлөсьяс, и морт комына котыр уськөдчис вөрөг вылө. Вогулъяс тайөс дзик нин эз виччысьны; здук-мөд кежлө найө шөйөвошлісны, падмөмыс вөлі төдчымөн. Мышладорсянь уськөдчөм йылысь найө и мөвпыштны эз кужны да некутшөм ногөн эз дасьтысьны. Кытшалөм вогулъяс падмөмөн видзөдалісны өтарө-мөдарө, сәсса пондісны котөртны валань, медем вевъявны пыжъяс дорө...

Ушкуйяс лөкаддза горөдісны:

— Доканали погань лѣсную!.. Не давай имъ ходу, братцы! Руби, коли напропалую! Изничтожай окаяннаго нехрестя! Вперёдъ неповадно будетъ!..

Отпѣтый уськөдчис валань, ёртъясыс сы бөрся — эз лэдзны вогулөс пыжъяс дорө, топөдісны кырөм берегө, көні ваис гумыльгаөн бергөдчө, быттө ставнас пуө. Вогулъяс дзикөдз шөйөвошисны: шыблалісны, мый вөлі кианыс — черьяс,

шыяс, весиг көрт паськөмсө пөрччалисны, и уськөдчалисны вермысь водзё пидзёсчань, пондисны корны мылыштөм, но рочьяс нинөм эз кывзыны, нөйтисны и нөйтисны.

Бурь-Ань мыльк вывсыань аддзис, кызди рочьяс пасьвартисны вогулөс, кызди чегисны «злыднилысь» вечиксө, и сійөс зывөктис татшөма өта-мөдөс виөмысь, но эз төд, кызди дугөдны татшөм вир кисьтөмсө. Ушкуйяс дзикөдз ярмисны, некутшөм морт вын өнi эз вермы лөньөдны найөс.

Зыряна ушкуйлөн да вогуллөн косясьөм вылө видзөдiсны страк пыр: мышьяснысө кынтылис, телөныс көсйитөг тiралис, пиньяс зяткакылисны. Налысь лөнь вежөрсө весьөпөртис тышкасьысыяслөн повтөмлуныс, юр воштыны дасьлуныс, и эз вермыны гөгөрвоны зыряна, кытысь босьтчө та мында повтөмлуныс?..

Сы коста тыш пондис ньөжйөнник кусны. Вогул котыр дзикөдз гежмалис, сөмын морт дас коли, ю берег улө топөдчөмөн найө водзсасисны на мыйта вермисны. Мукөдыс весьөпөрөмөн котралисны отарө-мөдарө либө усялисны вөрөгөн керасьөм улын, крут берегсянь уськөдчалисны юө да вөйласисны.

Отпҕтый гораа тшөктис:

— Ещө раз поналягте, братцы, на эту погань, и конець всему дҕлу будеть! За мной, за мной! Дружнҕе!..

Но друг сылөн гөлөс ори. Ыджыд мыгөра, лөзь юра вогул, кодөс Отпҕтый дась нин вөли керыштны, сяммис пескыльтчыны сылөн меч улысь, и атаманлөн морөсө сатшис ёсь пурт — воропөдзыс... Атаман шатовмунлис, өружьеа кийс лётмунлис увлань, ачыс лөкысь ымөстис да сьөкыдырысь уси лөзь юра вогул вылө, кодөс Отпҕтыйлөн өртгьясыс өти здукөн кералисны вируля яйөдз...

Бурь-Ань весьөпөрөмөн горөдчис:

— Виисны, виисны! — и котөртис тышкасянинө, медводдзаясь вунөдiс аслас войтыр йылысь, ставнас сетчис сьөлөм кылөмыслы, вежөрсө венiс Отпҕтый дорө жальлун, сы дорө, код вылө том ныв вевьялис збыльысь радейтчыны.

Ушкуйяс дзикөдз звермисны. Кор аддзисны, кызди уси налөн радейтана атаманныс, чайтисны, кувмөн доймалис. Кыкөн уськөдчисны сылысь тушасө петкөдны кытчөкө бокодзык, а мукөдыс лөк песөмөн вувзысисны ловйөн кольөм вогульяс вылө да крөшитөмөн крөшитисны ставнысө, морт ловйөн эз коль.

Атаманөс видзөдлөм бөрын Бурь-Ань казялис, мый сийө сьөкыда доймалөма, но ловья. Вирыс вөсньыдик дзольөбөн петiс пуртөн сатшкөм ранаысь да гырдемөдiс көрт паськөмсө. Бурь-Ань медводз корис пөрччөдны атаманөс, топыда көрталис дойсө; сөсся корис важь-гортсаөс, тшөктис нуны медматысса керкаас да водтөдны; уличө доя мортөс кольны эз позь, медым лөкджык оз ло.

Отпҕтый дзикөдз садьсө воштiс.

Ушкуйяс төдчымөн гажтөммисны. Öти-кө, накөд эз ло пыдди пуктана атаманныс, а мөд-кө, тайө тышас кувсьөмөн ли доймалөмөн воштiсны пөшти джын котырсө, и пондисны весиг шуасыны, мый та бөрын оз позь «зырянскихъ боковъ не прощупать», нөшта и сөки, кор атаман абу на пөвстын... Татшөм воштөмьяс бөрын пө ог жө куш киөн бергөдчөй!..

Но Бурь-Ань и танi петкөдлiс ассьыс вежөрсө: вөзйис ушкуйлы зырянасянь «ас вөляөн сетөм калым» — и лыддьөдлiс кызь сикт. Сөрнитчөм бөрын вит ушкуй да вит важь-гортса петiсны туйө, — и кык вежон мысти удал молодеच्याс Важь-гортө бөр волөмөн бергөдчисны гортаныс. Атаманөс да нөшта куим мортөс

колисны Буръ-Аньлөн дөзъөр улө, налөн дойяс вөлі абу на дзикөдз бурдөмаоьс, и кузь туйө петөм йылысь сёрни эз вермы лоны. А кувсьөм ёртъяснысө дзебисны Эжва берег дорө, гу вылас сувтөдисны сус пуысь лөсалөм ыджыд крест.

Важъ-гортсалы та бөрын ковмис сетчыны Буръ-Анькөд өти кывйө, мый кристианалөн Енмыс збыльысь вына, видзис найөс сәки, кор отсөгсө виччысьны вөлі некытысь нин.

VIII

Кор зыряна кылісны мөскуаса Степанлөн локтөм йылысь, нәмөвөйся олан ладыс пондїс дзикөдз торксьыны. Крїстос вера эз сәтшөма повзөдды, найө весиг кывлісны нин, мый рочъяслөн Енмыс Войпельысь вынаджык, мый Войпель оз вермы панласьны сыкөд, но век жө унджык войтырыс эз көйы пыртчыны выль вераө, сы понда мый сысянь «роч көрөн өвтө». Унаөн шуасисны тадзи кымын:

— Роч вераыд абу лөк, но асьныс роч йөз лөкөсь. Найө увтыртөны миянөс, коньөръясөс. А пыртчам кө, сәки нөшта өна увтыртны пондасны. Налөн сюсылуныд тырмө; дерт, и тані сюсявтөг оз овны. И пыртчам кө налөн вераө, миянөс пондасны асланыс вер туйө видзны, Мөскуаас либө Новгородө ставнымөс нуөдасны, а сәні нин и бырам ми пемыд гуын моз!.. Ог дай ог, бурджык асланым йенъяскөд овны...

Вөліны шуысьяс, мый выль вераө пыртчөм йылысь и сёрни оз вермы лоны: оз ләпты тайөс Нязь-Погостса Пам, йенъясөс өтдортөмысь ёрас сідзи, мый асьтө вунөдан. Эз өтчыд ләптыв сьөкыд кисө, медся нин Нязь-Погост гөгөрын пуксьөм сиктъяс вылө, и лөкалөм йывсьыс кывлөм бөрын Памысь тіравмөн полїсны.

Вөліны, дерт, и сәтшөмъяс, кодъяслы вөлі веськодь, кутшөм вераын овны: выляс али важас. Татшөмъясыс шулісны:

— Миянлы дзик веськодь, кутшөм йенлы копрасьны. Юр вежөмсьыд йөйджыкөн, көнкө, ог нин лөй. Роч вераө кө вуджны — вуджам дай, а ог кө, и важас бура овсяс. Көть кодарас, тшыглы кувны быдлаын өткодь...

Выль вераө вуджөм йылысь чайтысьыс вөлі лыда морт, найө, кодъяс сәтчөдз мудзөмаоьс помтөм нуждасьыс, мый весиг скөр Памысь оз нин повны: вера вежөм помысь позис на виччысьны кутшөмкө вежсьөмъяс, гашкө, весиг бурлань, — но унджыкөныс выль вера помысь аддзисны сөмын кутшөмкө ылөг, та понда Степанөс кывзїсны эскытөг. Нөшта кор и тун чукөрыс быд ног суклясис.

Найө медся өна лөкалісны. Налы, кодъяс таөдз ставсө кутїсны асланыс кыин, выль вера вөлі горшаныс лы кодь, чайтїсны асьнысө енәжа-муа костас дзик өти йитөдөн, сөмын найө вермисны юөртны йенъяслысь «вөля» да кодлы мый вайны Войпельлы козин вылө. Татшөм ногөн тунъяс яндзим төдтөг озырмөдчисны и та понда нөшта зіля видзисны важ эскөмсө — сы помысь налы овсис тыр-бура да пөтөса.

Век жө нинөм эз отсав. Выль вера зумыда восьлалїс пыр водзө и водзө. Вежөр косьтысь язычестволөн кад пондїс кольны. Зыряна эз көйыны пырны выль вераө, пока эз төдны подуvsө, но мыйөн шыасьліс вежа Степан да сылөн мыла сёрни писькөдчыліс наөдз, кывзїсны пель чошкөдөмөн, көйытөг донъялісны

важсö выльыскöд и пыр жö вежöртлисны, мый Кростос вера Войпельлы эскöм серти төлкаджык, Войпель кристианалөн Ен дорын грöш дон оз сулав.

Тадзи пондiс разавны сёрни, мый Эжва горулын пансьöма ыджыд делö — зыряна войтырöс Кростос вераö пыртöм. Унаөн эз көсйыны эскыны таö, унаөн и скöрысь шуасисны, колö пö вийны «мöскуаса смилитчысьöс», но повтöм морт сöмын воас на дiнö, сöмын босьтчас висьтавны Енлысь Кыв, ставөн раммöны, быттö ыжъяс, и лов лөнһöдöмөн кывзöны налөн кыв вылын юргысь вежа проповедь.

Мудзлыгöм проповедник йылысь юөр писькöдчис зыряна мулөн быд пельöсö, и донъялисны сылысь уджсö быд ног. Сёрнияс воисны и Нязь-Погостöдз, көнi олис Пам; дерт, сылы юөртлисны Степанлөн быд шуöм кыв и быд воськов йылысь. Но Пам мыйлакö чöv олис и некутшöм мог эз пуктыв, медем дугöдны локтöм мортлысь проповедьсö. Тöдлыгöм полöм шымыртiс сийöс, кор кылiс, мый мöскуаса морт рамсьыс рам, но Пам вежöртiс, кутшöм вын воис и мый виччысьö сийöс...

И друг Нязь-Погостö вайисны выль юөр, мыйысь Пам весьöпöрмөн нин скöрмис. Тайö юөрсö вайисны эз Эжва горулысь, а катыдладорысь. И инмистö юөрыс эз Степанлөн удж дорö, а Памлы тöдса Бурь-Ань дорö, кодi пö босьтчöма сэтшöм делö, кутшöмöс сысянь некодi эз чайт.

Öти рытö Пам пукалис Емва ю дорын, кодi визывтö стöч Нязь-Погост увтi, и юрас бергöдлiс сьöкыд мöвп. Улöдз лэччисны сылөн синкымъясыс, синъясыс скöрысь дзирдыштлисны, а вомдоръясыс шытöг мыйкö шöпкöдiсны. Сьöлöмыс лёкысь пуис, кор мöвпалiс мöскуаса морт йылысь; и кутшöмкö венны позьтöм шог кодзöдiс Памлысь ловсö Степан йылысь мöвпалiгөн, кодлөн кывйыс вöли вынаджык сы понда, мый висьтасис збыль Ен йылысь, югыд да веськыд туй вылö петкöдысь Ен йылысь, а Пам эз вермы вочавидзны сылы нинöмөн, сы понда мый сылөн йенъясыс абу и йенъяс.

— Пөгубитас менö тайö мöскуасаыс, — пиньнас винтöма ярчкигтыр зумыша мöвпалiс Пам. — Вывтi нин повтöм сийö: весиг меысь оз пов. Тыдалö, сэтшöм нин ыджыд сыын выныс, дзик öтнасөн кө мян войтыр пöвстö локны лысьтiс. Тадзи жебиник войтыр оз вöчлыны... И ме сылы абу паныд мунысь. Полöм кынтiс сьöлöмöс, ог вермы петны сылы воча, көть некодысь некор эг чегсьыв... Пөгубитас, сийö и видзöд, пөгубитас менö!

Сы дорö матыстчис зырянин, кодлөн чужöмыс вöли му рöма да вöрса звер кодь вöй. Морт уськöдчис Пам водзö:

— Олан-вылан, ыджыд Пам, — шыасис сийö да видзöдлiс пыдди пуктöм петкöдлöмөн. — А ме тэныд юөр вайи...

— Мыйся юөр? — чорыд видзöдласөн сийöс донъялöмөн дженьыда юалис Пам.

— Висьтала кө, он эскы, ыджыд Пам, мыйся деляяс вöчсьöны Эжва катыдын. Тэнад тшöктöмөн лэччылi Емва вомö, сэни адззысьли катыдысь воём войтыркöд. И со мый найö висьталiсны меным. Быттö пö на вылö неважөн уськöдчылöмаöсь новгородса ушкуйясыд, көсйöмаöсь рözöритны, да Бурь-Ань сяммöма лөнһöдны. Ачыд тöдан, кутшöм вежöра тайö аныс, и смилитöма öд юр вундысь рözбойтö шань кыв отсöгөн. А та бöрын лют вогульяс воöмаöсь, Ыджыд Перымад тай олöны. И Бурь-Ань тайö кадас вöлöма Важь-гортъ сиктын, и ушкуйяс сэни вöлöмаöсь. Чукöртöма Бурь-Аньыд важь-гортса войтырсö да шуöма налы, чайтанныд кө пö мездысьны вогульясысь, көсйысьöй роч вераö пыртчыны, и

налөн Ен доръяс тiянос. И абу пондöмаось вензьины ськöд, кöсийсьöмаось. Дерт, сийö здукас на костын сэтчос тун абу вöлöма, и некодлы лоöма паныд кыв шуны. А вогульяс матыстчöмаось нин — дась уськöдчыны, да водз радлöмаось. Ушкуйяс паныдалöмаось найос, уськöдчöмаось понъяс моз да öтиöдз ставнысö шырöмаось. Тадзи важъ-гортса войтыр, да и мукöд сиктса, лют вогулысь мездьсьöмаось. А öни на костын сёрни паськалö, быттьö татшöм ускöттöсьыс найос кристианалөн Ен видзöма. А Буръ-Ань быдлаын, кытчö оз мун, роч вера ошкö, Войпельнымос кулитö. Абу бур дела панöма сийö, ьджьд Пам, йöзсö тэ дорысь öтдортö. Унаөн нин пыртчöм вылö сетчöмаось, виччысьöны, кор мöскуаса Степан воас на дорö. Пöгиб, дзик нин пöгиб, ьджьд Пам! Медся курыд шогыс абу нин ылын — Степан пö быд лун матынджык и матынджык... Буръ-Аньсянь татшöмтор ме эг виччысь, сэтшöм шань да мывкыд ныв вöли, и со тэн! Сийос öд весиг Войпельлөн нылөн лыддьöны...

— А збыльсö-ö тэ висьталан, Сюзь? — юалис Пам да ёсь видзöдласөн вурьштитс сёрнитысьсö.

— Збыль, ставыс збыль, ьджьд Пам. Öмöй лысьта тэ водзын мöдарö сёрнитны.

— А катыдса войтырыс тэныд збыльсö жö висьталисны?

— Тыдалö, збыльсö. Абу сэтшöм-татшöм войтыр...

— Бур, — лöня шуис Пам, но скöрмöм да ярлун пондаыс морöс пытшкыс ставнас пуис. — Бу-у-ур, — нöшта öтчьд шуис сийö, но öни нин грöз тöдчöдан гөлөсөн, сөсся нöжйö чеччис. — Тайос ме ог эновт. Тадзи эновтчыны оз позь. Эжва йылö ката! И шог лоö Войпельос лёкöдысьлы!

Дзор синкымъяс улас синъясыс лёкысь дзирдыштлисны, кокнас скöрысь тапнитис, тадзи петкöдлис Буръ-Ань вылö дöзмöмсö.

...Уна кад эз ковмы, регьдөн и чукöрмисны Буръ-Ань йылысь колана юөръяс. Öни Пам гөгөрвоис, мый колö тэрмасьны, и сэтшöма шызис, мый эз мöд виччысьны асывсö, вевта ьджьд пыжөн да сынысь котырөн вой шöра войö петис Нязь-Погостысь.

Ськöд вöлины öружиеа нель том зон — Памлөн öберена. Найö мукöд зырянаысь торъялисны помтöм винёвлунөн да збойлунөн и быд здук думайтисны сöмын асланыс кесйöдлысь йылысь. Памос радейтисны айнысö моз и кыв шутөг вöчисны быд тшöктöм, кöть кутшöм нога ли ненога сийö эз вöv, — тырмымөн гөгөрвоана, найос и кутис тöд вылас Пам, кор грöзитчис, мый шог лоö Войпельос лёкöдысьлы. Пам водзын «мыжмöм» эз этша лов босьтны тайö удал зонъясыс.

Пыж бöжын пукалис Сюзь — сьöкыд здукö Пам дорö медматö сибалöм морт, а сынысьыс вöли көкъямыс морт, да сынисны сэтшöм ладу, мый пыжныс лэбач моз тьвöдис Емва вывти, быгъя туй ас бöрсяыс кольмөн тэрмасис ю вомö, а сэни нин и Эжва ю осьтас паськыд сывсö.

Гөгөрвотöм ловкылöм майшöдлис пöрысь Памос Емдін сикт улö матыстчигөн. Сылы юöртлисны нин: тані сулалö да тасянь ветлөдлөмөн пöртö ассьыс мог мöскуаса Степан. Окота вöли адзöдлыны сийос, весиг вины збоялөмсьыс, тайö мөвпсьыс Пам öзйылис, и сэк жö пытшкос полöм понда кöдзыд ньылöмва чепөсйис, кöть некор и некод водзын эз родлы. Гажтöм синъясөн видзөдис сийö Емдін сикт вылö, и падъялис: тшукöдчывны берег дорас али водзö кывтны?.. Сюзь тешкодья видзөдлис сылань да юалис:

— Береглянь сынны тшöктан, ьджьд Пам?

Пам чурмунлөмөн лэптис юрсө. Синъясыс дзирдыштлісны, но пыр жө бөр кусіны. Ачыс ставнас йөжгыльтчис да ляпкаліс. Вынтөма өвтыштіс кинас:

— Оз ков... оз ков. Бөртиджык. А өні кывтөй, да тэрмасьөмөнджык. Өдйөджык, водзлань кывтөй!

Пыж мөдөдчис водзө. Емва берег дорын сулалісны кутшөмкө морт гөгөр шуксьысь йөз, и тыдалө вөлі, мый сійө накөд мый йылысь кө сёрнитө. Памлөн туй ёртъяс видзөдлісны өта-мөд выланис: сёрнитысь мортлөн мыгөрыс вөлі өтдор, эз мун зыряна мыгөр вылө. Сюзь дзоргыштіс сыладорө да броткөмөн шуис:

— Тайө мөскуаса Степаныд... Йөз локтөмаось кывзыны сійөс... Тшөкты сувтны берег дорас да кутны морт лов смилитысьсөс, ыджыд Пам!

— Водзө, водзө... Кылөдчөй водзө! Өдйөджык! — кирган гөлөсөн тшөктіс Пам, и пока кывтісны чукөртчөм йөз весьтөд, на вылө лөгысь видзөдігтыр став тушанас тіраліс.

Памөс емдінса төдтөг эз овны. Налөн синъяс полөмпырысь кыйисны быд сыныштөм, виччысисны, мый вот-вот тшөктас бергөдны пыж нырсө да сувтны берегө, и скөр Пам петас на водзө. Но полөмыс весьшөрө вөлөма: пыж кывтіс водзө. Повтөм проповедник видзөдліс кывтысьяс вылө, и кутшөмкө здукө Памлөн да сылөн видзөдласъяс вочаасьлісны, и чайтсис шөйөвошөм Памлы, быттьө дивө кодь югыд кытш асыкалө Степанлысь юр гөгөрсө да югзьөдө став матігөгөрсө и сійөс кытшалысь йөзсө, а на весьтын, көнкө вылын-вылын, пондыліс дзирдавы да пөртмасьны сөмын Памлы тыдалана крест, — и нөшта на гөгөрвотөм полөм шымыртіс Памөс, аслыс төдлытөг лэдзис юрсө да мышкыртчис пыж пыдөслань, медым мынтөдчыны дивө кодь вержитчөмсьыс...

Кодыр бөр кыпөдіс юрсө, Емдін вөлі мыш саяныс нин, а вазьөм син водзас воссис Эжва юлөн паськыд ота ковтыс.

Эжва юөдз воөдчисны өдөба, но водзө коліс катны визыв паныд, и пыжныс пыр жө нөжмаліс, визулыс тані вөлі вывті ён, та понда сынысьяслы ковмис маллясьны мый вынысь.

Пинь пырыс Пам сөдзөдіс:

— Пөгубитас менө тайө мортыс. Кутшөмкө төдтөм вын сылөн эм... Ог вежөрт, мый понда ме повны понді. А мый водзын эськө тайө вержитчөмыс? Өмөй Степансө збыльысь енэж вывсянь индөма? И збыль өмөй кристианалөн крестыс нэм кежлө вужъясыс миян му вылө, өмөй сійө бырөдас миянсьыным эскөмнымөс? — Пам недыр кежлө думө усьлі, сәсся кабырнас другысь кучкис пыж набойө да горөдчис: — Оз, ог на сетчы ме татчөдз уськөдны! Медводз Бурь-Аньлысь вечиксө чега, а сәсся и Степан дорө кутчысьла! Некор Пам, емваса нязьяслөн йылөм, оз копырт юр кристианалөн Ен водзын!

И пыркнитіс юрнас, быттьө көсйис петкөдлыны, мый тайө дзор юрыс збыльысь некор оз сетчы копыртөм улө. Некод водзын! Весиг и кристианалөн Ен водзас...

IX

Вылыс эжваса войтырӧс чуймӧдіс и шемӧсмӧдіс ушкуй да вогул костын вир кисьтана тышыс, медся нин сійӧн, кызди лои бырӧдӧма вогульяссӧ. Ушкуйяс ӧд вермисны и мунны, вешйыны боко, зыряна эськӧ нӧти эз дивитны найӧс, а со кызди паныдалісны дикарьяссӧ, и тышкасисны сэтшӧм повтӧма да жаль тӧд-тӧг — вогульяс усисны ӧтиӧдз, кӧть рочьяс асьныс воштисны жӧ ӧртъяссӧ, а кодӧ ловйӧн коли, доймалісны ӧнакодъ. Важъ-гортса ас синмӧн аддзылісны тышсӧ, и гӧгӧрвоисны, мый видзис найӧс кристианалӧн Енмыс... Буръ-Аньӧн вӧйпӧдӧмӧн вылыс эжваса войтыр пондісны збыльыс эскыны выль вералӧн мезд ваян вынӧ, кӧть и вӧліны на сэтшӧмъяс, кодъяс весиг кывзыны эз кӧсйыны татшӧм сӧрнияссӧ. Дерт, вогульясӧс бырӧдӧм мӧрччис налӧн вежӧрӧ нӧшта и сы понда, мый татшӧмыс водзті некор эз вӧвлы, а лоис поэяна, кызди долис Буръ-Ань, сӧмын кристианалӧн Енмӧн шуӧм серти, а Буръ-Аньлы паныд мунны некодӧ некор эз лысыт: вывтӧ нин уна бурсӧ вӧчис сійӧ аслас войтырлы, уна шог сяммис вештыны налӧн юр весьтысь, и вӧлі эськӧ ыджыд грек не кывзысьны сылысь. Тайӧс ставӧн гӧгӧрвоисны.

Тайӧ кадас Эжва да Сыктыв сӧльнитчанінын сулалысь Сыктывъ-доръ сикт улӧ сувтіс пыжа, сэтысь чеччис Пам да тшӧктис чукӧртны татчӧс олысьяссӧ.

Сыктывъ-дорса шызисны. Унаӧн кылісны асьнысӧ мыжаӧн сы вӧсна, мый кывзисны Буръ-Аньӧс, кор сійӧ воліс да висьтасис роч вера йылысь, и татчӧс тун на вылӧ индытӧг оз ов. Кодъяскӧ весиг вӧрӧ воштысисны, но унджыкӧныс эз лысытны ыръянитны, кывзисны Памӧс, кын нисӧ сыв сӧлӧмӧн локталісны чукӧртчан-керкаӧ.

Стрӧг синъясӧн видзӧдліс на вылӧ Пам, сӧсся шыасис сыктывъ-дорса тун дорӧ:

— Веськыда висьтась, Маегъ, воліс-ӧ тӧянӧ Буръ-Ань?

— Воліс, ыджыд Пам! — пыдди пуктӧмӧн вочавидзис тун да уськӧдчис пидзӧс вылас.

— И тшӧкыда-ӧ вольтвліс?

— Эз вывтӧ, а коръяскӧ вӧлі. Сійӧ ӧнджыкасӧ Эжва йылын овлӧ.

— А важӧн-ӧ вӧлі бӧръяысьсӧ?

— Вит лун сысянь коли.

— И мый висьталіс тӧянлы?

— Быдтор йывсьыс сӧрнитіс, ыджыд Пам! — ловзыштис Маегъ да видзӧдлас-нас кӧповтіс сыктывъ-дорса олысьяссӧ. — Ставсӧ кывлі! Медводз юаліс, кутшӧм йен веськыдджык: миян али кристианалӧн? И ачыс та вылӧ вочавидзис, кристианалӧн Енмыс пӧ веськыд Ен, а Войпель — тунъясӧн думыштӧмтор, и найӧ пӧ, ми, сідзкӧ, ылӧдлӧны войтырсӧ. Водзӧ выль вера йывсьыс висьтасис, ок ӧна ошкис быд ногыс, корис бур сӧлӧмӧн паныдавны мӧскуаса Степантӧ да ставлы пыртчыны роч вераӧ... А миянсьыным йенъясӧс быд ног увтыртис... И шӧйӧвоштис татчӧс войтырӧс...

Пам кӧрис синкымсӧ. Синъясыс лӧгпырысь дзирдыштлісны.

— А ӧмӧй некодӧ эз и дугӧд сійӧс? Ӗмӧй некодлы лои дорйыны йенъясӧ да менсьым нимӧс? — чорзис сылӧн гӧлӧсыс, и чукӧртчӧм йӧз ставӧн дрӧгмунлісны. — Тэ, Маегъ, Войпельлӧн кесйылӧс¹, — ӧмӧй и тэ вӧсьса вомӧн кывзін сійӧс?

¹ Кесйылӧс — подчинённый.

Маегъ пондіс өвтчыны кияснас.

— Ме эг вермы кывзыны сійӧс, ыджыд Пам! Эг вермы лэптыны Войпельӧс да тэнсьыд вежа нимтӧ увтыртӧм! Шулі татчӧс олысьяслы, мед тодмышкаласны Бурь-Аньӧс, да ставӧн сы дор сувтісны. Вом паськӧдӧмӧн кывзісны сыӧн шуӧм быд кыв. Нинӧм эг вермы вӧчны...

— Дак ӧмӧй став татчӧс олысьыс роч вералань сетчис? — стрӧга юалис Пам да лӧксӧ песӧмӧн видзӧдліс чукӧртчӧм войтыр вылӧ.

— Матӧ ставӧн, ыджыд Пам. Этшаӧн вӧліны, коді эз лок кывзыны Бурь-Аньӧс. А коді кывзіс, паныд кыв морт эз шу. Лӧсьыда сёрнитіс Бурь-Ань, шор моз сьялгис гӧлӧсыс, со и сетчисны. Медся нин кӧкъямысӧн быд ногыс петкӧдлісны, мый дасьӧсь пыртчыны...

— А и кӧні сійӧ йӧзыс? — чорыда юалис Пам.

— Быттьӧ йӧз чукӧрасӧсь жӧ, ыджыд Пам. Со Лытка тані сулалӧ, со Тентюкъ, Кузь-Кокъ тані жӧ... Со Лыуръ, орччӧн Ручь, а со Сюмӧдъ... Нӧшта кыксӧ татысь ог аддзы. Кӧнкӧ, вӧрӧ пышйисны. Тэысь повзисны, ыджыд Пам!

— Водзӧ воськовтӧй! — индӧмаяслы тшӧктіс Пам, и кор мыгчысисны да уськӧдчисны сы водзӧ пидзӧсьяс выланьыс, Пам чӧвтліс сэтшӧм видзӧдлас, найӧс весиг кынтыліс. Полӧмпырысь лэптисны копыртлӧм юръяссӧ да видзӧдлісны Пам вылӧ, и зумыш да блед вӧлі сылӧн чужӧмыс. Татшӧм чужӧмӧн оз бурасьлыны, татшӧм чужӧмӧн лов босьтлӧны.

Ставӧн лӧнисны. Пам лэптис кисӧ налӧн юръяс весьтӧ.

— Ті, зыряна войтыр, вунӧдінныд асьыныд Войпельтӧ, дугдінныд сылы эскыны, менӧ, менсьым нимӧс ӧтдортінныд. Таысь виччысьӧ... сьмерт! Вины тіянӧс тшӧкта ме! Тадзи индӧ ыджыд Войпель... Но водзджык юавны кӧсья: мыйӧн мевйӧдліс тіянӧс Бурь-Ань? Мый бурсӧ кӧсйисис? Мый понда шуинныд вуджны мӧд вераӧ?.. Висьтасьӧй жӧ, вочавидзӧй меным!

Памсянь татшӧм кывъяс кылӧм бӧрын вина индӧм йӧз пондісны тіравны. Кыв вежӧм вылӧ некутшӧм лача эз коль: абу сэтшӧм войтыр лыдысь Пам, кодъяс кыв вежлӧны, да нӧшта сылы паныд мунысьясӧс медым прӧститіс. Вежсьӧм гӧлӧсӧн найӧ вочавидзисны:

— Эз мевйӧдлы миянӧс Бурь-Ань... Кристианалӧн Ен важъ-гортсаӧс вогулысь видзӧма, тадзи висьталіс Бурь-Ань, а сылы эскыны позьӧ. Ми и эским...

— Оз позь таӧ эскыны! — найӧс торкӧмӧн горӧдіс Пам. — Ыджыд Войпель кристианалӧн Енмысь вынаджык! Бурь-Ань ылӧдліс. И вузалас тіянӧс роч нязьяслы, сійӧ мӧскуаса Степанкӧд ӧтвыв... Эсканныд-ӧ менам кывъяслы, зыряна войтыр?

Тайӧ юалӧмыс инмис нин сыктывъ-дорсалы ставлы, и чукӧртчӧм войтыр ӧтвылысь горӧдісны:

— Эскам, эскам, ыджыд Пам! Эскам тэнад кывъяслы! Ылӧдліс миянӧс Бурь-Ань... Прӧстит вежӧртӧм кутюясӧ!

И ставӧн пласът водісны Пам кок улӧ.

Сыктывъ-дорса тун мыйкӧ шӧпкӧдіс ыджыд Памлы пеляс, и мӧдыс бара шыасис:

— Тӧда, ставӧн кывзінныд Бурь-Аньӧс, некоді паныда кыв эз шу, да тіянӧс прӧститны позьӧ на, либӧ эн шулӧй ті, мый колӧ мӧд вераӧ пыртчыны. А тайӧясӧс — и Пам индіс Лытка, Тентюкъ да мукӧд вылӧ — прӧститны оз позь. Найӧ

дась вуджны сэтчө, найö шуисны, мый колö вуджны, найö лысьтисны шуны, мый миян йенъясысь төлк абу... И таысь найöс лоö виöма. Вескыд-ö менам шуöмыс, войтыр?

— Вескыд, вескыд! — шызисны войтыр.

И ньöжйöник чеччис аслас пукаланінысь Пам да матыстчис чукöртчан-керка мöдар пельöсын сулалысь Войпель дорö.

— О, Біджыд Йән! — кияссö паскөдöмөн гораа шыасис сійö: — Видзöдлы ме вылö, тэнсьыд кесйöдлөмтö олөмö пöртысь вылö, да отсав весавны зыряналысь му пеж вераысь! Тэнад мылыштöмөн ола ме и тэнад вежа ним понда зіля! О, Біджыд Йән Войпель, мыччыв меным вына китö, отсав лоны вежөрлы мудерөн¹ да ылö водзö аддзысьсөн, медым верми сувтны роч вирлы, медся нин мöскуаса Степанлы, паныд да дорйыны вежа эскöмнымöс! О, Біджыд Войпель, отсав таын меным! Кыз синва сорөн кевма!

И уськөдчис Войпель водзö.

Пидзöсьяс вылö лэдзчысьмөн чөв олісны зыряна, виччысисны, кор помъялас кевмысьöмсö пöрысь Пам. Мыждöмаяс вöліны кулöма нисьö ловъяöсь: налысь олан туйсö донъялöма, коли сöмын виччысьны пом. Мыжыс налөн эз вöв сэтшöм ыджыд, сöмын шуисны Бурь-Ань водзын, мый вуджны мөд вераö позьö, сы вöсна мый важсьыс ыджыд төлк абу, но Памлөн видзöдлас серти тайö лои вештыны позьтöм мыжөн, и колö чорыда мыждыны, медым мукöдлы пöваднö эз ло. Но кöть кутшöм шудтöм олөм олісны зыряна, татшöм ногөн кувны некоді эз кöсйы, морт олöмыс сы вылö и эм, медым овны.

Памлөн кевмыссис. Маегъ отсаліс сылы сувтны кок йылö. Зыряна лов лөнөдöмөн виччысисны, мый лоö водзö.

— Ті, — мыждöмаяслань бергöдчис сійö: — Мыжминныд ыджыд Войпель водзын и öні воштанныд юртö! Тадзи шуис Войпель. А ті, — Пам бергöдчис мукöдланьыс чужöмөн: — Мый чöжинныд, сэтысь юканныд Войпельлы пай да ваянныд козин. Ті тшöтш мыжминныд сы водзын и ме водзын, кöть мыжныд тiян абу сэтшöм ыджыд, и ме сійöс ті пыдди вешта. Но водзö вылö видзчысьöй, эн кывзöй Бурь-Ань кодь смилитчысьясöс, тодмышкалöмөн вöтлöй сэтшöмъяссö ас дорсьыныд. Сэтшöмъясыс пөгубитасны тiянöс. Сэтшöмъясыс тöдласны на менсьым ёрöм, а кывзысьясö — нöшта чорыда мыжда. Видзчысьöй менам чорыдлунысь... Шогöдас Войпельлы паныд мунысьясöс! Шогöдас меным паныд мунысьясöс! Некутшöм личöд мед оз виччысьны! Кылінныд-ö менö, войтыр?

— Кылім, кылім! — став тушанас тіралігтыр шыасисны зыряна. — Бурь-Аньлөн весиг кок пöлыс оз тувчы ми шөрö! Ог сетчöй роч вераö!

Пам лэптис вескыд кисö, и ставөн лөнисны. Кын чужöмөн индіс мыждöмаяс вылö да юөртис:

— Со найö, со — Войпельöс вузалысьяс! Ме тшöкта найöс вины. Öні, пыр жö. Эй, слугаяс! Босьтöй тайöясöс да вöйтöй Эжва юö. Мед ставөн тöдöны, мый виччысьö ыджыд Войпельлы да меным паныд мунысьясöс!

Памлөн слугаяс уськөдчисны сылөн мыш сайысь, Лыткалысь да мукöдлысь кияссö бертовтисны, топыда кöртавлісны. Коньбөръяс пондісны лөвтны:

— Мылышты, ыджыд Пам! Эн тшöкты вöйтны миянöс Эжва юö!.. Ог пондöй Бурь-Аньöс кывзыны!.. Ог пондöй выль вераö пыртчыны!.. Мылышты, эн ви!.. Жалитышт миянöс, шог пыкысьясöс!

¹ Мудер — тані: мудрый.

— Оз ло тiяны некутшом мылыштом! — налань бергөдчывтөг пидисянь ышловзис Пам, и ланьтисны мыждомаяс, гөгөрвоисны, мый весьшөрө, сөмын Кузь-Кокъ, том арлыда, сөстөм видзөдласа зырянин, кыпөдiс гөлөссө, но эз мылыштөм кор, а вөйпөдiс:

— Сьолөм местаад тэнад из, ыджыд Пам! Мөскуаса Степанлы воча петны он лысьт, миян вылын куражитчан! Вир юысь тэ! Роч тиуньясысь да вот перйысь-ясысь нинөмөн абу бурджык: найө көть кык пөвста кучик кульоны, да некодос оз вины ни оз вөйтны!.. Эз ылөдлы Бурь-Ань, веськыда шуис, кристианалөн Енмыс мылыштө, а Войпель збыльысь абу. Некутшөма эз Войпель мыжды миянөс, тэнад лөк песөмыд ин оз аддзы... Тэнө асьтө ёра, и Войпельтө өти сайысь! Бур йөзсө увтыртысьяс тi! Збыль, сьолөмсянь эскыны пондi Бурь-Аньлы да кристианалөн Енлы... да и тэныд ковмас эскыны! Регыд... Со тэныд менам бөрья кыв!

Пам некыдзи эз эскы, мый кылө татшөмтор. Кузь-Кокълөн збойлуныс сылы чайтсис сэтшөм вынаөн, мый весиг шөйөвошплiс — збыль-ө сы водзын сыктывь-дорса олысь, а абу кыськө воөм морт.

Ярлунсыс гөрдөдөм чужөма Кузь-Кокъ повтөг видзөдiс сы вылө, а мукөдыс чөв кывзисны, и Пам гөгөрвоис, мый тадзи лэдзны оз позь, колө өнi жө дугөдны. Сийө дойдөм звер моз чеччыштлис да уськөдчис сёрнитысь вылө:

— Некодянь татшөм өбида эг терпитлы, — равөстiс сийө не аслас гөлөсөн да өти слугалөн кыысь кватитiс чер: — Медся нин тэсянь ог терпит! Аслам киөн керала, сэки и видзөдлам, видзас-ө тэнө абутөм Енмыд!..

Пам өвтыштчис чернас, но кузь шушуныс крукассис Войпель бөлбан улө лөсьөдөм падөсө; падөсыс шатовмунис, рыжмөм подйис кратшмунлис, и бөлбан грымакылөмөн пөри да усигмозыс вынысь кучкис ярмөм Памлы мышкас.

Таысь Пам быттьө палялис. Чер вильснитiс сьлөн кабырысь... Зыряна ставөн өтвылысь ымөстiсны. Бөлбанлөн юрыс торъялис туша бердсыс да тутiс ылө бокө. Тайө серпассө аддзылөм бөрын быдторсыс полысь зыряна весьөпөрлисны, эз вежөртны, мый водзын лой татшөм дивөыс. Öтнас Кузь-Кокъ кыпыда серөктiс...

— Мый нө тi? — горөдiс Пам аслас отсасысьяслы. — Вөчөй, мый тiяны тшөктөма! Ог көйы пежөсьтны ки тайө йен өтдортысь пондаыс (юрнас индiс Кузь-Кокъ вылө), нуөдөй да вөйтөй Эжва ю шөрас. Ставнысө! Некутшөм мылыштөм налы оз ло...

Памлөн слугаяс кватитiсны квайт ёртөс сойборд улөдыс да веськөдчисны петан өдзөслань...

Пам шыясис чукөртчөм йөз дорө:

— Öнi кывзөй менө, вөйтыр. Ёна дөзмөдөмныд Войпельтө: оз көйы тi водзын сулавны. Аддзанныд... Таысь тi мыжаыс! Пыр жө вайөй козиньяс, гашкө, мылыштас на. Сьолөмсянь кевмигтыр вөзйысьла сы дорө, медым бөр бергөдас ассыс югыд мыгөрсө. Öнi ставөн муной гортаныд да вайөй кык ур куөн пайысь, да нөшта быдөнсянь руч ку мед вөли. Чайта, тайө ыджыд йенмөс бурөдөм вылө лоө тырмымөн. Муной, ме тани виччысьны понда.

Зыряна юр тупкөдтөг сьорсьөн-бөрсьөн петисны чукөртчан-керкаысь. Пам вөляникысь нюммунис: бөлбанлысь усьөм татчөс олысьяс вылө көвьявны кужис...

И коть кутшом эскытом воли сылон шуомыс, Пам кутис лача: морт оз понды падъявны, мый тадзи и эм.

Сыктывь-дорса збыльыс эскисны. Ота-модсө панийомон найо восьлалисны асланыс керкаяслань, медым регыдджык портны олөмө Памлыс тшөктөмсө... Но тайо здукас юладорсянь кылис горзөм, и Памос видзыс нель морт пондисны котортны чукортчан-керкалань.

Сыктывь-дорса сувтовкерисны. Памлон войтыр борся юладорсянь пондисны воччыны оружиеа йоз, морт дас вит, паськом сертиыс ко видзодны — роч войтыр, а на водзын восьлалис дора шушуна, дзор тошка морт.

...Тайо воли москуаса ыджыд нязьлон тиун, кодi ветлома Эжва катыдө, медым чукортны вот. Они петома бор туйо и шуома кежавны Сыктывь-дорө, медым аддзысьлыны татчос юр-морткод, кодкод тодмасьомыс лоома водзджык нин.

Мыждом войтыр дорө матыстчөмөн толмач пыр тиун юалис: кодi лооны и мыйыс да кодi найос тадзи кортавлис? И кор модыс гогөрвоодис зыряналыс висьталомсө, тиун тшөктис пыр жө корсьны да вайодны сыктывь-дорса юр-мортос и скорыс городчис сы выло:

— Ты что, старшина, смотришь на беззаконие этакое? Развѣ подобаетъ такъ — невинныхъ людей въ рѣкѣ топить? Какой надъ вами начальникъ этот Пама? Вы всѣ люди нашему князю подначальные, и не можетъ вашъ Пама ни казнить, ни миловать васъ! Одинъ князь московскій — владыка вашъ! Одна власть его надъ вами суцая, а Паму вы можете въ шею прогнать... Какую ахинею онъ выдумалъ: за одно слово противъ Войпеля въ рѣкѣ топить! Такъ знайте же вы, люди зырянскіе, ни Пама, ни самъ Войпель запретить вамъ перемѣнить вѣру не могутъ. На это воля-вольная каждого. Вѣстимо, у насъ нѣтъ обычая такого, какъ у нѣмчиновъ: силкомъ въ свою вѣру крестить, но увѣщать словами мы можемъ и совѣтуемъ ересь вашу бросить. На это и инокъ Стефанъ пошелъ, — дай Богъ ему преуспѣть въ дѣлѣ добромъ! А Пама... Да гдѣ онъ теперь у васъ? Ведите меня к нему, сивобородому! Покажу я ему, какъ невинныхъ людей въ рѣкѣ топить! Укажите мнѣ, гдѣ онъ?

И кор индисны, кытон дзебсясьо Пам, скорысла гордодом тиун веськодчис чукортчан-керкалань, но дивөйд выло сийос татыс эз аддзы: порыс кутш водзвыв вежортис, мый роч йозсянь бурсө виччысьны нем да аслас кесйылөскөд тэрмасьомон петис сиктыс, лэчис берег дорө, пуксис пыжө да некодон казавлы-тог усьысис, пока татчос войтыр вом паськодөмон кывзисны тиунос.

Сыктывь-дорсалон сьолөмъяс личалыштисны... Пам рочьясыс пышйис, Войпельлыс жугалом болбансө весиг энөвтис, и та понда зыряна нөшта ена думө усины: збыль-ө сэтшөм вына Войпель, кор порыс тун эз лысыт сувтны рочьяслы паныд, и збыль-ө Памлон эм воля пудьясьны морт олөмон, кор найо роч нязьлон войтыр? И уна быдсяма думсө на бергодлисны дикмом юраныс.

А Войпельлы паныд мунөмыс мыждылом да рочьясон мездом йоз тайо здуксяньыс лоины Памлон медся лют вөрөгьясон, и сетисны кыв, мый некор оз лэдзны сийос Сыктывь-дорө, думыштас ко быттьо бергодчыны бор.

Татшөм виччысьтома помассис корко вына да вывти выло пуксьыс Памлон волөмыс.

Фёдор Конев

Фёдор Егорович Конев, сценарист, писатель. Уроженец коми села Мужы Тюменской области. В 1960-е годы работал на Сыктывкарской студии телевидения. В настоящее время живёт в г. Минске.

Член Союза кинематографистов РБ, член объединённого Союза писателей России и Беларуси.

Зыряне

Роман

Опасный жених

Часть первая

Глава 1

По рассказам старой Маньки, которая была его повивальной бабкой, Прокопий родился в белую ночь с открытыми глазами, Манька разрешила ножницами пуповину, сполоснула ребёнка тёплой водой над деревянным корытом и закутала в шкуру молодого оленка, хотя роженица на этот случай припасла фабричные пелёнки. Мальчик не плакал, как все новорожденные, а пристально смотрел на женщину, тогда ещё не такую седую и страшную, и на лице его изобразилась мука. Ей приходилось принимать детей и прежде, но этот случай старуха вспоминала до последних дней и всё говорила, как ей стало не по себе, когда чёрные глаза мальчика стали голубеть, а с лица сошло страдание. И так уж Маньке тогда неладно стало, что она вышла на улицу и только там успокоилась.

Бабушка мальчика Лукерья умерла рано от какой-то странной болезни. Она часто кричала, будто её черти разрывали изнутри. Старая Манька говорила, что бедную женщину погубила порча. Старуха слышала, что такие случаи бывали в старину. Видимо, старая Манька подумала и о том, что порча может передаваться по наследству. Уж очень странно, по её мнению, появился на свет её внук.

Мать Прокопия звали Ульяной. До материнства она была довольно живая, подвижная и смешливая девушка, очень работающая, из тех существ, что без дела не могут сидеть, а постоянно хлопочут, забываются недолгим сном, и снова суетятся, крутятся, неутомимо чего-то ладят.

Неизвестно было, от кого понесла семнадцати лет девушка, которая никуда последние годы не ездила, а женихов по всей округе не было, одни медведи шастали по тайге. Правда, водился по слухам лешак в лесу... Но мало ли что болтают!

Эта неизвестность больше всего заинтересовала отца Ульяны, деда Прокопия. Это был пришлый человек. Он появился в стойбище в самом начале пятидесятых годов. Никто в стойбище не сомневался, что он человек беглый, о таких людях ходило много слухов. Осевший оленевод Ефимка сам видел в тундре длинные постройки за колючей проволокой. Он с оленьим стадом каслал мимо и всё запомнил. Он говорил, что в тех бараках по слухам живут плохие люди, поэтому весь посёлок окружён колючей проволокой, по углам стоят вышки и на них дежурят солдаты с автоматами. Ефимка даже видел, как этих людей вели колонной куда-то, может, на работу, тогда через тундру строилась железная дорога. Они были похожи на стадо оленей, потому что за ними шли конвоиры, как пастухи, и лаяли собаки, которых держали на поводках, потому что эти псы были очень злые в отличие от брехливых, но не кусачих лаек.

Поселяне пришлого человека выдавать милиции не стали, он был очень измучен и чуть не помер, а когда женщины выходили доходягу, им стало жалко его. Он оказался очень добрым, безобидным и работающим. К тому же он оказался своим, то есть тоже коми-зырянского рода. А разве своих выдают!

Этим беглым человеком был Матвей Мезенцев.

Всё у него могло сложиться иначе, ходил бы в профессорах, жил бы в достатке, судьба для этого ему только разве ковровую дорожку не постелила. Но вот надо ж было ему с молодых лет увлечься поиском истины, что не всегда приводит к добру.

Родился он в городе Сыктывкаре в тридцатом году прошлого столетия. Был выходцем из пролетарской среды — сын техника лесозавода и разнорабочей того же предприятия. В анкетах этому анкетному данному в те времена придавали большое значение. Мальчик смог окончить школу и поступить в институт без всяких проволочек. К тому же Матвей оказался смышлёным и старательным, в институте на него обратил внимание один из преподавателей. Этот человек занимался историей коми народа, его мифологией, его духовным развитием, имел научные публикации, был ещё достаточно молод и многие надежды питал, будучи одержим наукой, иначе и не скажешь. Матвей стал его лучшим учеником.

В своей дипломной работе студент Мезенцев написал об огромном значении миссионерских стараний Стефана Пермского. По словам дипломника выходило, что принятие христианства для коми было важнейшим, судьбоносным событием. Коми край стал частью Великого княжества Московского, а духовная жизнь народа вошла в надлежащее русло общечеловеческого развития.

За неделю до защиты дипломной работы арестовали учителя, обвинив его не то в национализме, не то в шпионской деятельности в пользу Англии. Замели ещё несколько человек из института для полной профилактики. И, конечно, любимого ученика не могли оставить в стороне. На допросах все просили объяснить, почему дипломник столь большое значение придаёт какому-то попу и

ни слова не говорит о спасительной роли Октябрьской революции в судьбе народа. Тогда было принято трубить о том, что большевики спасли северные народы от вымирания. Матвею так не казалось, потому и не писал.

Отбывать «заслуженный» срок Матвея отправили за Урал, в Лабытнанги. Так назывался небольшой посёлок, окружённый лагерями, находился он недалеко от Оби. Туда довели ветку воркутинской железной дороги. А по ту сторону Оби продолжалась прокладка дороги в сторону Енисея. Потом её забросили. Но пока ещё требовалось много леса. А вокруг же одна тундра. Матвей попал в команду заключённых, которую забросили на барже в верховья реки Сыни, где предстояло валить сосны и сбивать плоты, чтобы сплавать потом строительный лес по большой воде до самых Лабытнанги.

На лесозаготовке Матвей Мезенцев впервые увидел Уральские горы. Когда готовил дипломную работу, то читал в архивах о том, что часть его народа не приняла христианства и ушла в сторону Урала. Он даже мечтал со временем организовать научную экспедицию, пройти по следам предков. Его мечта сбылась — он оказался рядом с теми горами.

Казалось, они близко. Молодой зэк часто вечерами сидел у общего костра. Но слушать разговоры сотоварищей, чаще всего — глухую грызню, униженные всегда пытаются унизить себе же подобных — Матвею надоедало, он отходил в сторону и садился на поваленное дерево. Тайгу окутывал тяжёлый сумрак, а солнце ещё освещало снежные вершины гор, и они сверкали так радостно, будто там был рай. Всю зиму Матвей с товарищами валил лес, всю зиму он видел недалёкие, казалось бы, горы, но до них было добрых полсотни вёрст полного бездорожья. Когда стала приближаться весна, и кончились лютые морозы, в душе Матвея всё сильнее стала пробуждаться мечта. Вершины гор так призывно сверкали, словно до Матвея тянулись от них живые лучи, запутывали душу и притягивали к себе.

Охрана оказалась не такой лютой, как в самом лагере, её и меньше было, да и понимала она, что зэкам бежать некуда, никто не пройдёт через тайгу до воли, скорее всего — достанется волкам. Но Матвея горы тянули с такой силой, что в одну лунную апрельскую ночь, когда все крепко спали, он скоренько собрался, да и пошёл в сторону гор. Он даже не осознавал, что это побег, просто не мог иначе поступить. Днём на солнце снег отсырел, а ночью морозец прихватил его ледком. Шагать по насту было легко, и главное — следов не оставалось.

На третьи сутки истощённый Матвей вышел на кручу, с которой увидел долину с жёлтыми ядовитыми на вид дымами и догадался, что перед ним незамерзающие болота, через которые ему не пройти. Каторжная работа на лесозаготовке высосала его силы, он был худ и слаб настолько, что не решился идти дальше. Он смотрел на горы и впервые плакал. Он и в детстве не был нюней, а тут не сдержался.

Несколько успокоившись, Матвей заметил засечку на стволе сосны. Такие метки делают охотники на память. Он стал вглядываться и заметил вторую в шагах десяти. Но они вели в сторону от Урала. Но другого пути не было, и он по этим затёсам вышел к стойбищу, в котором обитало всего несколько человек. Его поначалу приняли настороженно, но вскоре привыкли.

Стойбище состояло из трёх юрт, в ту пору жили в них четыре женщины и три старика. Кто помоложе был, уехали, куда глаза глядят, из этой замшелой глуши. До этого стойбища летом на лодке не добраться, река быстра и порожиста, разве зимой на оленях, которым любые снега — не помеха. Но никому на всём свете не

было нужды до обитателей юрт. Если же самим понадобится дела в селе справить, так они знают дороги через тайгу, прогуляться труда не составит. Хотя до ближнего жилья далеко, тридцать вёрст, а то и больше.

Прижатое к реке тайгой стойбище находилось на высоком берегу, на холме, юрты не теснились, расположились вольно, и при них были лабазы, амбары на столбах, как избушки на курьих ножках.

Юрты представляли собой деревянные срубы, крытые тёсом, с одним узким, в толщину бревна, окошком, продушиной. Внутри никаких перегородок не имелось. Не было и потолка. У стены с окошком стоял низкий столик и при нём две скамейки высоты детского стульчика. В углу неподалёку от двери, снаружи обитой оленьими шкурами, находился глиняный чувал, дым от огня которого расползался по юрте и стоял плотным облаком в метре от пола, так что в рост не подняться, и обитатели ходили, пригнувшись, а больше полулежали на шкурах, что были разбросаны вдоль стены и служили постелью. Оленью шкуру, кстати, так и называли — постель.

Люди работали на колхоз, то есть состояли на учёте, но к ним начальство заглядывало исключительно редко. Чего оно там не видело? Пушнину и рыбу мужики привозили в посёлок, что стоял ниже по реке, и сдавали там, взамен получая зарубки на ивовых палочках, означавшие трудодни. По числу этих мет раз в году правление колхоза выделяло муки, соли, сахара, но денег на это стойбище никогда не оставалось.

Когда в стойбище приехал какой-то самый маленький начальник и сообщил, что умер Сталин и надо плакать, Матвей прятался в лесу. С отъездом гостя он вернулся и никак не мог понять, почему все хнычут. Ему объяснили — почему. Он им сказал, что не надо обливаться слезами, это был очень плохой человек. И все перестали плакать. На самом-то деле им совсем и не хотелось хлюпать носами, но они боялись начальства, вдруг прознают, что не горевали.

Помаленьку Матвей привыкал к жизни посельчан, и сильно помогло в этом то обстоятельство, что ему очень понравилась Прасковья, девушка с беличьими раскосыми глазами.

Но вскоре он уехал на упряжке оленей, ни с кем не попрощавшись. Люди на него даже не обиделись, сам пришёл, сам ушёл. Только всегда смешливая Прасковья даже улыбаться перестала. Она прятала лицо в платок и всё время скучала. Его не было больше года. А через год с небольшим он вернулся и всем показал новенький паспорт. Жители стойбища тогда ещё представления не имели о паспортах, они были колхозниками. Оказалось, что эта маленькая книжица была очень важной, она говорила о том, что в своё время человека осудили напрасно и теперь он полностью оправдан.

— Тогда зачем вернулся? — спросили его люди стойбища.

— Я отвык от того, как там живут, — ответил он с улыбкой.

Ему не поверили и снова спросили, зачем он вернулся.

— Мне очень нравится одна девушка, — признался он.

— Так бы и говорил! — облегчённо вздохнули собеседники. — Теперь мы понимаем тебя.

В стойбище была только одна девушка, да три старухи. Гадать не привелось. Вот Прасковье и сказали:

— Будешь его женой. А мы поможем поставить вам юрту. А может, даже избу с печкой. Только у нас нет печника. И кирпичей тоже нет.

Девушка засмеялась от счастья.

Матвей Мезенцев похоронил жену Прасковью, когда дочка выросла до пятнадцатилетнего возраста. До этого он на зиму увозил её в посёлок в интернат, а после семилетки Уля безвыездно жила в стойбище, подолгу пропадая в тайге, которая и обувала, и кормила, как заботливая мать. Отец научил её тому, чему сам научился, — ставить и проверять капканы, бить из ружья уток и ловить рыбу.

Потом девочка с мальчишескими повадками превратилась в завидную невесту. И вот как-то уже под осень женщины стали замечать, что походка Ульяны изменилась, стала она не такой порывистой, часто садилась и подолгу сидела бездельно, чего прежде не случалось, при этом лицо её было задумчивым и даже каким-то испуганным. Манька зავала девушку в свою юрту, тут же прибежали две другие женщины и все трое стали расспрашивать девушку, от кого она понесла. Грешным делом они подумали на своих мужей, хотя те уже были старыми и особой прыти не проявляли в отношении жён. Но Ульяна всеми возможными клятвами заверила женщин, что мужики стойбища ни при чём, что они с ней состоят в родстве, и на такой грех она никогда не пошла бы, но и назвать виновника не может, потому что не знает, кто он и как его зовут.

— Хоть с виду какой? — допытывались бабы, раздраемые любопытством. — Поселковый, может?

Но девушка только плакала и ничего не могла объяснить. А потом, скорее всего для того, чтобы отделаться от женщин, стала говорить, что всё случилось во сне, что она уснула под большим кедром и очень долго спала.

— Мог леший быть, — предположила Манька, но не при Ульяне, а только после того, как та ушла в свою юрту. — Больше некому.

И впрямь места были отдалённые, глухие...

Левый приток Оби, называемый Сыней, сбегает с Уральских гор и поначалу устремляется на юг, но где-то посредине пути одумывается и поворачивает в сторону океана, так что изгибается дугой, исток его находится на более северной широте, чем устье. Сыня растянулась на добрых четыреста километров, но всего на её берегу стоят три деревушки и те с немногочисленным населением. Стойбище, в котором родился Прокопий, находится выше этих поселений, у самых истоков реки, где леса сохранились в первозданном состоянии.

Для женщин стойбища удивительным показалось то, что отец Ульяны обрадовался беременности дочери и как-то даже весь приободрился. Матвей Мезенцев все годы много бродил по тайге, пропадал на недели, и как признавался, ходил в горы. Что он там искал? Охотиться можно было и ближе, в тайге тогда дичи хватало, с пустыми руками разве последний шалопай приходил.

Однажды вернулся счастливым и стал рассказывать дочери, что в горах видел человеческие следы. Чему тут радоваться особенно? Но он своё твердил, что там никого не должно быть, а на снегу — следы. Дочь догадалась, что он по той же причине так сильно оживился, узнав, что дочь понесла неизвестно от кого.

— Ты же видела его, — допытывался он. — Как он выглядел?

Дочь смущалась и прятала лицо в платок.

— Не скрывай от меня ничего, — просил отец. — Я ведь тебя не осуждаю,

доченька. Я догадываюсь, кто он. Ты только подтверди мою догадку.

Но Ульяна или на самом деле не знала, или приказано было молчать, но даже отцу не открылась, и странно это было. Только назвала место, где случилось с ней беспамятство, где якобы уснула под старым и могучим кедром, что стоит на высоком берегу реки.

— Не может того быть, — мягко упрекал отец, — чтобы ничего не помнила.
— Сон видела, — твердила она, — сон.

Но сама-то хорошо помнила, как обнимал её очень сильный и молодой мужчина, как ей было хорошо, потому что он был добрый, ласковый, от него пахло лесом, и было очень щекотно от его бороды.

— Это был сон, — сказала Ульяна. — Потом проснулась. Я долго спала. Очень долго.

И Матвей перестал допытывать дочь, а сам про себя решил, что зятем его стал один из тех, что живут отрешённо от мира. Он с юности мечтал о встрече с ними. Но теперь не мог пойти в сторону гор, как бы того ни хотелось ему, потому что надо было поставить на ноги внука.

До школьного возраста, — учиться начал в девять лет, — Прокопий рос в мальчишеском одиночестве. У него не было друзей, он даже представления не имел о детских играх. Как только поднялся на ноги, стал ходить с матерью в тайгу, потом уже чуть подрос и промышлял самостоятельно. Лес для него стал привычным местом обитания, как для зверей. Он чувствовал в чащобах себя так же уверенно, как городской мальчик в благоустроенной квартире. Он даже не представлял, что можно заблудиться, этого просто-напросто случиться не могло с ним.

Много места в жизни занимала река, которая шумно бежала по каменистому руслу, но были на ней тихие заводи, омуты, где вода медленно кружила, была глубокой, и там водились жирные омули. Недалеко находилось озеро, это же были предгорья Урала, и там водились хариусы. С весны прилетало много уток.

Кроме леса, реки и озера ещё было небо, его присутствие Прокопий всегда чувствовал, потому что чудно было видеть восход солнца и его закат, сияние звёзд и сполохи. Небо тоже было живым, как река, как деревья, как звери, как он сам, Прокопий. Но вокруг себя он видел не только жизнь, но и смерть. Умирили даже лиственницы, самые, казалось бы, живучие деревья, они падали, цепляясь ветвями за равнодушных соседей, и гнили на земле, зарастая мхом. Заряд дробы пробивал тело утки, и она падала на лету. Прокопий поднимал её с земли и смотрел на остывающие глаза. Он думал о том, что птица только что летела, стремилась куда-то, а уже мёртвая в его руке и ей никуда не хочется спешить. «Что же такое смерть? — задавался он вопросом и сам себе отвечал: — Жизнь — это когда чего-то хочется, а смерть — это когда уже ничего не хочется».

В природе он видел, как вылупливаются из яиц утята, как волчица кормит свой выводок, как из корней вырубленной берёзы поднимается новый росток. А в стойбище никто не рождался, только умирали. Сперва одна юрта опустела, потом вторая. Прокопий ещё вчера говорил со стариком Семёном, а сегодня тот лежал на оленьих шкурах, вытянувшись во весь рост, и губы его были сомкнуты. Он сохранил человеческий облик, но это уже был не человек. Прокопий хотел понять — почему? Как это произошло? Если руку Семёна кольнуть иголкой, то ему не будет больно. Значит, смерть — это когда человеку совсем не больно.

Но как она получается? Где она у человека прячется — смерть? А если приходит, то откуда? И какое слабое место находит у человека? На охоте Прокопий всегда старался попасть в голову зверя или утки. Это уж точно — наповал.

Ульяна пугалась сына, когда он часами сидел над очередным покойником, — раньше умерли мужчины стойбища, бабы оказались живучей, — и о чём-то сосредоточенно думал. А он хотел понять, куда стреляет смерть. И он догадался.

Если дед Семён вчера говорил, а сегодня молчит, то потому только, что слова перестали рождаться. А слова рождаются в голове, это Прокопий по себе знал. Значит, то, что в голове — мозг, и есть уязвимое место. Смерть — это когда мозг перестаёт работать.

Не могло интересовать Прокопия и то, откуда сам-то появился. Если рано понял, что такое смерть, то о своём появлении на свет долго находился в неведении. Он знал, что для рождения детёныша нужна не только самка, но и самец. Кто же был истоком его, Прокопия. Мать упрямо повторяла, что не знает.

— Но был же у меня отец? — допытывался семилетний Прокопий.

— Может, и не был, — вяло отвечала Ульяна.

— А как я мог без отца появиться?

— Ен послал мне на радость, — улыбалась мать.

— Я слышал про Ена. Это Бог. Он не мог послать.

— Тебе-то откуда знать! — сердилась мать. — Чего пристал? Родился и живи.

Но он не хотел жить, не зная, кто его отец. Не получив ответа от матери, Прокопий обращался к деду. Матвей Мезенцев обнимал внука, думал о чём-то и говорил:

— И я б хотел знать.

Тогда Прокопий стал приставать с расспросами к Маньке. Та закрывала глаза и сидела молча, давая знать, что не собирается разговаривать. Но однажды она не спрятала свои глаза в морщины, а уставилась на Прокопия. Он молча ждал. Прошло много времени. Старуха всё смотрела на подростка. А потом сказала:

— Он придёт за тобой.

И больше ничего не объяснила, а Прокопию эти слова запали в самое сердце, и он уже после никогда не забывал, что отец придёт за ним.

На восьмом году жизни Прокопий пошёл в школу, которая находилась в Ошгорте, жил в интернате. Учительницей его стала Ираида Захаровна. Он был крупным мальчиком для своих лет, можно было дать все пятнадцать. Мальчишки побаивались его, не задевали, а девчонки наоборот держались ближе, зная, что добрый силач Прокопий не потерпит, чтобы их обижали.

Так прошло две зимы. Ираида Захаровна была очень довольна своим учеником и с удовольствием говорила коллегам, что мальчик на удивление способный, всё схватывает на лету и очень трудолюбив, пока не сделает все домашние уроки, не выйдет на улицу. Когда выпадал досужий час, Прокопий вставал на лыжи и бежал в тайгу. Там ему было очень хорошо, даже лучше, чем среди людей.

Но в конце учебного года, где-то за неделю до летних каникул, Прокопий заболел. В посёлке фельдшерица ничего определить не могла, и повезли в районную больницу. А там врачи вообще перепугались и на вертолёте отправили в Салехард, в окружную поликлинику. После долгих и разных консультаций медики пришли к выводу, что у него обострение шизофрении, которую излечить невозможно.

Да и что ещё могли подумать врачи, если больной разговаривал с бабушкой Прасковьей, которая давно умерла, кричал на злых духов, якобы нападавших на него, и плакал над куском мяса, прося прощения у оленя. Больной ел только хлеб и пил воду, отчего худел, всё больше и больше теряя жизненные силы. Больничное начальство решило отправить мальчика домой, чтобы лишняя смерть не легла в отчётность.

До Ошгорта Прокопия сопровождала даже медицинская сестра, а дальше ехать не было никакой оказии. И пришлось Прокопия устроить в покойчике медпункта, где стояли три кровати, и он провалялся до осени, до крепких заморозков.

Вёл он себя не буйно, даже слишком смирно, при появлении кого бы ни было отворачивался к стене и не отвечал на вопросы. Но иногда посреди ночи начинал кричать и гонять духов, отмахиваясь от них руками.

— И ты уйди, бабушка Прасковья! — просил он со слезами и начинал хныкать. — Зачем ты опять пришла? Не надо, не подходи! Мне холодно.

Сердобольная Ираида Захаровна сильно переживала за мальчика, но с медиками не поспоришь, да и сама видела — мальчишка так исхудал, что не узнать прежнего крепыша, одни кости да жёлтая кожа. Осенью его всё-таки отвезли на оленях по застывшим болотам до стойбища.

Увидев сына, Ульяна заплакала. Что-то она сразу поняла, и слёзы полились по её щекам, на лице застыла печаль, а рот она прикрыла уголком головного платка. Ей помогли уложить мальчика на шкуры возле стены, как раз на том месте, где когда-то молча хворала бабушка Прасковья. Из тайги вернулся Матвей. Он долго сидел рядом с внуком. Лицо его сильно осунулось за это время.

— Так болеют редкие дети, — сказал дочери Матвей наедине. — Если не умирают, становятся шаманами.

Когда-то от матери Ульяна слышала, что прадед её был шаманом, и его расстреляли из-за этого, а теперь вот и пришла очередь Прокопию страдать. Шаманский дар может оказаться не по силам мальчику, и тогда он его изведёт, как Прасковью. Ульяна не могла потерять единственного сына, но она не знала, как помочь больному, и в стойбище никто не мог помочь. Она лечила мальчика отварами трав, ягодными соками и в какой-то степени укрепила слабеющую плоть Прокопия. Мальчишка уже мог держать в руках нож и вытачивать всякую всячину. Его фигурки зверей и птиц даже забрали в школьный музей.

Но Ульяну пугали приступы, похожие на полное помешательство, которые хоть в неделю раз, да находили на сына. Тогда он выкрикивал какие-то незнакомые из чужого языка слова, боролся с духами, которые якобы кружили вокруг, и хватался за голову со стоном, словно там метались ветры. Глаза при этом были открытыми, но не видели ничего.

— Это я! — кричала Ульяна. — Твоя мама!

Но Прокопий не слышал и не понимал. Однако Ульяна и Матвей не отчаивались, а продолжали ходить за мальчиком. Правда, не знали, как лечат от такой болезни. На второй год, когда Ульяна уже сильно устала душой, ей пришлось в голову обратиться к тому, кто на один раз стал её мужем. Но где и как его найти?

Ульяна обладала крепким природным умом, да к тому же с малых лет училась у самой великой вразумительницы — природы, так что сложила одно к другому и пришла к выводу, что отец Прокопия находится недалеко где-то, не в чужой

заморской стране, а в той самой тайге, в которой она сама охотится. Девочкой ей приходилось слышать легенду о том, что в глухих лесах прячутся какие-то люди. Да и отец об этом знал, хотя не любил говорить вслух.

Она же видела, что отец всё время что-то записывал в толстую тетрадь. Она даже тайком заглядывала в записи, но почерк отца оказался таким мелким, да ещё он, видимо, нарочно старался карябать неразборчиво, так что слова не разобрать было. Она и спрашивала отца, что он пишет. Отец не скрывал правды, но и не раскрывал до конца. Мол, про таёжный быт. О природе, мол.

А когда в лесу обнаружил следы и там, где не должны были они быть, то какое-то время не находил покоя, казался оживлённым и даже бормотал:

— Они это, они.

— Кто они? — спросила Ульяна.

Он смутился, потому что раньше её не заметил.

— Да это я так, — повёл рукой. — Придумываю разную ерунду.

Однажды Ульяна снова сунула свой любопытный нос в отцову тетрадь и, как прежде, не разобрала написанного, но заметила, что довольно часто повторялись два слова, которые были всё время рядом и которые девушка всё-таки прочитала — «Зарни Ань». Это по-зырянски, а по-русски означало — Золотая Баба. Кто не слышал о ней в этих краях? Разве глухой.

Старики говорили, что ту Золотую Бабу берегут от жадных людей и безбожного начальства особые хранители. Один из этих стражей и был, вероятно, её мужем, ласковые слова шептал и обещал не оставить в беде. Не так уж она крепко спала, чтобы тех слов не слышать. Да и сон ли это был? Не сладкое ли забытье?

Когда старая Манька осмотрела больного Прокопия и сказала, что недолго осталось мучиться парнишке, Ульяна не примирилась с судьбой. Тайком от отца, чтобы не помешал, усадила сына в сани и потащила в летнюю ночь по траве до одинокого кедра. Там она устроила пышное ложе из мха, уложила Прокопия и сама легла рядом. Наступила ночь, и Ульяна уснула. Когда же открыла глаза утром, то Прокопия рядом не оказалось. Опытной охотнице удалось обнаружить чуть приметные следы ног рослого человека. «Он не захотел меня будить, — горестно думала Ульяна, — а сына забрал. И может быть, навсегда».

Она понимала, что Прокопий всё равно умер бы, и лучше не знать ничего о нём, а верить, что выздоровеет и когда-нибудь вернётся к матери живым.

Прошла зима, очень суровая в том году, с долгими морозами и с большими снегами. Огонь в чувале не потухал, ночью приходилось подниматься и подбрасывать дров. И дров этих уходило так много, что не хватало уже и сил заготовливать, рубить и волоочь из тайги на санках, да оледенелые чурки горели плохо, чадили и шипели, оттаивая.

К тому же Матвей стал всё чаще жаловаться на ноги. Когда-то в лагере сильно простудил их. Теперь это дало себя знать. Он боялся, что совсем обезножеет и будет обузой дочери, а ей и так трудно приходится. Но Ульяна успокаивала отца, что придёт весна, потеплеет и болезнь отойдёт. А там смотришь, и Прокопий вернётся здоровый и весёлый.

Глава 2

А с Прокопием вот что случилось. Что-то он очень долго спал, может, с месяц, а потом вдруг проснулся и ясно увидел каменные стены и своды. Это была небольшая пещера, похожая на берлогу. В ней было тепло. Углядев бородатого человека, Прокопий не испугался, словно сразу же и узнал. Бородатый был очень добрым, глаза его глядели на подростка мягко, не скрывая любви, так на него смотрела мать. Поначалу Прокопий только догадывался, а потом бородатый ледярь сам открылся в разговоре, что и впрямь отец мальчика.

По сравнению с Прокопием это был огромный человек, но двигался ловко и легко, голос его оказался густым, басовитым. Его светлые волосы волнами спадали на плечи, а борода лопатой прикрывала грудь. Обветренное коричневое лицо казалось вырезанным из толстой сосновой коры. Он помог надеть малицу, поднял на руки Прокопия, как пушинку, вынес на улицу через длинный узковатый ход и усадил на тёплое согретое солнцем каменное сиденье в нише, в безветрии. Ниже покоились белые облака, занимая всё пространство до горизонта. «Я оказался на небе», — спокойно подумал Прокопий.

— Ты Бог? — осмелился и спросил однажды Прокопий. — Мама говорила, что меня подарил ей Бог.

— Нет, я человек, — ответил бородач мягким голосом.

— Тогда почему не забрал к себе маму?

— Мне нельзя. Я служу Зарни Ань.

— Она кто, твоя жена?

— Нет, она богиня.

— Ты служишь богине и тебе нельзя жениться?

— Да, это так.

И он рассказал, что при богине Зарни Ань находятся десять человек. Все они зовутся хранителями. Он же старший над всеми, он главный тун, то есть главный волхв и зовут его Харла.

— Теперь я тоже буду служить богине? — спросил Прокопий.

— Я мечтал, что будешь рядом со мной. Но у тебя другая доля.

— Почему?

Недалеко под ногами густо клубились облака. Прокопий сидел на скальном выступе, смотрел вниз. Облака напоминали снежную сугробистую равнину. И он думал о том, что под ними лежит земля, тайга стелется по земле, реки бегут среди тайги. Прокопий не знал, что отец выводил его на улицу только тогда, когда горы окутывали облака. Он почему-то не хотел, чтобы Прокопий видел, что внизу.

Здоровье уже наладилось настолько, что подросток стал забывать о болезни. Ему думалось и даже снились сны о таёжных тропах, о большом озере, вода которой была тёмной от глубины, о быстрой речке, на берегу которой стояли юрты. В одной из них он когда-то жил, и там осталась мать. Он думал о ней и представлял, как она топит чувал, как варит в котле жаркое, как выходит на улицу и смотрит в сторону тайги. Он догадывался, что мать ждёт его.

— Ты скучаешь по матери? — спросил отец.

Неожиданный вопрос застал Прокопия врасплох, он задумался и не сразу ответил:

— Не знаю.

— Как этого можно не знать?!

— Я думал о ней. Об озере думал. О речке думал.

— А сердце щемило, когда ты думал о маме? — улыбнулся отец и прижал руку к левой стороне груди.

Повторив его жест, Прокопий прислушался к себе. Под его ладонью билось сердце. Он чувствовал только эти удары и больше ничего. Он впервые догадался, что сердце с момента болезни не давало о себе знать. Обижался ли прежде, радовался ли — обо всём говорило сердце, там становилось хорошо или больно. А теперь там было пусто.

— Значит, я не ошибаюсь, — сказал отец, уставившись вдаль. — Ты будешь жить умом. Не сердцем.

— Почему?

— Такая твоя доля.

— У меня порча? Мама говорила — бабка Прасковья умерла от порчи.

— Ты не умрёшь.

— Но у меня порча?

— Можно и так сказать.

— А ещё как?

— А ещё? У тебя дар. Ты шаман.

— Поэтому я не могу служить твоей богине?

— Да. Ей служат те, у кого доброе и жалостливое сердце. Ты готов умереть за людей?

— Зачем?

— Если этим можно спасти других?

— Пусть они себя спасают, а я — себя. Разве не так?

— Так считают те, кто живёт умом, а не сердцем.

— А ты готов умереть за людей?

— Да, я готов, — просто и непритворно ответил отец.

— Тогда я хочу быть, как ты.

— Природа не спрашивает никого, как ей поступать, создала волком — вой, сотворила шаманом, терпи.

— Не хочу быть шаманом!

— Уже ничего не поправить, — сказал отец. — Но ты о другом подумай.

И Харла стал говорить о том, как много лет назад случилась большая беда в этих краях, и весь его род погиб. Какая беда, отец не стал пояснять. Он признался, что хотел продлить род. Этого ему нельзя было делать, потому что нарушал обет, но зато теперь у него есть сын. Правда, Прокопий уродился другим, в роду были все светловолосые и голубоглазые. Однако осталась надежда, возможно, единственная.

— Пройдёт немного лет. Меньше, чем пальцев на одной руке. И ты женишься. Надо, чтобы твой сын родился...

— Я понял. Похожим на тебя? Разве так бывает?

— Всё зависит от той, кто тебе родит.

— А как я узнаю, что она та?

— Невесту найдёшь в посёлке. Помнишь свою учительницу?

— Помню.

— У неё растёт дочь. Она должна родить тебе сына. Я хочу, чтобы так было.

— Откуда ты знаешь о дочери учительницы?

— Мы бываем среди людей, но всегда уходим. Ты запомнил мои слова?

Утром Прокопий проснулся под священным кедром, где оставила его мать. Он открыл глаза и понял, что оказался на земле, на которой жил прежде. Рядом оказались следы оленьих копыт и полозьев. Отец вечером напоил его чаем из трав. Теперь Прокопий всё понял и стал смотреть на небо. Он так долго глядел, что глаза стали слезиться. Всё ждал какого-то знака с высоты. Потом перестал ждать, а поднялся и пошёл домой. Прокопий подошёл к стойбищу ранним утром, когда люди ещё спали, прошёл в юрту и приподнявшей от подушки голову Ульяне сказал:

— Я вернулся, мать.

Голос у него был бодрим, на ногах он стоял уверенно, не было и синюшной худобы. Но лицо его потеряло прежнюю мальчишескую припухлость и округлость, стало худосочным, словно кожу туго натянули прямо на кости. Что-то новое появилось и во взгляде, смолистые глаза смотрели, редко смаргивая, и казались пронзительными, словно у коршуна, который с великой высоты увидит мышь.

Со своей постели поднялся Матвей.

— Я вернулся, дед, — сказал ему Прокопий.

— Кто он? — спросил тихим голосом Матвей и пояснил: — У кого ты был...

Он был рад видеть внука живым и невредимым, но это не помешало ему, прежде всего, подумать о том, кто вылечил. Значит, и в самом деле есть потаённо живущие люди, о встрече с которыми он мечтал с юных лет. И Прокопий рассказал об отце, который служит Зарни Ань, то есть Золотой бабе.

С того дня и так малоразговорчивый Матвей стал ещё более молчалив и постоянно задумчив, а как-то завёл с дочерью решительный разговор. Говорил о том, что она теперь не одна, ей будет помогать сын, а ему надо спешить, пока ноги носят, а то поздно будет. Колени на самом деле сильно стали досаждают. Но дочь и слышать не хотела об уходе, заявила, что никуда от себя не отпустит больного отца.

Но однажды ночью Матвей Мезенцев всё-таки ушёл в тайгу, прихватив толстую записную тетрадь, которую завёл, как поселился в стойбище. Ульяна почему-то сразу решила, что он пошёл к священному кедру, и по каким-то ей понятным признакам убедилась, что он там побывал. С высокой кручи Ульяна долго смотрела на долину, над которой желтели дымными столбами болотные испарения. Можно ли пройти через эту преисподнюю? И она подумала о том, что сама никогда бы не решилась, не в человеческих это силах.

Не вернулся отец и на третий, и на седьмой день. Но несколько раз приходил к стойбищу медведь. Что ему надо было? Собаки надрывались в лае, но косолапый не очень-то боялся их. Покружит на опушке и уйдёт обратно в тайгу. Ульяна не решилась пристрелить зверя, хотя большого труда это не составило бы, но та же самая Манька сказала, что Матвей мог обратиться в медведя, и что такие случаи в старину бывали.

Прокопий видел, как мать убивается из-за пропавшего отца, а сам не чувствовал в сердце никакой смуты. К отсутствию деда он быстро привык, почти сразу же. Отец говорил, что Прокопий стал шаманом, что в нём поселились недобрые силы, потому он не может быть хранителем. Но Прокопий представления не имел о шаманстве. Ни бубна, ни ритуальной одежды от деда и прадеда не осталось.

Пытался вылечить ногу собаке, но ничего у него не получилось. Ночью призывал духов, но никто к нему не явился. Как-то в тайге долго призывал небеса, чтобы дождь прекратился. Но из этого камлания тоже ничего не вышло. Какой он шаман?

Но после одного случая Прокопий к удивлению своему убедился, в чём его дар. Жизнь его протекала в постоянных трудах — надо было промышлять зверя, ловить рыбу, бить дичь, заготавливать дрова на зиму, вывозить из леса, пилить, да ещё ходить за олешками. Он наткнулся на отколовшихся от какого-то стада самца и пяти важенок, которых пасли теперь две его лайки. По весне маленькое стадо обещало нарасти приплодом.

Сразу по возвращению домой Прокопий стал сдавать пушнину, а охотником оказался удачливым и тем заинтересовал предприимчивого Ивана Комова. Вот с этим-то человеком и произошёл случай, который заставил Прокопия задуматься о пользе своего дара.

Иван Комов был ушлым мужичком, в рот палец не клади, откусит и не признается. Сам невысокого роста, худощавый, лицо вытянутое, как лисья мордочка, а серые глаза откровенно говорят, что совесть — обуза лишняя. В силу своего изворотливого и хваткого характера Иван Комов очень даже выгодно устроился в райцентре — заведовал приёмом пушнины. И вроде бы дело это должно быть государственным, но его контора каким-то чудесным образом хоть и находилась под опекой исполкома, но была частной. Проще говоря, был он тем самым посредником, которых завелось в одно время тьма тьмуцая.

Вот в его-то руки и попался Прокопий. Иван Комов сразу смекнул, что имеет дело с выгодным человеком — шкурки сдаёт отменного качества и помногу. К тому же, как скумекал Иван, ничего в рынке не смыслит. Прокопию наличные деньги особенно не нужны были, в тайге супермаркетов нет, что закупил в райцентре — муку, сахар, сладости, — то и отвёз матери. А денег зарабатывал куда как больше, чем мог зараз потратить. Иван и стал брать те суммы на хранение, в присутствии Прокопия клал в сейф.

А деньги в то время обесценивались каждый день, через месяц сотня — труха. Приезжает, скажем, Прокопий, спустя полгода, просит из сейфа достать. Иван на голубом глазу выдаёт ровно столько, сколько положил, а сам уже успел эти деньги прокрутить в банке. Прокопий идёт в магазин, требует товар, а ему выдают в десять раз меньше, чем раньше. И объясняют — деньги подешевели.

— Почему? — спросил Прокопий благодетеля.

— Я тут причём! — воскликнул Иван Комов. — Инфляция! Будь она неладна...

Что такое инфляция, Прокопий не знал и знать не хотел. Но он желал приобрести, скажем, на сто рублей столько же, сколько купил на ту же сумму полгода назад. Иван стал объяснять на пальцах, что происходит в государстве, когда от власти ушли коммунисты. Иван Комов был радёшенек, что Прокопий так внимательно слушает, даже взгляда не отводит, но вдруг почувствовал головокружение.

Стояли на крутом бережку как раз над омутом. Тут сойм впадал в реку. И потянуло Комова в тёмную глубину. Так и прыгнул бы головой вниз, да ухитрился упасть на землю. Стоит на четвереньках и крутит головой, будто ему обухом по голове заехали. Поднял глаза и встретил сумрачный взгляд Прокопия, направленный на него. Дошло, видимо, до шустрого умом Ивана Комова, что это

Прокопий мутит ему голову. О местных шаманах наслышан был.

— Я тебе крепкими деньгами платить стану, — жалобно обещал Комов, — не деревянными. Тебе хорошо будет.

Тут же с него и сошло наваждение. Вскочил Иван на свои резвые ноги и вырвал из кармана доллары:

— Крепче не бывает.

С тех пор Прокопий уважал только эти зелёные деньги, их меняли хорошо, одну бумажку выложишь, а отсчитают целую кучу. Прокопий давно мог уже построить хоромы, мебели закупить, ковры повесить на стены, радиоприёмник поставить в красном углу, но матери нравилось в своей юрте, а он боялся от непривычной обстановки облениться и потерять природный нюх охотника. По причине своей нетребовательности Прокопий был довольно денежным человеком. К тому же Иван Комов, прокручивая их в банке, брал себе из процентов самый мизер, как говорил — на табачок. Так что Прокопий с каждым днём становился всё более богатым женихом, но об этом мало кто догадывался, а сам он не придавал значения деньгам.

У него были другие заботы, не забывались слова отца о дочери учительницы. И Прокопий торопил время, чтобы наконец-то можно будет жениться. Но время ему не подчинялось, проходило своей чередой. Людей в стойбище становилось всё меньше. Были три охотника, остались двое, а затем только один — Прокопий. Настало такое время, когда в стойбище стали жить всего три человека.

Старая Манька ещё могла говорить, и память пока не помутилась от старости. Но старуха уже не выходила на улицу, её кормила Ульяна.

— Она скоро уйдёт к предкам, — сказала как-то Ульяна сыну.

Тот к этому известию отнёсся спокойно, как относился ко всему. Мать заметила, что после болезни Прокопий сильно изменился. Прежде его лицо менялось в зависимости от настроения, как у всякого живого человека. Теперь на нём было одно выражение — покоя. Прокопий никогда и ничему не удивлялся. Его ничто не могло рассмешить. Он не мог чем-то огорчиться. И у матери возникло такое подозрение, что сын ничего не чувствует, он только всё понимает.

— Пора уже, — ответил Прокопий на слова матери о том, что Манька умирает.

Минуту он сидел, глядя под ноги, потом торопливо поднялся и вышел из юрты. Ульяна последовала за ним. Он ходко двинулся к юрте старой Маньки, порывисто открыл дверь и перешагнул порог. Когда Ульяна подросла, то увидела сына, который приподнял невесомую старуху за плечи и подложил под её спину большую пуховую подушку. Теперь Манька, прежде лежавшая пластом, полусидела. Она попросила холодного чая. Прокопий поднёс кружку к её иссохшим губам. Она сделала несколько глотков.

— Ты можешь говорить? — спросил Прокопий.

Старуха кивнула.

— Память ещё при тебе?

Манька снова кивнула.

— Когда-нибудь слышала о людях, которые живут в горах?

— О них нельзя говорить.

— Кто тебе это сказал?

— Мой отец.

— Он их встречал?

— Старики видели.

— Что это за люди, как ты думаешь?

Старуха закрыла глаза и сказала слабым голосом:

— Никому не говори о них. Так советовали старики. Нельзя о них знать.

Мать тоже ничего не знала о людях, которые живут в тайге и охраняют Зарни Ань, иначе — Золотую Бабу. Она только могла повторять, что у деда Прокопия была тетрадь, вся исписанная неразборчивым почерком, и там встречались эти два слова. Больше она ничего не знала. А Прокопий помнил слова отца: «Мы приходим к людям, но всегда уходим». Вроде так он сказал — мы. Значит, не один.

Прошло ещё несколько дней. Однажды Ульяна встретила Прокопия у порога юрты и повела к старой Маньке. Та мучительно умирала, но была ещё в сознании.

— Помоги умереть, — попросила старуха. — Я устала от боли.

— Ты чего это, бабка? — удивился Прокопий.

— Ты можешь, — сердито сказала старуха.

Жалости не было к старухе, Прокопий понимал, что пришёл её срок. Он думал о том, что смерть могла бы прибрать старую Маньку тихо, незаметно, во сне, но захотела покуражиться, показать себя, какая она злыдня, и попугать Ульяну с Прокопием. Надо было что-то делать.

Старая Манька прожила долгий век. Кроме своего стойбища и селений-то не видела, знала только тех людей, что рядом жили. Мужу родила двух сыновей, старшего растерзал медведь, а второй умер своей смертью, но рано. У него остановилось сердце, он много пил. Потом помер муж, хороший был человек, ни разу на неё руку не поднял, даже по пьяному куражу, и всегда за столом лучший кусок оленины ей уступал. Век свой прожила она в трудах, а добра после неё никакого не осталось, истёртые циновки разве да залежалые олени шкуры.

Прокопий помнил случай с Комовым, но не хотел брать смерть этой женщины на себя. Ещё три дня мучилась бедная Манька. Старуха кричала на всё пустое стойбище, и в ночи её вопли были зловещи. Однажды Прокопий проснулся от шороха. Была белая ночь, и он увидел мать, которая прошла к двери и долго отворяла, стараясь не скрипнуть. В эту ночь особенно истошно вопила старая Манька. И вдруг умолкла. Стало совсем тихо. Через несколько минут вернулась мать и легла в углу, где всегда спала на шкурах. Прокопий прикинулся спящим. Но утром он первым делом пошёл в юрту Маньки. На голове мёртвой старухи лежала большая пуховая подушка. Мать даже не убрала, должно быть, испугалась своего поступка и убежала. Прокопий обернулся на шаги. В дверях остановилась Ульяна. Сын и мать смотрели друг на друга, и всё им было ясно.

— Будем хоронить, — сказал Прокопий.

Они похоронили Маньку на старом кладбище, что было на версту ниже по реке, и остались одни в стойбище.

После ухода в другой мир старой Маньки мать стала печальной. Прокопий уходил в тайгу, она оставалась одна в стойбище. Когда Прокопий возвращался, она оживлялась на короткое время, но сыну не о чём и некогда было говорить с ней, занят был вечно, и Ульяна снова углублялась в свою тоску, сидела в углу на циновках и что-нибудь чинила из обуви или одежды.

На её лице блуждала странная улыбка, зыбкая и неуверенная, как лёгкая рябь на воде. Прокопий с недавних пор стал замечать это выражение лица матери,

и его оно беспокоило. Она находилась в забытьи, в мечте. Прокопий, продолжая работу, поглядывал на мать и думал о том, что она ещё совсем не старая и что в этом возрасте женщине нужен муж.

— В посёлке Николай есть,— сказал Прокопий матери.— Детей нет. Жены нет. Юрты нет. Живёт у брата. У того — семья. Николай брату не нужен. Он никому не нужен. Рыбу поймает, съест. Так и живёт.

— Жалко человека.

— У нас стоят юрты. Никто не живёт в них. Пусть приедет.

— Зачем?

— Женится на тебе.

— Ты хороший. Жалеешь мать. Я думала, ты не жалеешь.

— Я позову, он переедет. Там он никому не нужен.

— Не зови. У меня муж... Он придёт.

Прокопий повесил сушиться сеть и пошёл на берег реки. Там был невысокий обрыв, на краю которого Прокопий любил сидеть, свесив ноги. Внизу стремительно бежала вода, извиваясь между гладкими валунами, то разделяясь на отдельные потоки, то снова сливаясь. Если долго смотреть на бурный поток, начинает кружиться голова и почему-то тянет вниз. Хочется соскользнуть с обрыва, чтобы вода подхватила и понесла. Из этих ощущений Прокопий сделал вывод, что не только жизнь, но и смерть обитает в мозгу. Только она спит, как зимой медведь в берлоге. Когда она просыпается, человек оказывается в её власти, потому что она сильнее жизни. Способность же его, Прокопия, заключается в том, что он может в чужом мозгу разбудить смерть.

Он смотрел на бегущую воду, и голова его кружилась. Вот что, видимо, происходит с матерью, у неё заблудились мысли, они запутались, поэтому она потеряла здравый житейский смысл. Она могла идти на берег за водой и остановиться посреди короткой дороги, совершенно забыв, куда шла. Потом стала забывать, как называются простейшие вещи, например, спички или стол.

Вернувшись назад, Прокопий застал мать всё в той же позе, она сидела на пороге юрты и смотрела усталыми глазами в сторону Урала. Должно быть, даже не заметила, что сын уходил и вернулся. Прокопий сел на толстую чурку около кострища и уставился на мать. Он хотел понять, что творилось в голове матери. Прокопий всё должен был определять точно и конкретно, даже малой неясности не терпел.

— Не умирай,— сказал матери Прокопий.

Она очнулась от забытья, посмотрела на сына.

— Одному плохо будет,— сказала она.— Тебе жениться надо.

— Одному плохо,— согласился Прокопий.

— Привези жену.

— Надо ехать в посёлок.

— Поезжай.

— И ты со мной.

— Зачем я нужна?

— Невесту посмотришь.

— У тебя есть невеста? Или ещё не выбрал?

— Выбрал. Покажу тебе.

На самом деле Прокопий хитрил. Он хотел повести мать в медпункт, там

работает толстая тётка в белом халате. Если она не вылечит мать, то Прокопий повезёт в райцентр. А там большая больница, и много умных врачей.

— Я не поеду,— сказала Ульяна.

Уговаривать человека бесполезно, когда помутился ум. Прокопий при первой же возможности запряг в упряжку четырёх оленей, чтобы легче им было тащить по земле нарты, и поехал в посёлок. Он хотел в медпункте попросить лекарство, которое помогло бы матери успокоиться. Оленей оставил в лесу, на белой от ягеля поляне, а последнюю версту прошёл пешком, неся на плече полмешка вяленой рыбы в подарок медичке.

Посёлок составляли небольшие избы с подворьями, которые стояли вразброс без всякой улицы. Ещё советских времён постройки добротная школа выделялась среди них, как может отличаться городская женщина среди селянок. Она была построена не из кругляка, а привозного бруса и единственная сидела под шиферной крышей. Крайнюю угловую комнату с отдельным входом занимал медпункт. Туда и двинулся Прокопий.

Молоденькие девушки, должно быть, старшеклассницы, мыли окна, заляпаные побелкой. Школа готовилась к сентябрю, уже завершался август. Миновав калитку, Прокопий остановился, заглядевшись на двух девочек в коротких платьях, которые снаружи вытирали тряпками открытые створки окна. Они заметили застывшего с глуповатой улыбкой на лице Прокопия.

— Чего уставился? — спросила одна.

Это была дочь учительницы, о которой говорил отец. Прокопий знал её ещё девчушкой, когда ходила в первый класс. Была она небольшого роста, плотненькая, под кофточкой уже угадывались острые грудки. Но главное — у неё были светлые волосы и голубые глаза.

Из дверей школы вышла учительница Ираида Захаровна. Прокопий виделся с ней после болезни, поэтому она сразу узнала.

— Здравствуй, Прокопий! — сказала она, заслонив ладонью глаза от солнца.

Светловолосая девчонка хмуро и настороженно смотрела на Прокопия. Ираида Захаровна подошла к ней и обняла за плечи.

— Это моя дочь,— сказала она.— Зовут Анна.

— Я знаю,— продолжал улыбаться Прокопий.— Врача надо. Мать болеет.

— Мать болеет, а он лыбится,— насмешливо проговорила Анна.

— Уехала медичка,— сказала Ираида Захаровна.— За лекарствами в райцентр. Нынче утром.

Прокопий перестал улыбаться и опустил голову.

— Как ты, Прокопий? — ласково спросила Ираида Захаровна.— Как живёшь?

— Хорошо живу.

— Мать болеет, а ему хорошо,— хмуро сказала Анна, в голосе прозвучали нотки враждебности.

Прокопий поднял на неё взгляд.

— Анна! — чуть повысила голос Ираида Захаровна.— Перестань. Этот мальчик подавал большие надежды. У меня такого способного ученика и не было из местных. Потом заболел... Прошу, не груби.

— Ещё совсем глупая,— мягко сказал Прокопий Анне и перевёл взгляд на Ираиду Захаровну.— Немного подожду.

— А потом? — с вызовом спросила Анна.

— Жениться будем.

— Надежды он подавал! — фыркнула девушка и вскинула голову. — Дурак!

Порывисто повернулась и пошла к подруге. Что-то сказала той, обе рассмеялись.

— Совсем ещё глупая, — миролюбиво вздохнул Прокопий.

С укором глядя на него, Ираида Захаровна покачала головой.

— Она ещё ребёнок, — сказала учительница. — Совсем не умеешь разговаривать с девушками. Мне так жаль, что бросил школу. Тебе сколько теперь? Должно быть, восемнадцать.

— Ещё нет.

— Переехал бы в посёлок. Позанималась бы с тобой.

— Зачем?

— Тебе нравится быть малограмотным?

— Я не малограмотный.

— А какой ты?

Прокопий опустил мешок с рыбой к ногам Ираиды Семёновны.

— Я умный, — сказал Прокопий и кивнул на мешок. — Пусть Анка ест рыбу. Тоже умная будет.

После этих слов он повернулся и пошёл прямо в лес, никуда не сворачивая и не сбиваясь с направления. Потом уже, сидя на верткой нарте, Прокопий перестал думать о встрече с голубоглазой Анкой, потому что почувствовал тревогу. Когда показались юрты, он сразу понял, что там уже никого нет.

Мать ушла в тайгу. Она не вернулась и на следующий день. Могла пойти за сушняком и заблудиться, у неё же плохо работала голова. Прошла неделя, и год минул, а мать не вернулась. Теперь Прокопий жил один в стойбище. Да собаки. Они остались от прежних хозяев и плодились. По ночам они выли. Из тайги отвечали волки, словно о чём-то договаривались.

Потом наступила зима. Уже много ночей Прокопий провёл один в юрте. Он ждал, что вернётся мать. Не раз просыпался и прислушивался к тому, что происходило за стенами. Иногда ему чудились чьи-то шаги.

В темноте Прокопий видел только тлеющие угольки в чувале. Он выбрался из-под толстого стёганого одеяла, набитого утиным пухом, и подполз к очагу. Нащупав в темени заранее запасённые поленья, бросил на мерцающие угольки и стал раздувать огонь. От старания зашумело в ушах, но язычки пламени уже охватили сухие берёзовые дрова, и Прокопий поднялся на ноги.

При зыбком свете огня различил валенки и сунул ноги, потом натянул на себя малицу и вышел на двор. Там тоже была сплошная темень, потому что звёзды и луна спрятались за тучи, а мёрзлая земля всё ещё оставалась бесснежной.

Собаки лаяли на разные голоса, что-то тревожило их со стороны леса. Прокопий и проснулся-то от их хриплого и злобного лая. К ногам подбежал, учуяв хозяина, Черныш, поскулил, потыкался носом и снова ринулся в стаю, чтобы вместе со всеми надрываться от ярости. Если бы к стойбищу подошли волки, то ответили бы на собачий брех, но в лесу было тихо.

В темноте слышалось настороженное хорканье олешек, которые сбились в один клубок и жались к стене юрты. Что испугало их? Кто потревожил собак? Да мало ли кто! Может, медведь подошёл, шатун. Толковые звери уже залегли в берлоги, но в семье не без уроды, какой-нибудь шалопаи запозднил или ещё по какой другой житейской причине неприкаянно бродит.

А то ведь есть ещё и леший. Ему тоже в холодном лесу неуютно. Видел днём, сколько мороженой рыбы Прокопий привёз на нарте, и зарится на чужую добычу. Собак он разбрасает, если захочет, однако ружья боится, другой опаски для него нет.

Ружьё висело около дверей, Прокопий взял его и выпустил в воздух два заряда, которыми было оно заряжено, чтобы вспугнуть нежеланного гостя. После этого пошёл спать, но перед тем, как погрузиться в сон, подумал о том, что пора жениться, одному скучно. «Мать не вернётся, — подумал он. — Она пошла мужа искать. Может, нашла».

Утром Прокопий походил на опушке и по следам выяснил, что побывал какой-то человек. Почему не зашёл в юрту? Гостем был бы. Но, может быть, он хотел посмотреть со стороны, переехал Прокопий в посёлок или нет. Что ему одному-то жить?

Вернувшись к юрте, Прокопий заарканил трёх важенок, запряг в упряжку, только потом перекусил, поел мороженой рыбы с чаем, надел новый спортивный костюм фирмы «Адидас», а поверх серый пиджак, который был удобен тем, что имел четыре кармана. Малицу Прокопий выбрал праздничную, мало ношенную, подпоясался тасмой, охотничьим поясом, обул новые пимы, пошитые вперемежку из чёрных и белых оленьих лап, стянул их пониже колен подвязками.

Поначалу ехал по тайге, держась поближе к берегу. Через три версты бурливая река выбегала на равнину и там смиренно уходила под лёд, который был крепким и ребристым от схваченной вмиг морозом ряби, олени по нему бежали в удовольствие.

Ираида Захаровна не ждала гостя. В субботний день она собралась постирать и уже загрузила бельём машину. В кухне был полный беспорядок, да и сама она с подогнутым платьем и закатанными рукавами выглядела не солидно. А тут заваливается бывший ученик.

— Здравствуйте!

Ответив на приветствие, Ираида Захаровна поспешно стала приводить себя в порядок и даже набросила на голову платок, закрутив концы на шее.

— Какими ветрами тебя, Прокопий, занесло? Давно что-то не видать было? Как ты?

Прокопий сел у порога на пол, скрестив под полой малицы ноги. Рядом лежал мешок с мороженой рыбой.

— Надо в кладовку, — сказал Прокопий. — Это тебе.

Он вытащил из мешка лисью шкуру и бросил к ногам Ираиды Семёновны. Та всплеснула руками, восхитившись подарком, и быстро подхватила. Однако учительская жилка дала себя знать, Ираида Захаровна, лаская рукой пушистый мех, умильно спросила:

— И за что же мне такой дорогой подарок?

— Роднёй будешь.

— Это с какой стороны, Прокопий? — насторожилась Ираида Захаровна и округлёнными глазами уставилась на гостя.

— Жениться хочу.

— Это хорошо, Прокопий. Пора. Невесту нашёл?

— Анка будет.

— Какая Анка? — не догадалась сразу Ираида Захаровна, потому что никогда любимую дочь так не называла.

— Почему какая? — нахмурился Прокопий. — Твоя дочь.

— Она же ещё школьница, — с упреком произнесла Ираида Захаровна, думая о том, как бы отвадить Прокопия от этой глупой мысли и не обидеть.

— Весной кончает школу.

— Ей ещё учиться надо. В город поедет.

— Зачем? Хватит учиться.

— Что ж ты её выбрал? Других нет? Чем уж она так понравилась?

— У неё светлые волосы. Глаза голубые.

— А характер? Ты же не знаешь, какой у неё характер.

— Какой?

— Уж больно самостоятельная. Не захочет, не заставишь.

— Захочет. Мне жениться надо.

— Хочешь, невесту найду? Есть у меня на примете. В соседнем посёлке живёт. Уж такая хорошая, такая трудолюбивая. У меня училась.

— Не хочу.

Прокопий поднялся с пола и показал на мешок.

— Куда?

Не дожидаясь ответа, вышел в сени и в углу высыпал рыбины, как поленья, а мешок свернул и сунул подмышку. Ираида Захаровна стояла в открытых дверях, холодный пар у ног заползал в дом.

— Скажешь Анке — весной увезу, — обернувшись на крыльце, сказал Прокопий.

— Хорошо, скажу.

Что-то испугало Ираиду Захаровну, оттого заторопилась с ответом, потом пыталась угадать, отчего оробела, но толком не разобралась. Скорее всего, смутил взгляд Прокопия, глаза показались особенно чёрными и колючими. От острого взгляда парня голова закружилась. Ираида Захаровна считала себя интеллигентной женщиной, к тому же начитанной, однако суеверно относилась к шаманам, хотя знала о них понаслышке.

С первых лет жизни на Севере, такие же, как сама, приезжие люди предупреждали, что к местным жителям надо относиться осторожно. Они только с виду безвредные и уступчивые, а за обиду могут беду наслать. Мол, есть среди них шаманы, которые знают всякие наговоры, и было немало случаев, когда они пользовались колдовством. К примеру, продавщица обвешала хантыйку да ещё обсчитала, а через неделю по её лицу прыщи пошли. Она все сбережения потратила на курорты, а не вылечилась, пока не покаялась перед той покупательницей, как ей посоветовали добрые люди. Другой человек украл гребные вёсла у местного рыбака и с тех пор, как сядет в лодку, так перевернётся, еле спасут. Он уже и к воде стал бояться подходить, но захлебнулся от ложки супа. При всей своей грамотности Ираида Захаровна не осмеивала эти рассказы.

В северном посёлке на берегу Сыни Ираида Захаровна оказалась по воле затейливой судьбы. В семнадцать лет она по любви, по первой и сумасшедшей, вышла за лейтенанта-связиста, которого после училища отправили служить в Тюмень. Там счастливая Ираида закончила Педагогический институт и во время успеха, потому что мужа перевели на Север с повышением в звании. Так они попали в посёлок, в котором родилась первая и единственная дочка, названная

Анной. Муж умер относительно молодым, не достигнув пятидесяти лет. Ираида Захаровна осталась с двенадцатилетней дочкой, родители, да и брат Владимир звали к себе в город, но она не захотела ехать. У неё в посёлке был дом, была обожаемая школьная работа, она привыкла к Северу, полюбила здешних людей и лучшей доли не собиралась искать, искушая судьбу. К тому же, её третий раз выбрали в поселковый совет, и она не могла в силу своего воспитания пренебречь доверием народа.

Неожиданное сватовство Прокопия выбило из колеи Ираиду Захаровну, и всё у неё в этот день пошло из рук вон плохо. Стиральная машина поработала и затихла. Оказалось, что отключили электричество. Теперь оставалось ждать семи часов вечера, раньше тока не дадут. Решила заняться уборкой, но тут же поняла, что глупо наводить чистоту, не закончив стирку. Села проверять тетради, накануне проведя диктант, но заметила, что пропускает ошибки, и отложила ручку.

Сидела, уставясь в пустоту, и растерянно думала, что её милая девочка, её кровиночка уже стала невестой, пусть не нынче и не через год, но всё равно скоро выйдет замуж, а куда иголка, туда и нитка. Когда-то кудрявый лейтенант увёз Ираиду Захаровну из отчего дома в далёкие края, а теперь Анну поманит за собой заезжий молодец и не остановишь. Ираида Захаровна не хотела, чтобы дочь оставалась на Севере. Пусть не привыкает...

Она хотела, чтобы Анна окончила институт, устроилась работой в тёплых краях и обязательно в городе. Там больше перспектив, а в посёлке, кроме школы, некуда ей пойти. Рыбалкой и промыслом заниматься?

В посёлке прежде была семилетняя школа, теперь осталась начальная, среднее образование дети получали в райцентре и жили в интернате. Там находилась и Анна. В этом году она сдавала на аттестат зрелости. Ираида Захаровна подумала написать письмо дочери и рассказать, как приходил Прокопий свататься, но раздумала. Пусть этот случай останется тайной, никто не должен знать, люди злы на языки.

Конечно, в дурном сне только может присниться, что Ираида Захаровна выдаёт единственную дочь за Прокопия, и тот увозит её в тайгу, чтобы Анна жила в юрте с дымным чувалом, почти в первобытных условиях, без телевизора, без людей. Тюрьма и та не так страшна, чем такая доля. Как же Прокопия отучить от глупой мысли?

Глава 3

Окончив с отличием школу, вернулась из райцентра в посёлок Анна. Ираида Захаровна встречала на берегу. Речной трамвайчик уткнулся носом в прибрежный песок. Матрос подал сходни. Первым сбежал по нему Серёжа Ложкин и принял чемодан Анны. Серёжа учился с ней в одном классе, стал плечистым, крепким парнем, и невольно Ираида Захаровна подумала — вот тебе и жених.

Сама того не зная, она оказалась недалеко от истины — Анна и Серёжа дружили, а в последние месяцы были почти неразлучны. Анна уговаривала Серёжу поехать в один институт, приобрести одинаковую специальность, чтобы даже рабо-

та связывала их интересы. Но Серёжа пока не выбрал, куда ехать, намерен был годик отдохнуть от учёбы, родители не бедные, не будет им в тягость. Но Анне пока не говорил об этом, чтобы не расстраивать раньше времени.

После долгих сомнений Ираида Захаровна всё-таки решила предупредить Анну, потому что Прокопий обязательно появится повторно, и передала случившийся разговор. Анна посмеялась и сказала матери:

— Да я уеду учиться. Только он меня и видел, недоумок.

— Прокопий не должен знать, куда ты уехала.

— Говоришь об этом так серьёзно, будто...

— Он не простой, доча. Мне так показалось.

— Какой-то смешной разговор! Что значит — не простой?

— Скорее всего, шаман.

— Ты серьёзно, мама?

— Совсем не шучу.

— Да пусть он только появится! Пусть заикнётся... Я его с крыльца спущу.

И дочь не стала попусту терять времени на пустые слова, всерьёз не приняв тревогу матери. Она даже с жалостью подумала, что её любимая мама начинает стареть — раньше не верила в разную чушь, не была суеверной, а думала отчётливо и ясно, как и положено педагогу.

Появления Прокопия ждать пришлось недолго. Буквально на третий день после приезда Анны он пристал к берегу, вышел из лодки, одетый в короткую кухлянку, подпоясанную тасмой, и обутый в лёгкие замшевые сапоги-нюкиваи. Он походил на средневекового лучника, такой же тонкий в талии, быстрый и подбористый.

Анна издали увидела его с крыльца, выйдя отряхнуть половик. Матери дома не было, как всегда пропадала в школе. Анна потерянно оглянулась, увидела Серёжу, который как раз выходил со своего двора, и обрадовалась. А когда он проходил мимо калитки, явно направляясь к реке, позвала:

— Сергей, подойди!

Он только теперь заметил её и улыбнулся. Он собрался на охоту, за плечом — ружьё, собака вертится у ног.

— Тимофей ждёт,— сказал он, мягко предупреждая, что торопится.— Уже, наверно, в лодке.

— Подождёт.

— А что случилось?

— Пока ничего. Но всё может быть. Я не говорила тебе.

И она коротко рассказала, что Прокопий приходил сватать её, что намерения у него самые серьёзные и нужна его, Серёжина, помощь.

— Да ладно тебе! — принял за шутку её исповедь парень.— Потом поговорим. Пойду, а?

— Ну, хоть поздоровайся с моим женихом,— усмехнулась Анна.

В калитку проходил Прокопий. Серёжа сел на ступеньку крыльца и поставил ружьё меж колен. Анна застыла в дверях и выжидающе уставилась на гостя. А тот остановился в четырёх шагах от Серёжи и сказал:

— Уток бить нельзя. Зачем ружьё?

— А тебя что, в надзор поставили? — недружелюбно отозвался Серёжа.— Начальником стал?

— Охота сейчас запрещена,— стоял на своём Прокопий.— Стрелять будешь, ружьё отберу.

— Да кто ты такой? — вскочил с угрожающим видом Серёжа, который был на голову выше Прокопия и гораздо шире в плечах.

— Я — Прокопий.

— Ну, и что?

— Ну, и всё.

— Чего пришёл? — встряла в разговор Анна, чувствуя, что ещё немного и раздерутся петухи.

— К тебе пришёл.

— Что за дело?

— Пусть он уходит,— Прокопий показал пальцем на Серёжу.

— А если я не хочу, чтобы уходил?

— Надо,— мирно сказал Прокопий.

— Какие у тебя могут быть секреты? — сказал Серёжа, снова опускаясь на ступеньку и располагая ружьё между колен.

Задержав на Серёже взгляд, Прокопий посмотрел на Анну и спросил:

— Тебе мать говорила?

— Передала, как приходил свататься.

— Ему сказала? — Прокопий кивнул на Серёжу.

— А он мой жених,— дерзко заявила Анна.— Я от него ничего не скрываю.

Можно было ожидать, что после такого заявления Прокопий уберётся восвояси. Но тот не растерялся, не смутился, как должно было случиться, а оставался невозмутимым.

— Он не может быть твоим женихом,— вежливо пояснил Прокопий.

— А ты можешь? — улыбнулась Анна.

— Только я могу. Так надо.

— Ну, чучело! — Серёжа покрутил головой.

— Да ну вас, ребята! — Анна даже развеселилась.— Какую мы чепуху несём! Она сбежала с крыльца, легонько стукнула Прокопия в грудь кулачком.

— Эй, Прокопий! Не дури. Прошу тебя. Да не собираюсь я замуж. Мне учиться надо. В институт поступать.

— Зачем учиться? — Прокопий пожал плечами и дотронулся до головы.— Там всё есть.

— Особенно у тебя,— не удержался от язвительного замечания Серёжа.

— У меня всё есть,— подтвердил Прокопий, потому что в этом не сомневался.— Я знаю — Анка будет моей женой.

— Ему в дурдом надо,— определил Серёжа и поднялся.— Ладно, меня Тимофей ждёт.

Глаза Прокопия заметно потемнели.

— Тимофей нехороший,— сказал он.

— Ты хороший! — засмеялся Серёжа, не глядя на Прокопия.

Если бы он знал правду, был бы осторожней. Для Прокопия существовали великие понятия — «хороший» и «плохой». Прокопий знал, что плохого на свете не должно быть.

— Проводи меня, Анна, до берега,— предложил Серёжа, чему девушка очень обрадовалась, потому что не хотела оставаться с Прокопием.

Они пошли рядом, а Прокопий поначалу смотрел вслед, а потом тоже пошагал к реке, потому что там стояла его лодка. Ему не очень понравилось, что Анка пошла с этим парнем, а не осталась с ним. Он как раз собирался сказать девушке, что скоро придет за ней и увезёт в свою юрту, где хорошо.

С невысокого глинистого яра дорога сбегала на песчаную косу, вдоль которой стояли лодки. Уже давно не было дождей, и река была тихой. Она становится бурным потоком во время таяния снегов и после обильных ливней, а в обычную пору успокаивается и бежит с весёлой торопливостью, прытко, но позволяет даже на вёслах плыть против течения. А на моторке труда не стоит подниматься вверх по реке.

— Поехали с нами, — озорно предложил Тимофей Анне, когда она остановилась у дюралевой лодки с подвесным мотором на корме.

Как раз в это время рядом проходил Прокопий к своей моторке. Анка смотрела на Серёжу, поэтому не заметила взгляда Тимофея. А Прокопию сильно не понравился этот откровенный взгляд, которым Тимофей скользнул по фигуре девушки, чуть задержавшись на коленках. Этот человек вызывал у Прокопия глухое неприятие, и он не понимал, что связывает такого грамотного Серёжу — десять классов кончил! — с этим неприятным типом. Да и Тимофей старше лет на восемь.

В посёлке посмеивались над ним, потому что трижды женился на пекарше. Женщины были разные, но все, как одна, пекли для деревни хлеб. Что-то они в последние годы часто менялись, одна уедет, другая прикатит на смену. А Тимофей при пекарне и завхоз, и грузчик, и истопник. Месяца не пройдёт, новая пекарша уже под одной крышей с Тимофеем — гражданский брак.

— Ну, как можно с ним дружить? — удивлялась и Анна.

— Да я на охоту, на рыбалку, — отвечал Серёжа. — Что тут такого?

Но ни Анна, ни Прокопий не догадывались о том, что на самом деле Серёже было интересно с Тимофеем, как ни с кем в посёлке. С ровесниками не любил общаться, потому что они ему казались наивными, всё ещё мальчишками, Серёжа обогнал их в развитии. Из всех жителей посёлка только Тимофей привлекал интерес Серёжи, потому что он один говорил с ним о женщинах, которые юношу занимали всё больше и больше, однако опыта ещё не было никакого. Правда, с Анной два раза целовался, но ему уже не только этого хотелось. Тимофей рассказывал, чем занимаются наедине мужчина и женщина, а воображением Серёжа обладал пылким, и мысленно то же самое постоянно проделывал с Анной, потом страдал от напрасного возбуждения.

При этом он заметил, что другие девушки не вызывали в нём таких желаний, хотя с ними он чувствовал себя куда раскованней, чем с Анной, которая была воспитана маманей в самых строгих правилах. Хрупкая с виду она обладала таким сильным характером, перед которым Серёжа пасовал. Как-то однажды дал чуть волю рукам и тут же получил отповедь.

— Не смей! — отпрянула Анна и уставилась на него колючими глазами. — Никогда. Понял — никогда! Если хоть ещё раз посмеешь, я не знаю, что сделаю. Я тебе поверила. Ты хоть понимаешь, что это значит для меня?

Пришлось оправдываться, что ничего дурного не держал в голове, получилось случайно. Тогда она в манере своей обожаемой матери поучительным тоном ска-

зала, что всё можно только после свадьбы. Серёжа считал её старомодной, но от того она ещё больше привлекала.

В том, что робеет перед Анной, Серёжа не признавался Тимофею, стыдился. Тот о женщинах говорил так вольно и с таким мужским превосходством, что ему хотелось подражать. Для него женщины были каким-то подобием дичи, за которыми надо охотиться. Он называл их — подруги. Это было его любимое словечко.

— Нет такой подруги, — говорил Тимофей, — которая бы не хотела нашего брата. Природа требует своё. Вот что ты должен усвоить, прежде всего. А это означает, будь всегда уверен. Только сопляки отступают от цели.

Сам он представлял собой ничем не приметного мужичка, вечно небритого, небрежно одетого, словно умышленно не следившего за собой. Но зато на его одутловатом лице неизменно блуждала похотливая улыбочка, а глаза смотрели с таким нахальством, словно он, Тимофей, превосходил всех мужчин на свете. Человеком он был, видать, неимоверного самомнения. И это тоже нравилось пока ещё не уверенному в себе Серёже.

В тот раз на берегу реки события развивались довольно быстро и привели к той беде, которая случилась. После приглашения Тимофея поехать с ними Анна повернулась к Серёже и спросила:

— А куда вы собрались?

Серёжа ответил, что едут проверить сетки, а заодно пострелять уток, и назвал места, обильные в эту пору ягодами.

— А вы подождёте, я только переоденусь, да лукошко возьму? — загорелась охотой Анна.

В лёгком платянце, в котором была, комары заели бы. Девушка не раз ездила на моторке с Серёжей и по грибы, и по ягоды, так что никакого опасения и в голову прийти не могло. Серёжа для неё был ручным, а Тимофей хоть и старше годами, да силой куда слабее. Так что защита была надёжная. Даже не подумалось ни о чём плохом.

Анна побежала к дому, а Прокопий забрался в свою лодку, которая стояла в десяти метрах, но не спешил заводить мотор, копошился чего-то. Ему не понравилось, что Анна так легко согласилась ехать с этими парнями, и он хотел убедиться, так ли это будет. А Тимофей, то ли не стесняясь Прокопия, ни во что его не ставя, то ли уверенный, что тот не слышит, завёл нехороший разговор. Прокопий чутким охотничьим слухом каждое слово уловил.

— Смачная тёлка! — сказал Тимофей, глядя вслед девушке. — Я бы тянуть не стал. Это дело откладывать нельзя. Тебе сколько уже! Я сам в первый раз — в двенадцать лет. Родная тётка выпившая была, затащила в постель. Я ей за науку по сей день благодарен. Вот и тебя учу уму. Меня жизнь помотала, кой-какого разума набрался. Первое правило — не выпускай из рук синичку. Попалась — твоя.

Вырос Тимофей в городе, побывал в детской колонии, поступил в торговый техникум, но не одолел и подался на Север за длинным рублём. Богатства не нашёл, на одном месте не задерживался, искал, где потеплей да наваристей, а такие щели — как сам говорил — уже другие клопы заняли. Теперь вот завела судьба на Сыню и подарила пекарню. Пятый год оседло живёт, это для него большой срок.

— Была у меня подруга,— вспоминал Тимофей.— Вроде твоей. Огурчик, скажу, дотронься, захрустит. А я сплоховал. Всё откладывал — никуда не денется. А тут меня загребли менты. Мы с ребятами обчистили магазин. Мне было пятнадцать лет. До сих пор простить себя не могу за промашку. Колонию забыл, а этот случай помню. Кому-то ж досталась! Вот уж, наверно, меня благодарил! Не будь лопухом, Серёга. Бери, что само в руки лезет.

Почему-то Прокопий ожидал, что Серёжа после таких речей кинется с кулаками на Тимофея, но тот молчал и только криво усмехался. Они уже, что нужно было, уложили в лодку, а теперь сидели на борту и ждали Анну. Тимофей острым охотничьим ножом стругал палку, не для дела, а чтобы руки занять.

— Они ведь какие? — философствовал Тимофей.— Как шурогайчики, только и норовят ускользнуть из рук. В городе ухажёров много, уведут из-под носа. Попомни моё слово. А когда ты их лишил кое-чего, становятся шёлковыми. Будет за тобой, как нитка за иголкой. Выйдет замуж, как миленькая.

— Да не собираюсь я жениться!

— Тем более.

— Что «тем более»?

— Не выпускай птичку. Отвезу в охотничий домик. Оставлю на время. Ты и поладишь с ней. Мужик ты или нет? Ну! Отвечай!

— Мужик, мужик...

— Вот и лады! Главное обещаю жениться.

К ним бежала Анна в синем спортивном костюме, в платочке и с корзиной в руке. Прокопий понял, что медлить ему нельзя. Недоброе задумали парни. Надо сказать Анке. Но ведь она ему не поверит, эти двое на смех поднимут.

— Захватила бы больше тары! — крикнул Тимофей.— Там ягод — море!

Ребята поднялись на ноги, стояли близко друг к другу, подбежавшая Анна остановилась тоже рядом, плечом касалась плеча Серёжи. Вот они оттолкнули лодку, запрыгнули в неё, Тимофей дёрнет за шнур, мотор взрвёт и понесёт Анну к беде.

Все трое улыбались, прямо мир да лад, но вдруг в какой-то момент лицо Серёжи перекосилось, налилось злобой. Анна ничего понять не успела, как накинулся Серёжа на Тимофея, схватил за грудки. Анна дико закричала и стала разнимать ребят. А Сергей уже вцепился за горло Тимофея, и тот хрипел. В один клубок все трое сплелись будто. Но того, что случилось дальше, Прокопий никак не ожидал. Серёжа вдруг рухнул на колени, хватаясь за нож, который торчал из груди с левой стороны. В последние минуты Прокопий не видел этого ножа в руке Тимофея, а тот им отбил от Серёжи и теперь отступал назад, суматошно отмахиваясь, как от наваждения, потом увидел Прокопия своими побелевшими от страха глазами и закричал:

— Ты же видел — он первый!

Анна билась в истерике над неподвижным Серёжей. От деревни бежали какие-то люди.

Потом Тимофея милиция, конечно, забрала и увезла в райцентр, а Серёжу всей деревней похоронили. Анна после пережитого потрясения безутешно плакала, говорила, что жизнь её кончилась, что без Серёжи ничего она не хочет больше — ни есть, ни пить. Как-то уже после похорон сидела на берегу реки, не видя от печали белого света. А тут над головой прозвучал голос:

— Не плачь. Он плохой был.

Оказался Прокопий.

Анна только глянула на него и огрызнулась:

— Убирайся!

— Тимофей тоже плохой,— сказал Прокопий.

— Ты зато хороший,— вскочила Анна.— Глаза бы не видели!

— Я хороший,— согласился Прокопий.

Но Анна не стала его слушать, а бросилась бежать к дому. Ираида Захаровна обняла дочь, гладила по волосам.

— Опять этот Прокопий! — расплакалась Анна.— Хочу уехать.

Тогда Ираиде Захаровне пришла счастливая мысль.

— Поедешь к деду Захару,— сказала она.— Там дядя Володя. Они всё-таки мужчины. Любят тебя. Что-то посоветуют. Как-то помогут устроиться. А что я одна?

Конечно, следователь подробно расспрашивал и Анну, и Прокопия, как главных свидетелей убийства. Но дело было такое очевидное, что тянуть следственную волокиту было совестно. Суд получился довольно скорый, и Тимофею дали по закону долгий тюремный срок, так что Анна имела все права уехать из посёлка, ничто её не удерживало. Но так полагала она, а Прокопий думал иначе.

Он опять заявился в гости.

— Уезжает Анна,— нарочито приветливо встретила его Ираида Захаровна и приняла гостинец — связку сушёной рыбы.— Дедушку надо навестить, Прокопий. Дедушка старенький, по внучке скучает.

— Далеко? — спросил невозмутимый Прокопий.

— Что далеко, Прокопий?

— Старенький дедушка?

— За Москвой,— махнула рукой для ясности Ираида Захаровна.

— Хорошо,— кивнул Прокопий.

— Ты всегда был толковым,— обрадовалась Ираида Захаровна, что так всё легко уладилось.— И учился легко. Если бы не болезнь! Очень я за тебя переживала.

— Хорошо,— повторил Прокопий, пропустив мимо ушей её слова.— Я тоже поеду.

— Куда? — так и села Ираида Захаровна.

— К дедушке.

— А зачем?

— Так надо. Анка уедет, не приедет. Я привезу обратно.

Что тут сказать? Трудно сообразить. Пожала плечами, вяло улыбнулась, спросила, не хочет ли чаю.

— Нет,— ответил Прокопий.— Подышать надо.

Он вышел и сел на крыльцо. Прибежала от подружки Анна, увидела Прокопия, растерялась.

— Иди домой,— показал головой на дверь Прокопий.— Мама ждёт.

— А что случилось?

— Она скажет.

Поначалу Анна, узнав о намерении Прокопия от матери, хотела выбежать на улицу и побить Прокопия кочергой.

— Вот же прилип! — ругалась она. — Чёрт болотный!

Потом задумалась. А рядом сидела Ираида Захаровна и тоже думала. Одну Анну в дальнюю дорогу опасалась отпустить. Сама ехать не могла, на ней висел ремонт школы. Как быть? По телевизору показывают, страх берёт, столько людей пропадает. В одном городе друг за дружкой исчезали девушки, милиция с ног сбилась, ничего не выяснила. Так вчера опять сообщали — ещё одна пропала. Случится такая беда с Анной, Ираида Захаровна не переживёт. А Прокопий хоть и мал ростом, но парень надёжный. Что ни говори — охотник. Если медведей валил, так с бандитом уж подавно управится. Его только научить, чтобы за Анной следил, ни на шаг не отпускал. Довезёт девочку до родни, а там видно будет. Дед с дядей что-нибудь придумают. Анна всё объяснит.

А сидевшая рядом на скамье Анна уже знала, как отвязаться от Прокопия. Когда речной трамвайчик придёт, он явится на берег. Не убежать. Но есть же лодка. По течению-то спуститься чего стоит! Ночью села, отчалила, только он и видел её. Этот план показался Анне удобным, но тут всполошила догадка. Девушка выбежала на крыльцо и спросила Прокопия:

— Так и сидеть будешь?

— Буду.

— И долго?

— Ждать буду.

— Чего ждать?

— Тебя ждать.

— А, может, не сегодня поеду.

— Всё равно.

— Может, через три дня. Всё сидеть будешь?

— Буду.

— Ты же ненормальный!

Убежала в дом, хлопнув дверь. Матери сказала:

— Он не уйдёт с крыльца.

— Не уйдёт, — согласилась Ираида Захаровна.

И мать поделилась с дочерью своими соображениями. Анна сразу вспыхнула:

— Не поеду я с ним!

Но к вечеру остыла, прикинула, что одной и впрямь опасно ехать, согласилась с матерью. Приоткрыв входную дверь, Анна деловито позвала:

— Иди ужинать. Эй!

Когда отец сказал Прокопию о беловолосой дочери учительницы, то не догадывался до конца, кому он толкует. Едва ли всерьёз наставлял, скорее всего, говорил предположительно, к примеру как бы, имея ввиду, что род можно выправить, если жениться разумно. Но Прокопий намёки не улавливал, он всё понимал буквально. Как сказал отец, так и будет, если даже понадобится головой пробить кирпичную стену. И во всём он был такой. А происходило это с Прокопием потому, что умом жил, а душа при этом спала. И это не диво дивное. Людей с дремотной душой на свете немало, как сухостоя в больном лесу. Но Прокопий при этом имел характер. Он, как стрела, с пути не сворачивал. И если бы знал Харла, то был бы осмотрительней.

Дальше райцентра Прокопий никогда не ездил. Но в райцентре чувствовал себя привычно. Первым делом отвёл Анну в интернат. Там уже детей не было,

разъехались на летние каникулы, но сторожиха тётя Глаша устроила Анну в своей комнатёнке, даже обрадовалась госте.

— Переночуешь, а утром будет «Метеор», — сказала она и поставила чайник на электрическую плиту.

Сам Прокопий направился к Ивану Комову и попросил без лишних объяснений:

— Деньги давай.

— Сколько? — любопытствовал Иван.

— Много, наверно.

— Всё что ли заберёшь? — испугался Иван. — Тебе на что?

— Ехать надо.

— Далеко собрался?

— Дальше Москвы.

— Чего там потерял?

— Зачем спрашиваешь? Деньги давай.

— Не спеши. Прикинуть надо. Деньги счёт любят. Между прочим, заказ есть. Из Тюмени я недавно. Человеку на дачу медвежья шкура нужна.

— Нужна — будет, — спокойно ответил Прокопий. — Зимой будет.

Между тем Иван достал какую-то штуку вроде портсигара, открыл, стал пальцем тыкать в кнопки, пощёлкал сколько-то, почмокал губами и покачал головой.

— Сколько ж тебе дать? — задумался Иван. — Но так и быть — выделю с запасом. Особенно не швыряйся деньгами-то. Я тебе российскими даю, сподручней будет. Менять не надо.

— Немного такими, немного нет, — потребовал Прокопий.

— Дело твоё, хозяин — барин. Могу дать и долларами. А всё-таки куда едешь? С чего вдруг?

— С невестой еду к дедушке. Он старенький. Посмотреть надо — живой или помер.

— Ни фиги себе! Женишься?

— Жениться буду.

— Кто ж невеста? Из поселковых?

Прокопий назвал Анну и пояснил:

— Дочка учительницы. Знаешь — Ираида Захаровна?

Иван раскрыл рот, да так и застыл. Прокопий важно повернулся и пошёл, сунув деньги в замшевый мешок, в котором умещались все его дорожные пожитки.

Однако невеста держалась иного мнения, замуж никак не собиралась и подругам объясняла, что Прокопий едет по делу в город Салехард, а её попросили поглядеть за ним, потому что человек он без дорожного опыта. Сама же, мол, собралась к родственникам погостить и присмотреться к той жизни. Конечно, мол, и учёба на уме.

Вопреки ожиданиям Анны её подопечный показал себя с неожиданной стороны. Если бы девушка не знала, что Прокопий дальше райцентра нос не высовывал, то приняла бы его за очень даже опытного путешественника. Он вёл себя в незнакомой для него обстановке так уверенно, что Анна уже не лезла со своими объяснениями, а полностью отошла от забот и ехала, как барыня, для которой всё сделает слуга.

В дороге Прокопий ничему не удивлялся. Только на короткую минуту застывал с отрешённым видом и тут же начинал действовать соответственно ситуации. Это

и раньше с ним так бывало. Иван Комов как-то повёл в кино. Прокопий немного испугался, когда на белом полотне появились живые люди. Он стал соображать, откуда они появились, и заметил луч, который исходил из квадратного окошка. Прокопий поднялся и пошёл в проекторную будку. Он попросил киномеханика показать, откуда возникают люди, и долго рассматривал плёнку.

Оказалось, что всё просто,— на экране бегали тени тех маленьких человечков, которые застыли в квадратиках на плёнке. Когда горит в юрте керосиновая лампа, то от самого Прокопия тоже падает тень на стену. Если Прокопий двигается, то и тень тоже. Вот и вся загадка! Прокопий вернулся в зал, сел на своё место и много смеялся, хотя шла не комедия. Ему было весело оттого, что он всё хорошо понял — по экрану двигались тени, а не настоящие люди.

Когда перед ним тот же Иван включил телевизор, то Прокопий в первую очередь стал искать луч, но не обнаружил. Тогда он рассмотрел телевизор со всех сторон. Он заметил огоньки внутри. Вот в чём хитрость! Луч спрятали в ящик. Он всё понял, и ему стало скучно. Прокопию не понравилось смотреть телевизор, там говорили о чём-то таком, что его не интересовало.

Точно так же, впервые увидев поезд, Прокопий на минуту обомлел, таким он показался большим. Потом разобрался, поезд состоял из нескольких повозок, которые назывались вагонами, их тянули не лошади и не олени, которым была бы такая работа не по силам, а машина. В райцентре были автомобили, поэтому Прокопий знал, что у них внутри есть двигатель, который и крутит колёса. Чтобы вагоны катились друг за другом, а не в разные стороны, они стояли на рельсах.

Ещё на железнодорожном вокзале Прокопий довольно быстро освоился и выяснил, что билетов на поезд может не всем хватить, а тогда сиди и жди в зале ожидания целые сутки. Очередь у кассы была велика. Анна запаниковала, стала причитать, что им ни за что не достанутся билеты. Очередь сразу вдвое разбухла, как только окошко открылось. Прокопий почесал голову и хмыкнул. Он двинулся к двери, на которой было написано — «Посторонним вход запрещён». Прокопий прочитал надпись, школьную науку ещё не забыл. Там не было сказано, что Прокопий посторонний, поэтому он открыл дверь и попал в коридор. Увидев несколько дверей, Прокопий выбрал ту, что вела в комнатку кассирши.

Женщина так и не поняла, что произошло. Она увидела в дверях невысокого человека с какими-то странными, колючими и неподвижными глазами.

— Это ещё что такое? — грубым голосом спросила она.

— Мне два билета.

— Вон отсюда! — крикнула она.

И почувствовала, как закружилась голова, как всё поплыло перед глазами.

— Какие билеты? — спросила она.

— Самые хорошие.

И она поспешно оформила два купейных билета на нижние места, получила деньги, а когда маленький человек ушёл, закрыла окошко кассы. Она схватилась за голову и сидела так сколько-то, чувствуя, как возвращается ясность. Почему-то подумалось о двенадцатилетнем сыне, которого утром сильно поколотила, опять учительница жаловалась. Она пожалела, что била мальчика книгой по голове. Плохая она мать, плохая...

В вагоне Прокопий освоился тоже быстро. Какая ни вставала задача, ему стоило задуматься, извлечь из головы понимание, и тут же он знал, как надо

поступить. Может быть, именно в той поездке Прокопий пришёл к убеждению, что все знания заложены в мозгу заранее, и любое можно вытащить при необходимости. Анна, которой приходилось с мамой ездить и к родным, и в Крым на отдых, терялась куда больше, но с Прокопием не было никаких забот. Захотела чаю, уже стакан дымится на столе. Увидела в окно, как бабы продают горячую картошку, уже Прокопий на перроне. По вагону понесли мороженое или газеты, остановится в дверях купе коробейник, а Прокопий уже смотрит на Анну. Та кивнуть не успеет, а он уже понял, купил по одной разные издания и положил на столик. В первый день узнал, что есть вагон-ресторан, и водил обедать только туда.

— Да кто он вам? — спросила соседка, пожилая крашеная женщина, когда Прокопий вышел из купе. — Всё смотрю и никак не пойму.

— Друг, — ответила Анна и уставилась в окно, давая понять, что не настроена разговаривать.

— Таких друзей не бывает, — заметил муж женщины, важный и молчаливый товарищ.

— Значит, брат, — сердито ответила Анна.

— Ну, милочка! — не поверила женщина. — Вы даже разных национальностей.

— Ухажёр, — протянул муж женщины. — Вот кто!

— Ну, девочка моя! — прижала пухлые руки к животу женщина. — Зачем он тебе? Ты красавица.

— Затем, — обиделась Анна за Прокопия. — Он богатый. Очень-очень!

У мужа и жены лица стали одинаковыми и выражали почтительное понимание.

Даже в Москве, которая оглушила шумом и поразила суетой Анну, невозмутимый Прокопий освоился быстро. Казалось, что машины и люди сорвались с какого-то неведомого старта и понеслись к финишу, причём половина в одну сторону, а вторая — в другую. Наверно, это надо было, чтобы на одной из сторон не образовалась пустота. Всю Москву, конечно, понять трудно, очень уж она большая. Наверно, всю-то никто пешком не исходил. Но Прокопий не раз видел в лесу муравейники. Иной раз остановится и смотрит сверху, как должно быть, Бог на землю. А тут он сам муравей. И надо ловко шнырять, зная свою дорогу.

На третий день пути приехали в областной город, в котором жили родственники Анны. Однако Прокопий не знал того, что ещё до его приезда с Анкой родичи решили устроить судьбу любимой внучки. В Тамбове в медицинском институте работал брат Ираиды Семёновны, родной дядя Анны. Звали Владимиром. Он как раз гостил у родителей и собирался назад домой на своей машине. Узнав о скором приезде Анны, даже задержался немного. Он-то и предложил план, в котором, конечно же, не было места Прокопию. Поэтому очень озадачило всех, что с ней заявился странный тип, которого девушка представила очень коротко:

— Мой хвост. Зовут Прокопий.

Конечно же, бабка с дедом и дядька прямо-таки сгорали от любопытства, что это за хвост, и несколько успокоились, когда Анна клятвенно уверила, что Прокопий не приходится мужем. Решили так — дядя Володя на своей машине отвезёт родителей на дачу, а сам с Анной прямиком направится в Тамбов. Чтобы не возникло никаких сложностей, Прокопия отправят в магазин. Мол, только не спешите, дайте время женщинам закончить уборку в квартире.

Так и поступили. Когда Прокопий вернулся из магазина, то увидел возле

двери квартиры свою торбу. Он сразу догадался, в чём дело, но долго звонил в дверь. Конечно, никто не открыл. Прокопий вышел во двор, сел на бетонные плиты, решив ждать, сколько бы времени на это не понадобилось. Всё равно Анка появится рано или поздно, никуда не денется, олень быстро бежит, да скоро устанет, медведь тихо идёт, но оленя догонит.

Глава 4

Ещё несколько лет назад это была окраина города. Какие-то догадливые люди решили не сносить кирпичной кладки дома с полуметровой толщины стенами, а надстроить. И уже несколько зданий подняли выше на два этажа, покрыли сверкающими на солнце жестяными крышами, вписали лоджии, и получились даже с виду уютные жилища. Говорили, что квартиры в этих обновлённых постройках были двух уровней. В них поселились не самые бедные люди, о чём говорило солидное количество иномарок, что стояли на огороженной стоянке. Дворы пока ещё не были благоустроены, поскольку строительство района не закончилось, но можно было уже представить, как тут вскоре будет ухожено.

Мимо этого дома Олег Степанович Пелугин никогда прежде не ходил. Потом он скажет — судьба. Он искал магазин компьютерной техники, и ему подсказали, что есть такой в этом районе. Сам он жил в трёх остановках от этого места. На дворе дома не оказалось ни одной бабки. Олег Степанович скользнул взглядом по одинокой фигуре человека, сидевшего на железобетонных плитах, штабелем сложенных в стороне, и принял его за мальчишку. Из служебной двери рядом с подъездом две женщины вынесли бак с мусором и поставили на краю бетонного тротуара.

Олег Степанович подошёл к ним, поздоровался и спросил, как пройти к магазину. Оказалось — рядом, через дом. И одна из женщин обратилась к Олегу Степановичу, кивая в ту сторону, где сидел на плитах маленького телосложения человек.

— Третьи сутки сидит, — сказала она. — Подошли бы, мужчина, спросили — чего он сидит? Я уже участковому говорила, да тому хоть кол на голове чеши. Мы, говорит, такими мелочами не занимаемся. Сидит и пусть сидит. Вот если бы он убил кого. Подойдите, а? Что за тип?!

— А сами чего не подойдёте?

— Так ведь боязно.

— Кусается что ли?

— Мальчишки и те оставили в покое.

— Ну, чтобы мальчишки! Чего боязно-то?

— Да не знаем! А только боязно.

Показаться трусом было бы смешно, и Олег Степанович подошёл к незнакомцу.

— Здравствуйте! — по-простецки обратился к нему Олег Степанович. — Тебя как по имени?

— Я Прокопий, — важно ответил незнакомец.

Теперь Олег Степанович внимательней пригляделся к этому типу. Он сидел на верхней плите штабеля, свесив ноги, — хрупкий в кости, узкоплечий, угловатый.

Узкие глаза и широкие скулы выдавали инородца. Низкий в переносице и маленький нос был вздёрнутым, отчего ноздри казались вывернутыми, и это придавало лицу некоторую уродливость. Тонкие губы были плотно сжаты, но больше всего привлекли внимание Пелугина глаза этого человека.

Первой мыслью было — вороньи. Почему? Олег Степанович никогда не видел в близости глаза ворона, но почему-то представилась именно эта птица, что сидит на кургане и смотрит перед собой, не мигая, глазами без всякого блеска, потому что они чернее смолы и поглощают лучи света.

— Меня Олегом зовут. Будем знакомы. Чего сидишь-то?

— Я жених Анки. Потому сижу.

— Полная информация. Осталось выяснить — Анка тут живёт?

Олег Степанович показал на дом.

— Тебе чего надо? — с какой-то надеждой спросил северянин. — Захарка послал?

— Какой Захарка?

— Дедушка Анки.

— Нет, я не от него. Я сам по себе...

— Плохой человек Захарка, — нахмурился Прокопий. — Шибко дурной. Ты давай уходи.

Недовольный Прокопий отвёл взгляд и уставился в пустоту.

— Ну, зачем же, Прокопий, сразу гнать меня? Может, я тебе полезным могу стать? Чего не бывает!

— Зачем помогать пришёл? — насторожился Прокопий.

— Да не бойся ты меня! — легко махнул рукой Олег Степанович. — Я тебе вреда не сделаю. Ну, посмотри на меня — чем я опасен?

Прокопий уставился своими неподвижными глазами на Олега Степановича, словно удав какой. Пелугин с удавом не встречался, но читал, что уставится на суслика, к примеру, а тот с места двинуться не может. Даже хвостиком не пошевелит. Полный гипноз. Олег Степанович почувствовал какое-то неудобство в теле, словно мышцы обмякли. И более того — голова закружилась, даже тошнота подступила к горлу. Но, скорее всего, он сам себе внушил этакую чувствительность под непривычно неподвижным взглядом Прокопия.

— Вроде не здешний, — сказал Олег Степанович. — Откуда будешь?

— Север знаешь? Оттуда я.

— Север большой. А как сюда попал?

— С Анкой приехал. Захарка Анку спрятал. Сам спрятался. Плохой человек Захарка. Теперь Анки нету, Захарки нету. Анку искать надо.

— Как понимаю, тебя обдурили? Не обокрали хоть?

— Помогать пришёл? Давай Анку находи, много денег дам. Шибко много.

Для убедительности он вытащил портмоне и раскрыл. Там плотной стопкой лежали доллары.

— Сколько надо? — спросил Прокопий.

— Найду, тогда и заплатишь, — сказал Олег Степанович. — Такие деньги в кармане носишь. Не боишься?

— Я никого не боюсь, — твёрдо произнёс Прокопий, и снова Олег Степанович почувствовал некую оторопь, будто вороний взгляд этого маленького человека кольнул мозг.

«Не на шамана ли наткнулся? — подумал Олег Степанович. — Вот кто мне нужен!»

— Ладно, приятель, — бодро заявил Олег Степанович. — Никуда Захарка от нас не уйдёт. Ты мне только квартиру назови. Будет адрес, будет телефон. А там...

— Анку найдёшь?

— Как нечего делать. А сейчас пойдём со мной.

Прокопий недоверчиво хмыкнул и стал слезать с плит. Ростом он оказался метра полтора, не больше, а как пошли рядом, то Олег Степанович удивился и походке нового знакомца — он ступал мягко, с носков на пятку, и так не слышен был его шаг, словно и не касался земли. Должно быть, таёжная охотничья привычка.

Сам Олег Степанович Пелугин внешним своим видом ничего особенного не представлял, в толпе не отличишь, — среднего роста, не очень крепкого сложения, тёмные волосы гладко причёсаны, и лицо тоже какое-то гладкое, чисто выбритое и слишком правильное, словно собрано из стандартных заготовок — подбородка, губ, носа, лба... Но если бы кто-то заглянул в душу этого внешне обычного человека, то ужаснувшись, крестным знаменем осенил бы себя. Коль оказался бы православным, конечно. А коль нет, то плюнул бы только и в сторону отошёл.

Каждый человек хорош или плох, благороден по сути или негодяй, и даже самые сложные, самые противоречивые натуры не так уж замысловато устроены, чтобы не разобраться, кто же перед тобой. Однако сказать что-то определённое о Пелугине было просто-напросто невозможно. Оставалось пожать плечами да пробормотать невнятно — чёрт его поймёт!

А всё это объяснялось тем, что всё нутро Олега Степановича сжигала непомерно большая обида, с которой ему не с кем было поделиться, потому что никто и не понял бы, как она велика и неодолима. Обида, конечно. Да и кому было дело до переживаний Олега Степановича, человека одинокого и по натуре скрытного.

Природа не обделила его умом. Он легко схватывал многие знания, правда, был чистейшей пробы гуманитарием и не мог осмыслить, к примеру, как бежит по проводам электрический ток, но целыми страницами воспроизводил на память прочитанные и полюбившиеся книги. Мать и отец, единственным отпрыском коих он являлся, были простыми людьми, без претензий, в своё время учительствовали в провинциальном городке и жили в какой-то умирительной эйфории, считая свою жизнь осмысленной и полезной. Они пробудили в сыне совесть, вдолбили нравственные понятия, которые остались с ним, как родимые пятна. Чёртово воспитание! Сколько раз он страдал из-за него! Там, где надо локтями работать, уступал, говорил правду, когда о ней и заикаться не стоило, стеснялся польстить начальству, не был способен на обман и думал, что способного человека и так заметят. Ага, дождёшься! Но не было смысла корить родителей, они умерли.

Работал Олег Степанович старшим научным сотрудником в институте истории при Академии наук, со своими обязанностями вполне справлялся, зарплату получал терпимую, и в свои тридцать пять лет в академики не метил, хотя случись такая лафа, не отказался бы. Но ему было совсем даже не до карьеры, душа его разрывалась от боли — от него ушла жена. С той минуты, как за ней захлопнулась дверь, Олег Степанович только и думал о ней.

В силу родительского воспитания Олег Степанович старался ладить с людьми и никогда не желал им плохого. Но впервые он страстно хотел, чтобы женщина по имени Ольга Катышева не радовалась жизни. И было бы полным утолением мести для Пелугина, если бы она тяжело заболела, к примеру. Однако Катышевой было чуть за тридцать, при этом отличалась отменным здоровьем, цвет лица даже после бессонных ночей поражал свежестью. Олега Степановича раздирала досада, что она беспечна, что ей хорошо под солнцем, и так будет продолжаться долго, чего доброго, Ольга переживёт его, ещё и придёт на похороны в чёрном кокетливом платье.

Вот если бы прелестный носик Катышевой прыщи облепили! Но этого не случится, не такой везучий человек Пелугин, чтобы так подфартило. Да к тому же ушлые нынешние косметологи выведут любые прыщи. Было бы справедливо, скажем, если бы Катышева умирала долго и в муках да ещё на его, Пелугина, глазах. Мысли наши бывают куда как ужасней наших поступков. Но Олег Степанович всё-таки своё воображение умирал, не доводил предательницу до смертного исхода, а каким-то чудом спасал Катышеву, за что она — конечно же! — будет ему по гроб благодарна.

Сердце бедного Пелугина раздирала неутолённая месть брошенного мужа, и он не находил выхода.

Жил Олег Степанович в однокомнатной квартире самой что ни на есть типичной планировки. Кухонный гарнитур десятилетней давности. Того же возраста сервант и диван с креслами. Да книги. Они занимали всю глухую стену. Вот и весь домашний мир Олега Степановича. В первое время совместной жизни с Ольгой Катышевой много строилось планов по обмену квартир, у неё тоже была однокомнатная, но всё как-то не находилось времени вплотную заняться хлопотами, а потом пошли разлады.

Если бы тогда поселились в одном жилье, было бы ей некуда бежать, а так оставался надёжный тыл. Однако в душе Олег Степанович не верил, что Ольгу Катышеву что-то может остановить, если её понесло. Пелугину приходилось видеть упрямых людей, но любой настырности есть предел. Ольга же не признавала узды над собой, как норовистая лошадь, своим чувствам отдавалась так, что к разуму призывать было бессмысленно. Она в благодушном настроении повторяла, смеясь: «Моё постоянство — в непостоянстве». И это было действительно так, Ольга не могла быть долго привязана ни к кому, ни к одному человеку.

По наивности Пелугин женился на ней в надежде взять её в руки. Да и была она в ту пору в таком жалком состоянии, что казалось — наконец-то одумается и успокоится. «Я её подобрал, как увечную куклу на свалке,— думал Олег Степанович.— Привёл в чувство, а она отблагодарила изменой. Дрянь!»

— Кушать хочешь? — спросил Пелугин Прокопия, когда привёл к себе на квартиру.— Может, ванну примешь?

— Ванна не надо,— поморщился Прокопий.— Кушать можно.

Был он явно голоден, может быть, и не ел все эти дни, сидя на плитках, но к еде приступил неспешно, съел всего два бутерброда с колбасой и выпил большую кружку чая. Да много ли ему надо, худосочному!

— Слушай,— предложил Олег Степанович.— Давай проведём маленький эксперимент.

— Что это такое? — важно спросил Прокопий.

— Небольшой опыт. Понимаешь, какое дело? Вот сейчас у меня совсем не болит голова. А ты можешь сделать так, чтобы она заболела? Не спрашивай пока — зачем мне это надо? Я скажу потом.

— Нет.

— Что означает твоё «нет»?

— Я не буду...

— То есть ты не будешь, но можешь?

— Не скажу.

— Почему не скажешь? Я же помогу найти Анку.

— Ты хитрый.

— Да все по-своему хитрые. И ты, должно быть, хитришь иногда.

— Не хитрю.

— А вот и неправда! Ты же охотник, небось.

— Охотник.

— Чтобы зверя поймать, надо его обхитрить. Верно?

— Нет. Зверь хитрит. Я ему честно говорю — поймаю. Я не вру. Мне кушать надо, говорю. Деньги надо. Начальник так деньги не даёт. Ему носи шкурку. Я зверю всё говорю.

— Так и я не хитрю, — клятвенно прижал к груди ладонь Олег Степанович. — Я тебе прямо говорю — сделай так, чтобы у меня заболела голова. Мне это очень нужно. Если ты этого не сделаешь, то я ещё подумаю, помогать тебе или нет. Усекаешь?

Олег Степанович понимал, что единственная слабость этого человека — Анка. Ничем и никак его больше не пронять. И на самом деле угроза подействовала. Прокопий неотрывно смотрел на Пелугина тем пронзительным взглядом, к которому нельзя было привыкнуть. И тут словно током ударило в голову Пелугина, он никогда прежде не испытывал такой острой пронзительной боли. Он даже не успел закричать, а только дёрнулся, выгнулся в спине и раскрыл рот. Но боль уже отпустила.

— Это ты? — глухим голосом спросил Олег Степанович, чувствуя, как засосало под ложечкой от страха, и коснулся кончиками пальцев головы.

Прокопий молчал. Взгляд его стал не столь напряжённым. Пелугин чувствовал себя так, словно превратился в беспомощного мышонка, а кот только на время отпустил его из своих острых когтей.

— Ну, давай устраиваться, — предложил Олег Степанович, полностью уверившись, что дело имеет с шаманом.

Он достал из чулана раскладушку и постель, предложил спать в прихожей. К ним никто не придёт, никто не помешает. Но Прокопий выбрал балкон, благо тот был пуст, стояли только в углу дружной семейкой пустые бутылки из-под «Муската», любимого напитка Пелугина. Водка на него действовала угнетающе, он от неё тупел.

— Когда Анку найдёшь? — спросил Прокопий.

— Вот кончится рабочая неделя, — обещал Пелугин, — и займусь вплотную. Два денька погоди уж.

Забрав свою замшевую котомку, Прокопий вышел на балкон и закрыл за

собой дверь. В дальнейшие два дня Прокопий никак не докучал своим присутствием, по обыкновению безвылазно сидел на балконе и неизвестно о чём думал. На улицу Прокопий выходил ночью, возвратившись после прогулки, бесшумно проходил через комнату к своей раскладушке.

— Чего днём не пройдёшься? — спросил Олег Степанович. — Парк недалеко. Погулял бы. Мороженого поел.

— Шибко жарко, — сказал Прокопий.

А уже наступил июль, и погода действительно стояла очень знойная, для северянина, видимо, была мучительной. Балкон находился в тени, только вечером туда заглядывало уже усталое солнце.

Ругая себя и мучаясь совестью, Олег Степанович однажды в отсутствие гостя прошёл на балкон, развязал тесёмку и порылся в замшевой котомке Прокопия, но ничего любопытного не обнаружил. Там оказались сменная рубашка, штаны, утеплённая болонья куртка и сухая рыба в тряпичном мешке, должно быть, съестной неприкосновенный запас.

С пиджаком Прокопий не расставался, видимо, в кармане хранил деньги. В первый же день гость выложил на стол пятьдесят долларов в одной купюре и сказал, что это на еду. Если, мол, не хватит, то он добавит. Откуда у них там, в тайге, американские гроши? Но Пелугин спрашивать не стал. К чему лишние разговоры. У него зрел великий замысел.

Прокопий ел очень мало, в основном, хлеб и колбасу. Но особенно любил гонять чай, при этом сахару накладывал так много, что всегда оставался осадок.

— Чай не пьёшь, какая сила! — любил повторять Прокопий с полной серьёзностью.

Удивило и то, что Прокопий очень не любил мыться, при этом от него не пахло. Он совершенно не потел, тело у него было всегда сухим, как у мумии. Пелугин старался приучить его к ванне, наполнял водой и уговаривал просто полежать. Иногда Прокопий соглашался, но даже в таких случаях пиджак брал с собой и закрывался на задвижку.

— Что ж мыться не любишь? — не выдержал и спросил как-то Олег Степанович.

— Грязный моется, — спокойно ответил Прокопий. — Я чистый.

Говорил Прокопий по-русски без малейшего акцента, но предложения строил короткие, словно лень было языком шевелить, не пристанешь с вопросами, так и будет молчать до скончания века.

Не однажды Пелугин замечал, как Прокопий сидит поперёк раскладушки, привалившись к простенку под окном, и смотрит на небо. Пожалуй, это была его излюбленная поза. Пелугин уходил на работу, видя над подоконником неровно подстриженный затылок Прокопия, и, возвращаясь, заставлял его в том же положении. Не часами, а целыми днями Прокопий мог смотреть на небо, и ему это не прискучивало.

На этот раз небо было затянуто облаками. Какое удовольствие смотреть на размытую муть? Подойдя к открытой двери балкона, Олег Степанович прислонился плечом к косяку и сбоку посмотрел на Прокопия. О чём-то же думает человек. Нельзя же бессмысленно таращить глаза на небо!

— По дому тоскуешь? — спросил Олег Степанович.

Прокопий прикрыл глаза, на его лице ничего не выразилось — ни досады, ни раздражения.

— Там мой отец, — не сразу ответил Прокопий.

— За облаками?

— Да, за ними.

— И как зовут отца?

— Зачем тебе знать?

— Это Бог.

— Нет. Не Бог. Он человек.

— Живущий за облаками? Космонавт что ли?

— Ты не веришь. Зачем спрашиваешь?

В голосе прозвучало недовольство, и Олег Степанович не стал приставать, смутно чего-то опасаясь. Он ушёл, полез под душ и стоял там полчаса. Потом надел халат и прошёл в комнату. Макушка Прокопия не маячила за окном, значит — задремал. Днём он любил сидеть на раскладушке, а на ночь спускал постель на пол, видимо, привык спать на твёрдом ложе.

Олег Степанович выключил свет, бросил на спинку стула халат и забрался в постель. И тут увидел тёмный силуэт Прокопия в дверях балкона. Даже вздрогнул от неожиданности.

— Ты чего поднялся? — спросил Олег Степанович.

— Найди Анку. Ты обещал найти Анку.

— Прямо вот сейчас вскочу и буду искать. Может, утра дождёмся?

— Мне надо домой с Анкой ехать.

— Тебе надо! А если не найду?

— Тогда ты плохой, — сказал спокойным голосом Прокопий. — Обманул, как Захарка. Шибко плохой.

— А плохие должны умереть? Так по-твоему?

— Зачем тебе говорить? Ты всё равно не веришь.

Прокопий пошёл из комнаты в кухню, и слышно было — наполнял чайник водой из крана. Олег Степанович опасался, что гость с газовой плитой не шибко-то привык обращаться и поспешил на помощь. Но Прокопий уже поставил чайник на огонь.

— Раз такие дела, — начал Олег Степанович, — раз выхода у меня нет — хочешь жить, найти Анку! — то я хочу поставить своё условие. Баш на баш.

Прокопий сел на табурет возле окна и отвернулся к окну. По всему было видно, что ни о чём он договариваться не собирается, ему давай Анку и все дела.

— Не примешь моё условие, — добавил Олег Степанович, — пальцем не двину, хоть что делай. Тогда кукуй без Анки. А меня можешь убивать. Я и так жить не хочу.

Не поворачивая головы, Прокопий сказал:

— Что ты хочешь?

— Я хочу рассказать о своей бывшей жене. У тебя же как? Хорошие и плохие. Так она хуже всех плохих.

— Расскажи о своей жене, — попросил Прокопий.

Глава 5

Впервые Пелугин увидел Ольгу в компании мало знакомых людей. Попал он туда по чистой случайности, его потащил с собой Сашка Зыков, приятель по студенческим годам. Пелугин зашёл к нему, чтобы забрать книгу, хорошо зная привычку Сашки не возвращать взятое. Это был умный, но совершенно безалаберный человек. Голова его была забита всем, чем только угораздило, мог говорить часами, отхлёбывая дешёвое креплёное вино, о пользе монгольского нашествия на Русь или о вселенском разуме, который и есть Бог. При этом ему ничего не стоило тут же переключиться на природу дождевых червей или народные способы борьбы с прыщами. Книги он читал поразительно быстро, что говорится — глотал, просыпаясь рано, а вечерами допоздна бражничал с друзьями, чуть ли не каждый раз напиваясь в стельку. Был безобиден, всем совал прочитанные книги, сам хватал из чужих домашних библиотек, что приглянулось, и давно запутался, у кого что брал и что чужое, а что своё. Его за то любили, что он никому не делал зла. И с ним было нескучно.

Этот человек, который был старше Пелугина лет на десять, но которого почему-то все звали Сашкой, и стал виновником знакомства с Ольгой Катышевой. В его квартире собралась компания, было человек семь мужчин и три женщины. Пелугин уже не помнил, по какому поводу люди собрались, может быть, просто так, по хотению души. Ольгу Катышеву он увидел сразу и уже ни на миг не забывал о её присутствии.

Голоса не умолкали, разговор шёл о политических событиях, делались прогнозы и повторялись вечные вопросы — кто виноват и что делать? Но случилась маленькая пауза, кто-то уронил тарелку и разбил. В этот миг в комнате раздался приятный с грудными нотками голос Ольги Катышевой:

— Выпьем за любовь! — она держала в руке фужер с красным, как кровь, вином. — Жить стоит только ради любви!

Ольга окинула всех взглядом, чуть дольше остановилась на Сашке Зыкове и улыбнулась.

— Ольга как всегда права, — сказал Зыков, запрокинул голову и вылил рюмку водки в раскрытый рот.

Не любивший компании и пустые разговоры Олег Степанович с грустью подумал, что делать ему в этой компании нечего, приглянувшаяся женщина не по его малому чину. Таких возят в дорогих машинах и приглашают в рестораны, где его зарплаты на бутылку коньяка не хватит, а потому не стоит маяться дурью и надо отчаливать.

— Ну, и где же моя книга? — спросил он Сашку Зыкова, тронув за плечо.

Тот как раз усиленно доказывал, что в политику лезут одни прохиндеи, и не сразу понял вопрос Пелугина.

— Погоди ещё немного, — прямо-таки взмолился он. — Будь добр, поставь кипяток. Кофе хоч, умираю.

Ничего не оставалось делать, поплёлся на кухню, наполнил чайник из-под крана и установил на плиту. Возвращаться в гостиную не хотелось, и он, опершись руками о подоконник, смотрел на соседние дома, в окнах которых уже начали зажигаться огни, хотя сумерки только подступали.

— Меня зовут Ольгой.

Шагов её Пелугин не слышал, потому что как раз зашумел чайник.

— В этом доме не принято представлять друг друга,— усмехнулась она, остановившись рядом.— Но я любопытствовала и знаю, что вас зовут Олегом. Вот мы и познакомились.

Впервые он видел её так близко, можно коснуться рукой. Какая ж она была красивая! Как потом сам же и признался Ольге, он в ту минуту чуть не задохнулся от нежности. Когда подошла она и заговорила, а он повернул голову и увидел её лицо рядом, именно это чувство охватило его — безграничная нежность. словно огромная морская волна подняла его, Пелугина, и понесла в кипящей пене. Влюбился Олег Степанович в один миг, восторженным сделался, умильным, потеряв привычную рассудительность.

Ольга смотрела на него и всё понимала. Она засмеялась, показав ровные белые зубы, а от смеха лицо её стало ещё милей. Мало на свете людей, которые красиво смеются. И Олег Степанович считал, что это обязательно хорошие люди. Он был уверен, что перед ним стоит ангел чистоты. Любовь ударила в голову, как хмель. Олег Степанович даже о книге забыл, согласившись проводить Ольгу.

А возле своего дома Ольга не спешила уходить.

— Не хотите чаю? — вдруг предложила она.

В кухне продолжалась довольно милая беседа, как вдруг кто-то своим ключом стал открывать входную дверь. Олег Степанович осёкся на полуслове, а Ольга невинно сообщила, что это муж пришёл с работы.

— У нас новый знакомый? — со скрытой насмешкой спросил муж, среднего роста худощавый человек, и пошёл в ванную.— Позвольте сполоснуть руки.

Затем, появившись в кухне, обменялся рукопожатием, назваля Вадимом, сел к столу и с видом уставшего до смерти человека посмотрел на Пелугина.

— Где служим?

— В Академии наук,— ответил Олег Степанович,— старшим научным сотрудником.

— Везёт же людям! — улыбнулся муж Ольги.— Академия наук! Когда мою жену спрашивают, чем я занимаюсь, она отвечает: «Чинит провода в метро». Чёрт бы забрал эти провода при нынешнем бардаке!

— Может, не будешь ругаться? — спросила без всякой интонации Ольга.

— Пойду я,— поднялся Олег Степанович.— Уже поздно.

Его не стали удерживать, Ольга проводила до дверей, Вадим крикнул с кухни:

— Заходите!

— Не стесняйтесь,— поддержала мужа Ольга.— Мы без комплексов.

— Я мог бы позвонить прежде,— покосился Пелугин на телефон.

Ключок бумаги с номером телефона положил в карман. Олег Степанович так и не понял, что за отношения между супругами, но не это его занимало. Лицо Ольги стояло перед глазами, и это было каким-то прямо-таки наваждением. Пелугин не помнил, чтобы нечто подобное случалось с ним раньше. Спал в ту ночь беспокойно, проснулся больным, и первым желанием было позвонить ей, но удержался. В муках выждал неделю и набрал номер. Она ответила и заговорила с ним так, словно они уже старинные друзья.

Между ними возникла странная связь. Ольга знала, что он любит её, об этом не трудно было догадаться, и явно одобряла его чувство, но сама оставалась в какой-то нерешительности. В глазах её всегда светилось некое тайное обещание, как виделось Пелугину, однако стоило поцеловать её руку, как тут же исчезала с её лица приветливость. Он уже начал подумывать, что не пришёлся ей по душе и не светит ему взаимность.

Теперь-то Олег Степанович понимал, что она всех мужчин держала на одинаково коротком поводке, на равном отдалении, а уж сама выбирала, кого более приблизить. Когда в компании замечала, что кто-то из гостей начинает слишком открыто ухаживать за кем-то из её же подруг, тут же становилась между ними. Она всегда хотела быть первой и единственной. Но это были более поздние открытия, а в первый год знакомства Олег Степанович склонен был думать, что Ольга для нашего времени необычайной порядочности женщина. И он, Пелугин, и её мизинца не стоит.

Но с каких-то пор Ольга стала намекать, что тяготится мужем и подумывает о разводе. Олег Степанович прямо-таки воспрянул духом и уже думал не только об одном её мизинце. Он не мыслил своего будущего без Ольги, все его страстные мечтания были связаны только с ней.

Встречались они довольно часто, то он навещал её дома, прихватив бутылку вина и цветы, то она приглашала в какую-нибудь компанию, но к нему на квартиру ни разу не пришла, хотя он и звал.

— Как-нибудь обязательно, — говорила Ольга. — Квартира говорит много о хозяине. Хочу посмотреть.

Теперь они уже по праву могли называть себя старыми друзьями, прошло более года с первой встречи. Но тут случилась непредвиденная история, которая чуть не свела с ума бедного Олега Степановича.

Как-то Олег Степанович решил навестить Зыкова и вечером нагрязнул в гости неожиданно, что было в его привычках. Сашка в одиночестве пил дурное дешёвое вино совхозного производства и пребывал в меланхолии.

— Мне сорок два года, а я ничего не сделал, — уныло заявил он, посадив Пелугина за стол.

— Пьёшь по этому поводу? — спросил без интереса Олег Степанович.

— Страшные мысли в голову приходят. — Он был уже довольно пьян. — Ужасные! Природа одарила меня умом. А память? У меня потрясающая память! Но при этом я бездарь.

— Кто это сказал?

— Я говорю. Меня принимают не за того.

— Кто принимает не за того?

— Та же Ольга.

— И что она?

— Она придумала меня. Считает, что гений. Это бывает с женщинами её типа. Ещё не вывелась. Но я подлец — пользуюсь. Ты знаешь — я сплю с ней.

— И давно? — спросил Пелугин, чувствуя, как сердце тяжелеет в груди, будто каменеет.

— Да с полгода уже.

— Поздравляю.

— Ну, что мне было делать? Если женщина сама ведёт в постель, то глупо отказываться. Но ведь однажды у неё откроются глаза. Она поймёт, что я бездарь. Как же будет меня ненавидеть! Я боюсь этого момента.

— А ты не бойся, — посоветовал Олег Степанович, чувствуя, как отвратителен стал ему этот патлатый и неухоженный человек.

— Может, ты прав. Это подарок судьбы.

— Так и относись.

— Чёрт побери! Но почему при моём уме я бездарь!

— Разберись на досуге,— посоветовал Пелугин.— А я вспомнил — мне надо идти.

Ему казалось, что после этого разговора ни за что и никогда не заговорит с Ольгой. И слова не скажет, и не глянет в её сторону. Но когда она позвонила, то тут же и ответил на её приветствие.

— Поехать бы куда,— вздохнула она.

— Куда?

— Не знаю. Сесть и укатить. Хоть на электричке.

— Что так?

— Задыхаюсь дома. У тебя есть выходные?

— Естественно.

— В субботу как?

— Свободен.

— В лес хочу. Подальше от людей. Договорились? Встретимся утром в девять на вокзале у пригородных касс.

И положила трубку.

Давно ли Олег Степанович из-за этой Ольги презирал всех женщин мира, находя их лживыми, погрязшими в похоти. Он говорил себе, что для этих существ отсутствует мораль, они живут только для себя, движимы животными желаниями и глупы. А теперь уже, после звонка, понял, что пойдёт на вокзал. Ещё ничего не подумав, не решив, не взвесив, уже знал, что побежит на встречу. Чего же тогда стоили его недавние мысли?

И он нашёл успокоительное решение — можно дурно думать о женщинах, но при этом не обходиться без них. Чтобы не разочаровываться, не надо очаровываться — вот что важно для мужчины. А уж что касается Ольги, так она больше не учинит ему боли, потому что он будет начеку.

И утром в субботу Олег Степанович оказался на железнодорожном вокзале возле пригородных касс. Даже цветочек купил, свежую одинокую розу. Ольгу увидел издали, она легко взбежала по лестнице из подземного перехода и на миг остановилась, поправляя на плече постромку небольшой дорожной сумки. Одетая была привычно — в джинсы и облегающую кофточку. Олег Степанович подумал, что если бы и не знал Ольгу, то всё равно сразу и заметил бы её среди озабоченных суетливых людей. Светлым ангелом показалась она ему среди вокзальной серости. И сердце окунулось в тепло, когда она остановилась перед ним, сияя глазами, и сказала:

— Здравствуй, Олежка!

Он не помнил, о чём они говорили, должно быть, о разных пустяках, но ему было несказанно хорошо быть рядом с Ольгой, видеть её весёлое лицо и самому беспричинно смеяться. В тот день они вышли на какой-то пятой или шестой остановке электрички, попали прямо в лес, долго бродили по нему, сидели на пнях и пили из термоса кофе с коньяком. Говорили непрерывно, перебивая друг друга, словно было чрезмерно важно сообщить, что они думали о том, чего касался разговор.

— Смотри, какой большой муравейник!

— Ты права — просто редкостно большой.

— Бегут, спешат, трудятся... Как люди. И не знают, что мы стоим над ними.

Что мы можем разрушить их мир.

— И над нами, должно быть...

— Да обязательно! Кто-то над нами стоит, и мы не имеем представления о нём.

Хороший был день, отрадный. С того дня вошло в привычку по субботам уезжать из города и неважно — куда. Садилась на первую электричку и ехали.

Но в тот первый день уже по возвращению на вокзал Ольга остановила его в толпе и коснулась ладонью его груди.

— А я ведь чуть не влюбилась, — сказала она с какой-то жалкой не своей улыбкой. — И представляешь в кого?

Пелугин молча ждал.

— В Сашку Зыкова. Что со мной было? Понять не могу... Наваждение какое-то. Это же такой пустобрех! И главное — бездарь!

И уже Олег Степанович готов был простить Ольге все её заблуждения и свято верил, что горький опыт жизни облагоразумил эту женщину. С того часа Ольга вела себя с ним так, словно была маленькой наивной девочкой, которая нуждалась в том, чтобы кто-то взрослый и сильный вёл её за руку. Чуть ли не со слезами слушала она любые рассуждения Пелугина и повторяла часто вовсе некстати:

— Да, да, жить надо чисто, благородно... Душа — это всё. Как верно, как верно... Кто это сказал? Лев Николаевич? Как это хорошо... Как это правильно...

Однажды, во время очередной прогулки в лесу, Ольга сообщила, что развелась с мужем.

— Я не могла жить с человеком, которого не уважаю.

— Он любит тебя, — почему-то сказал Олег Степанович, чувствуя, как всё его существо охватывает щекотная радость.

— Может быть, — пожала плечами Ольга. — Но я не люблю.

Она приблизилась к нему и положила ладошку на его грудь.

— Ты любишь меня, Игорёк. Я знаю. Только не торопи время. Дай мне созреть. Я отношусь к тебе очень серьёзно. Может быть, ты у меня единственный. Дай разобраться самой.

Человека всегда подводит его собственная самоуверенность, она усыпляет спасительную бдительность. Непонятно почему, но Олег Степанович поставил себя выше тех мужчин, что до этого попадались на пути Ольги Катышевой. Трогательные слова, умильный голос и женская красота Ольги своё дело сделали, Олег Степанович уже нисколько не сомневался, что отныне он, Пелугин, её избранник, что в никакое море страстей Катышева уже не выйдет, а будет жить с ним на берегу, вкушая — так сказать — земные радости.

Все беды от излишней самоуверенности... В этом Олег Степанович вскоре ещё раз убедился.

В скором времени Ольга переехала жить в квартиру Пелугина. Устраивать свадьбу она не захотела, потому что никого из прежних знакомых не желала видеть. Они расписались, как и положено, посидели в кухне за бутылкой шампанского и стали жить да поживать. Так прошло около года. За это время несколько раз приглашала в гости двоюродная сестра Пелугина, но он отнекивался. А тут опять — звонок. И опять Римма зовёт в гости.

— Кто звонил? — спросила Ольга.

— Родня.

— Вот это здорово! — неожиданно обрадовалась она. — Я не знала, что у тебя в городе есть родня.

— Оказалась.

— Чего ж молчал?

— Не знал, что тебя заинтересует.

— Мне дико интересно.

— Да с чего бы?

— Может быть, хочу знать твою родню. Или просто хочется в гости. А то всё дома и дома.

— Ну, поедem в субботу.

Была весна, конец апреля выдался сухим и солнечным. Женщины, скинув зимние одежды, казалось, состязались в том, кто меньше на себя нацепит тряпок. Из этого Олег Степанович заключил, что страсть обнажаться сидит у них в крови, но он за это не осуждал их. Теперь был терпим к слабому полу, забыл прежнее презрение и улыбался встречным взглядам. Но Ольга перещеголяла самых смелых, её зелёное платье из какого-то плотного материала было значительно выше колен и с короткими рукавами. Оно так плотно облегалo тело, что вроде бы и не служило прикрытием. А фигурка была точённая, без единого изъяна. Пелугину казалось, что вся многолюдная улица только и смотрит на Ольгу.

Конечно же, Виктор и Римма обрадовались гостям. Хозяйка рассыпалась в благодарностях, что пришли, хотя она совсем даже не надеялась, вывалила из холодильника, что только было там, зажгла все конфорки и стала готовить. Она выгнала с кухни всех, не желая помощников, и велела Виктору заняться гостями.

Почему-то запало в памяти из того вечера, как Ольга удивилась, увидев в прихожей двухпудовую гиру.

— Неужели можно поднять? — коснулась она её носком туфельки. — Удиви, Олег.

— Это по его части, — сказал Олег Степанович и похлопал Виктора по плечу.

А тот молча поднял гиру, несколько раз выжал, перебросил в воздухе с руки на руку, ещё чуть поиграл и поставил на пол. Олег Степанович заметил, как сосредоточенно смотрела Ольга на упругий мускулистый торс Виктора, обтянутый тенниской.

— Вот это я понимаю! — восхитилась она и вдруг заспешила на кухню. — Пойду, помогу.

Мужчины прошли в комнату, устроились на диване и уткнулись в телевизор. Говорить было не о чём, изредка перебрасывались замечаниями по поводу передачи, Олег Степанович рассказал старый анекдот, Виктор рассмеялся больше из вежливости и сам вспомнил смешной на его взгляд случай.

Потом появились женщины. Мужчины помогли им накрыть стол. Олег Степанович с удовлетворением отметил про себя, что Римма и Ольга успели на кухне расположиться друг к другу и вели себя, как старые подружки. Римма даже улучила момент и шепнула Пелугину:

— Она прелесть!

Застолье прошло весело и непринуждённо, женщины не могли наговориться друг с дружкой, так оказалось много общего между ними. Олег Степанович несколько раз замечал напряжённый взгляд Виктора, направленный на Ольгу, но ничего удивительного не нашёл в этом. Все мужчины заглядывались на неё. Что тут нового!

Хозяева проводили гостей до станции метро, которая находилась поблизости. Женщины шли, тесно прижавшись плечами, и продолжали о чём-то щебетать, а мужчины следовали, чуть отстав. После водочки говорилось легче, Виктор оживлённо рассказывал, как он с друзьями рыбачил зимой на Браславских озёрах, и без всякого перехода заметил:

— Такую женщину найти трудно, а удержать невозможно.

— Ты об Ольге? — опешил Олег Степанович.

— Поздравляю, свояк, и сочувствую!

Хохотнув, Виктор обнял Пелугина и похлопал по спине. Женщины поцеловались на прощание. Виктор неожиданно сорвался с места и кинулся на проезжую часть улицы. Перед ним с визгом затормозила машина. Виктор коротко поговорил с водителем и махнул рукой.

— Ольга! Олег! Прошу!

Ольга, смеясь, побежала. Виктор открыл перед ней дверцу. Пелугину ничего не оставалось, как тоже сесть в машину. Виктор бросил ему:

— Я заплатил.

И хлопнул дверцей.

Дальнейшие события развивались стремительно и без участия Олега Степановича. Он о них узнал от Риммы, которая пришла к нему, потому что негде было заночевать. Она-то и рассказала, как Ольга зачастила к ним, каждый раз находя повод. Римме даже в голову не приходило ничего дурного, потому что Ольга вела себя искренне. Она показалась очень интересной подружкой. С ней всегда было о чём поболтать. К тому же у неё была масса знакомых, работавших то в оздоровительном комплексе, то пошивочном ателье, то супермаркете. А иное знакомство дороже денег. Римма чувствовала, как иначе стала жить, как расширился круг её интересов.

Каких-то подозрений к мужу вообще не возникало. Наоборот, приходилось иногда защищать Виктора, Ольга открыто посмеивалась над ним и называла солдафоном.

— Ой, что ты можешь понимать! — могла отмахнуться она от совета Виктора. — Это женского, то бишь тонкого ума дело.

Обычно Виктору удавалось подстраиваться под её отпуск, а сама Римма работала на часовом заводе, где коллектив был большой, и люди выходили на отдых строго по графику. А на этот раз у мужа чего-то не заладилось, какие-то дела надо было закончить, и Римма с дочкой поехала в деревню к матери. Толком и не отдохнула, всё беспокоилась, как там Виктор без неё, впервые расстались на такое долгое время. И через полторы недели, оставив дочку у бабушки, Римма нагрязнула домой.

А там хозяйничает Ольга. В подлинном смысле — хозяйничает. В коротком халатике, грудь распахнута, вся такая домашняя, что умилиться можно, утреннее кофе готовит Виктору. А тот в ванной усы подбривает и напевает что-то. Нежданное появление законной супруги не смутило Ольгу. Это больше всего поразило Римму. Ни один мускул не дрогнул на лице, как говорят в таких случаях. Она смотрела на бывшую сердечную подругу с таким видом, будто и знакомы-то не были. Видать, подготовилась к встрече. И ещё больше поразили Римму первые слова, что выкрикнула Ольга.

— К тебе, Витя!

Тут не только дар речи потеряешь. Тут... Как только устояла на ногах! Как не грохнулась на пол! К стенке привалилась и смотрела на мужа. А тот повернулся от зеркала и удивление выразил на лице. Потом сказал:

— Пройди в комнату. Я сейчас.

— Он всё объяснит, — добавила Ольга.

Объяснять тут нечего было. Римма выбежала из собственной квартиры и на улице чуть не угодила под машину. Она не понимала, куда идёт и зачем, заблудилась в родном микрорайоне. Видимо, на время тронулась умом. Потом немножко прояснилось в голове, и она пожалела, что оставила голубков. Надо

было выцарапать глаза милой подружке. Но не стала возвращаться, Виктор наверняка ушёл на работу, а Ольга едва ли осталась одна в квартире, зная, что у Риммы есть ключ от входной двери.

Уж лучше бы потолок обрушился на голову Олега Степановича, чем это известие. Он был настолько подавлен навалившимся горем, что сидел на кухонной табуретке с таким обречённым видом, словно его парализовало. И лицо, должно быть, показалось страшным, потому что Римма встревожилась, даже забыв на время о своих горестях.

— Олег, не бери близко к сердцу, — захлопотала она вокруг него. — Какая же я дура! Не подумала о тебе...

В стакан налила воды из крана, поднесла. «Как же так можно? — обречённо думал Олег Степанович. — Это же... Это же подло!» Каким же он был глупым, что снова поверил этой женщине. Она уверила его, что едет к подруге, та приболела. Её не было пять дней. По телефону созванивались, была малословной и какой-то раздражённой. Пелугин мешал ей своими звонками. Оказывается, всё это время она была с Виктором. Что можно после этого думать о женщинах?

— Какая актриса! — говорила Римма. — А? Я даже не заметила, когда они снюхались. Но скажи... Скажи, Олег, зачем ей это надо?

— О чём ты?

— Ей Виктор не нужен. Я женщина, я понимаю... Я сердцем чувствую — не нужен.

— Зачем же разбила семью?

— Ума не приложу! Я ходила, ходила по улице, думала, думала... Нет, Витька ей не нужен. Они разные. Витька только мой. И он, дурак, это знает. Он на коленях меня умолять станет, чтобы простила. Вот увидишь! Он мужик, кобель. Побегал за сучкой. Все вы такие! Побегает и вернётся в свою семью. Ещё вопрос — примем ли мы назад. Но ей-то зачем понадобилось так больно меня поранить? Сердце же разорвала на части!

Потом всё вышло так, как она и говорила. Римма перешла в общежитие для малосемейных и забрала дочку. Она ни разу не позвонила Виктору и попросила подруг забрать вещи. А тот уже через две недели заявился с покаянием и впрямь ползал на коленях. Римма позвонила Пелугину и сказала:

— Что я говорила? Уговаривает, чтобы простила. Плачет. Девчонки мои смеются. Ромео какой-то прямо. Но я с ним не разговариваю. Я ещё ничего не забыла. Она не звонила?

— Кто?

— Ну, Ольга эта.

— Не знаю такую.

— Ты молодец. Ты настоящий мужчина. А я уже простила своего, только виду не подаю. Пропадёт он без меня.

— Его тоже одурачили.

— Только не оправдывай.

— Даже не пытаюсь. Но ты прости Виктора. Ты не сможешь без него.

— Я знаю.

— Ну, вот и хорошо. Чего не бывает? Знаешь, как в народе говорят? Конь на четырёх ногах и то спотыкается.

— Ты не споткнись больше.

— Уж не беспокойся.

Продолжение следует...

Арт-факт

Ирина Котылева

Котылева Ирина Николаевна – кандидат исторических наук, лауреат Государственной премии Республики Коми в области культуры (1997), в Национальном музее Республики Коми работает с 1995 г., с 1999 по 2004 г. была зам. директора по науке, с 2005 г. – директор НМРК. В 1989 г. закончила Сыктывкарский университет по специальности «история», в 1996 г. – Екатеринбургский университет по специальности «искусствоведение». В 2005 г. обучалась в Академии менеджмента в Нижней Саксонии (Германия). Автор более 50 статей по истории и культуре региона.

Два саккоса — один текст: к вопросу о контексте культуры времени царя Алексея Михайловича

Исследователи культуры Руси XVII века неоднократно обращали своё внимание на два памятника древнерусского искусства: саккос ростовского митрополита Ионы¹ и саккос из ризницы Благовещенского собора, так называемый «саккос Стефана Пермского».²

Саккос Ионы был изготовлен (вышивка золотой и серебряной нитью по атласу) в строгановских мастерских в Сольвычегодске и датируется 1665 г.³ Д. Ф. Полознев, подробно рассматривая «идейную программу» саккоса Ионы, обращает внимание, что «среди современных аналогов можно отметить саккос Никона 1655 г., но вероятнее всего образцами для ионинского саккоса служили большой и малый саккос митрополита Фотия XV в.»⁴

Исследования второй половины XX в. установили, что саккос Стефана Пермского, который на протяжении столетий был одной из святынь Благовещенского собора Сольвычегодска, и легенда приписывала его святителю пермян,

¹ Уварова П. С. Каталог ризницы Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле. – М., 1887. – С. 20–22, 36–40; Георгиевская-Дружинина Е. В. Строгановское шитьё XVII в. // Русское искусство XVII в. – Л., 1929. – С. 113; Полознев Д. Ф. Саккос ростовского митрополита Ионы // Краеведческие записки. Ярославль. 1991. – С. 143–153. и др.

² Архимандрит Макарий. Сказания о жизни и трудах святого Стефана, епископа пермского. СПб., 1856; Г. С. Лыткин. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. С-Пб., 1889; Макаренко Н. Искусство Древней Руси. – Петроград, 1918; Котылева И. Н. Саккос Стефана Пермского в картине мира православной Руси XVII века // Семиозис и культура: философия и феноменология текста: сборник научных статей. – Сыктывкар, 2009. – С. 223–226.

³ Полознев Д. Ф. Саккос ростовского митрополита Ионы // Краеведческие записки. – Ярославль. 1991. – С. 143.

⁴ Там же. – С. 144

был изготовлен в строгановских мастерских в 1665 г. Исследовательский интерес к «саккосу Стефана Пермского» особо обозначился в XIX в. и большинством исследователей того времени связывался непосредственно с первым епископом пермским, хотя ряд исследователей, например, П. И. Савваитов,¹ связывали его появление с событиями XVII в.

Происхождение саккоса Стефана немаловажно для данного исследования, и в этой связи интересны размышления краеведа XIX в. Д. Попова. В своём исследовании «Сольвычегодская старина» Д. Попов отмечает: «Из предметов же наиболее значимых можно указать на архиепископский саккос. Одни говорят, что он принадлежит св. Стефану Пермскому, другие — Дмитрию Ростовскому. Последнее предположение имеет быть более вероятным потому, что, например, на саккосе между прочими святынями изображён Царевич Дмитрий, до которого св. Стефан умер почти за два века, но принадлежность его Дмитрию там едва ли вероятна, т.к. не было, кажется, случая, чтобы одежда эта могла поступить из Ростова в Сольвычегодск, а ближе всего, что она принадлежала Великопермскому Архиепископу Александру, освящавшему собор по обновлению в 1693 г. Саккос шит из холста, пуговицы на нём шёлковые, петли ремянные».²

Возникает закономерный вопрос, как могло возникнуть предание о принадлежности саккоса из Сольвычегодска зырянскому апостолу. В житии перво-святителя зырян нет упоминания ни о его «худых ризах», ни об епископских одеяниях. На отсутствии права ношения Стефаном саккоса, саккос как одеяние епископов получил распространение на Руси только в XVI в., выстраивает свои доказательства по расшифровке композиций резного декора посоха Стефана Пермского (украшение посоха было сделано уже в XV в.) Черницов А. В.: «...сохранилось изображение сидящего епископа на фоне башни града. По мнению Макария, это изображение Стефана. Такую возможность нельзя полностью отрицать, однако отметим, что верхнее облачение (саккос), украшенное много многочисленными крестами (крещатые ризы) — это облачение, которого как награды удостоивались очень немногие выдающиеся церковные иерархи... Скорее всего, данное изображение представляет не Стефана, а московского митрополита...».³ Однако уже в XVII в. на первых житийных иконах⁴ пермский святитель предстаёт в «крещатых одеждах» (один из ранних житийных образов св. Стефана Пермского был создан сольвычегодскими иконописцами). Поэтому, вероятно, сама идея создания, «обретения» саккоса появляется во второй половине XVII в., что во многом связано с происходящими изменениями в русской православной церкви, но ещё в большой степени с заинтересованностью Строгановых в укреплении сакральной топографии Руси Сольвычегодска как северного центра православия. «Обретение» святыни первого епископа пермского было значимым для укрепления имени первого епископа пермского и православия в целом в их владениях, что было немаловажным в картине мира Руси XVII в.⁵

¹ РНБ. Отдел Рукописей. Q IV, 404, Л. 12.

² РНБ. Отдел Рукописей. Q IV, 404, Л. 12.

³ Чернецов А. В. Посох Стефана Пермского // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XLII. Л. — С. 235.

⁴ Котылева И. Н. Формирование иконографии «зырянского апостола» в XVII в.: к вопросу о развитии почитания св. Стефана Пермского на Руси // Историческое произведение как феномен культуры. — Сыктывкар, 2007. — С. 116–126.

⁵ Котылев А. Ю. Учение и образ Стефана Пермского в культуре Руси / России XIV–XXI вв. — Сыктывкар, 2012.

Изначально исследователи отмечали, что «саккос Стефана Пермского» занимает особое место среди памятников древнерусского искусства. Представляя памятники Русского Севера, Н. Макаренко в своём труде «Искусство Древней Руси у Соли вычегодской», изданном в начале XX в., подчёркивал, что «в памятниках творческой деятельности русских мастеров, на всём широком пространстве России, история искусства не знает произведения, равного холщевому расписному саккосу, хранящемуся в ризнице Сольвычегодского собора».¹ Выбор материала для данного саккоса — простого холста, в отличие от целого ряда облачений, созданных в это же время в строгановских мастерских² — и особенность его декорирования — не вышивка, что было традиционным, а роспись прямо по холсту — не только выделяют его в ряду памятников Древней Руси, но и определяют его семантическое прочтение в контексте культуры XVII в. и истории почитания «крестителя пермян». В этой связи предположение, что создатели «саккоса Стефана Пермского» ориентировались на фелонь преподобного Сергия Радонежского (XIV в.), которая была одной из святынь Троице-Сергиевой лавры,³ дополняет символическую значимость данного облачения. В конце XVI в. — начале XVII в. Сольвычегодск, основной форпост купцов и «именитых людей» Строгановых на Севере Руси, становится не только экономическим, но и значимым культурным центром.⁴ В данном контексте появление в сольвычегодском храме «саккоса Стефана Пермского» выступает отражением общей политики Строгановых по упрочнению культа «крестителя пермян»,⁵ которая в свою очередь вылилась в появление в строгановских мастерских икон пермского святителя, создание в Крестовоздвиженском приходе церкви во имя Святителя Стефана Пермского.⁶

Исследователи, рассматривая саккос ростовского митрополита Ионы и «саккос Стефана Пермского» по отдельности, не выстраивали взаимосвязь этих двух памятников времени Алексея Михайловича. Необходимость рассмотрения взаимосвязи этих памятников особенно становится явной, когда мы хотим понять контекст культуры XVII в. Необходимость взаимосвязанного рассмотрения данных памятников обуславливает тот факт, что роспись саккоса Стефана Пермского и вышивка саккоса Ионы имеют в основе одну и ту же композицию, одну и ту же «идейную программу».

Н. Макаренко в своём труде «Искусство Древней Руси у Соли вычегодской» даёт подробное описание саккоса: «Традиционной формы саккос покрыт спереди

¹ Макаренко Н. Искусство Древней Руси у Соли вычегодской. — Петроград: Издательство. «Свободное искусство». 1918. — С. 91–92.

² Мнева Н. Е. Шитьё XVI–XVII вв. // История русского искусства. Т. III. — М. 1955.

³ Преподобный Сергей — Великий подвижник Земли Русской. — М. 2004. — С. 38–39.

⁴ Соскин А. История города Соли-вычегодской древних и нынешних времён // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1882, №13; Ешкилев В. А. Сольвычегодск и памятники его былой культуры. В. Устюг, 1926; Введенский А. А. Библиотека и архив Строгановых в XVI–XVII вв. // Север. 1923. № 3–4; Введенский А. А. Иконные горницы у Строгановых в XVI–XVII вв. // Материалы по истории русского искусства. Т. 1. — Л., 1928; Иконы строгановских вотчин XVI–XVII веков. По материалам реставрационных работ ВХНРЦ имени академика И. Э. Грабаря: Каталог-альбом. — М., 2003 и др.

⁵ Котылева И. Н. Место св. Стефана Пермского в геокультурной политике Строгановых (к вопросу о развитии почитания первого епископа Пермского в XVI–XVII вв.) // Культурное наследие Русского Севера: память и интерпретации: к 90-летию Сольвычегодского историко-художественного музея. Изд-во «Пушкинский Дом». — С-Петербург, 2009. — С. 69–77.

⁶ Соскин А. Указ. соч. — С. 301.

и сзади, сверху до низу, многочисленными живописными изображениями, исполненными кистью по проклеенному холсту. Вверху у ворот, справа и слева — херувимы и «серафимы» — шестикрылые символы высших небесных стражей. На плечах, в отдельных клеймах, разделённое на две части, изображение Благовещения в хорошей старой композиции. На коротких рукавах саккоса изображена одна и та же сцена Евхаристии, к установившейся с древнейших времён композиции, где Спаситель причащает благоговейно подходящих к нему апостолов отдельно под видом хлеба и отдельно под видом вина. Спаситель за престолом, под сенью кивория обычного типа. Апостолы, по шести с каждой стороны, подходят в оживлённых позах, но с сохранением древнего типа в размещении ног в одном случае и с видоизменением его в другом. И в том и другом изображении композиция компактная, размещённая на фоне палат и городской стены с зубцами. От изображения Архангела из Благовещения и Богоматери спускаются вниз два ряда отдельных изображений святителей — устроителей церкви Христовой на земле Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста; затем Николая Чудотворца, Гурия, Варсонофия, Афанасия, Кирилла и др. Центральное место, на груди носящего стихарь, занимает самая крупная, по размерам, композиция «Воскресенье Христово»... Спаситель, сходящий во ад. С боков — символы Иоанна и Матфея. Ниже этого — изображения в четырёх отдельных прямоугольниках: вход Господен в Иерусалим, Преображения, Тайная Вечеря и Лобзание Иуды. Все изображения сопровождаются красивыми надписями вязью. На другой стороне, в аналогичном же симметричном расположении: Распятие — как главная и крупная картина, а ниже в четырёх же картинах: Иисус пред Пилатом, Возложение тернового венца, Снятие со Креста и Положение во гроб. Подол стихаря украшен богатой орнаментальной каймой, по которой разбросаны непринуждённо и смело стебли, листья и цветы того восточно-персидского стиля, который сделался родным для русских мастерских Московской Руси¹.

Композиция саккоса митрополита Ионы аналогична композиции саккоса Стефана Пермского, кроме надписи по подолу: «Лета 7173 г. сии сакъ строение именитых людей Дмитрия да сына его Григория Строгановых, а при пастве преосвященного Ионы митрополита ростовского и ярославского», — и надписей на каждом рукаве: «Дмитрия Андреевича Григория Дмитриевича Строгановы».²

Обращает на себя внимание тот факт, что «изображение Благовещения в хорошей старой композиции» является ключевым во всей композиции одного и другого саккоса. В этой связи особого внимания заслуживает роспись в апсиде Благовещенского храма, который расписывался по велению Никиты Григорьевича Строганова в 1600 г. иконниками Федором Савиным и Степаном Арефьевым.³ В росписи апсиды избранные святые (среди них Стефан Пермский предстаёт в одном ряду с Василием Великим, Григорием Богословом, Иоанном Златоустом, митрополитом Киприаном, Леонтием Ростовским и другими почитаемыми русской православной церковью святыми) обращаются с молитвой к образу Богоматери. В данном контексте симптоматично, что непосредственно по заказу Н. Г. и М. Я. Строгановых Истомой Савиным была написана икона «Богоматерь Боголюбская

¹ Там же.— С. 92–94.

² Полознев Д. Ф. Указ. соч.— С. 143–144.

³ Евдокимов И. Север в истории русского искусства.— Вологда, 1921.— С. 71.

с предстоящими» (конец XVI – начало XVII вв.).¹ Примечательно, что ряд предстоящих включает в себя митрополита Алексия и «припадающих митрополитов Киприана, Филиппа и епископа Стефана Пермского».

Закономерно появление на саккосах изображений строителей церкви Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, учитывая особую любовь Строгановых к этим святым (образы строителей церкви Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста нередко являлись важной составляющей убранства храмов, устраиваемых Строгановыми).² Важен и общий контекст православного искусства этого периода, изображение отцов церкви было традиционным для литургических облачений, а также Николая Чудотворца, Афанасия и Кирилла Александрийских. Эти святые (в различных составах) помещены на большом и малом саккосах митрополита Фотия и «Коломенском» саккосе Никона.³

Появление на саккосах образов Афанасия и Кирилла Александрийских, вероятно, связано и с особым почитанием данных святых на Европейском Севере. На особое почитание александрийских святых в Вологодской епархии обратил внимание в конце XIX в. вологодский исследователь А. Лебедев, проанализировав именование храмов и приделов в честь Афанасия и Кирилла Александрийских «в зырянских местах». Лебедев связывал почитание «этих святителей дальнего востока» с продолжением традиции, идущей от Стефана Пермского.⁴ Обозначенная А. Лебедевым связь почитания Афанасия и Кирилла Александрийских и Стефана Пермского дополняет прочтение идеологии созданного текста/ концепции саккосов ростовского митрополита Ионы и Стефана Пермского.

Детально анализируя «идейную программу» саккоса митрополита Ионы, Д. Ф. Полознев отмечает, что появление на саккосе изображений московских митрополитов Петра, Алексия и Ионы связано с актуализацией культа этих святых с патриаршеством Никона, «который продолжил традицию почитания российских иерархов, чьи образы отмечали определённые вехи на поприще утверждения власти церкви».⁵ Появление в композиции образа митрополита Филиппа Полознев также связывает с отражением и развитием концепта «власть и церковь».

Несомненно, что развитие культа митрополита Филиппа взаимосвязано с развитием концепта «власть и церковь». Появление изображения Филиппа на рассматриваемых саккосах связано с упрочнением культа «обличителя несправедного царя и страдальца» Алексеем Михайловичем и непосредственно Никоном. Д. Ф. Полознев убедительно доказал несомненное влияние образа Филиппа на формирование церковно-национальных идей Никона.⁶ Для представления общего

¹ Антонова В. И., Мнева Н. Б. Каталог древнерусской живописи (ГТГ). – М., 1963, т. II. – С. 311–312; Рыбаков А. Вологодская икона. Центры художественной культуры земли вологодской XIII–XVIII вв. – М., 1995.

² Иконы Строгановских вотчин XVI–XVII веков. По материалам реставрационных работ ВХНРЦ академика И. Э. Грабаря. – М., 2003.

³ Полознев Д. Ф. Указ. соч. – С. 148.

⁴ Лебедев А. Святый Стефан, первый епископ пермский // Вологодские епархиальные ведомости. 1896. № 6. – С. 97–98.

⁵ Там же. – С. 147.

⁶ Полознев Д. Ф. Канонизация митрополита Филиппа в идейной борьбе за упрочнение авторитета церкви в середине XVII в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. – М., 1990. – С. 283–292.

контекста культуры периода создания рассматриваемых саккосов важны размышления О. С. Сапожниковой: «Долгое формирование культа Филиппа при настойчивом уподоблении Филиппа Иоанну Златоусту, доведённое церковью до общецерковной канонизации, дало свои результаты. Церковь приобрела весьма значимый и необходимый ей символ. Русский пастырь был официально признан «вторым Златоустом» государственной властью, которая «преклонила» перед «честью своего царства», как это сделал когда-то и Феодосий II, внук Феодосия Великого, императора Римской империи. Тем самым были подтверждены все права церкви на вмешательство в дела государства...»¹. Сапожникова, размышляя о месте св. Филиппа в картине мира XVII в., делает вывод, который важен и для прочтения текста саккосов митрополита Ионы и Стефана Пермского, что «Русское самосознание ощутило в себе способность на ту же ответственность за судьбу христианской церкви и на поступки того же масштаба, которые были свойственны подвижникам первых веков христианства».²

Немаловажен и тот факт, что Никон во время поездки за мощами митрополита Филиппа в 1652 г. в ожидании, когда вскроются реки, месяц провёл в Вологде,³ исторически связанной с мученическим подвигом митрополита Филиппа. И во время Филиппа, и во время Никона Вологда являлась центром Вологодско-пермской епархии, поэтому неслучайно, что почитание митрополита Филиппа на Европейском Севере в XVII в. обретает особое звучание.

Появление на саккосах образа царевича Дмитрия также во многом закономерно и обусловлено упрочением его культа именно во время правления Алексея Михайловича, что являлось частью общей концепции формирования единого государства. Строгановы внесли значительный вклад в упрочение памяти о «невинно убиенном царевиче», о чём свидетельствуют многочисленные памятники, созданные в мастерских сольвычегодских купцов.⁴

Введение в текст саккоса образов свв. Гурия и Варсонофия, на наш взгляд, также связано с общим контекстом православной культуры времён Алексея Михайловича, актуализацией в этот период «борьбы за веру», в том числе и необходимости обращения в христианство иноверцев, что стало значимым при продвижении на восток. Это сопрягается и с интересами Строгановых, в мастерских которых были созданы саккосы.

Д. Ф. Полознев, подробно рассматривая «идейную программу» саккоса ростовского митрополита Ионы, убедительно показал взаимосвязь концепции всей

¹ Сапожникова О. С. Иоанн Златоуст и митрополит Филипп (к вопросу об образах, прообразах и моделях) // Книжные центры Древней Руси. Книжники рукописи Соловецкого монастыря. – С.-Пб., 2004. – С. 210–211.

² Там же. – С. 213.

³ За два года до поездки Никона состоялась поездка архиепископа вологодского и великопермского Маркелла, который «с 22 мая 1650 г. по июль, с Царского разрешения и вследствие своего благочестивого обета, путешествовал из Вологды в Устьвымь, для поклонения мощам пермских святых угодников Герасима, Питирима и Ионы». Вологодский исследователь XIX в. Н. Суворов также отмечает, что «следствием, вероятно, того же благочестивого обета, который побудил Маркелла к путешествию, было построение в Вологодском архиерейском доме над воротами деревянной церкви во имя трёх пермских святителей, которое было начато в 1649 и окончено в 1653 г.». Архиепископ Маркелл проводил целенаправленную политику по упрочению культа первых епископов пермских, в первую очередь Стефана Пермского.

⁴ Иконы Строгановских вотчин XVI–XVII веков. По материалам реставрационных работ ВХНРЦ академика И. Э. Грабаря. – М., 2003.

композиции саккоса и значимых направлений развития православия в XVII в.: развития почитания определённых святых, ориентированности на византийское наследие, выстраивания взаимоотношений церкви и власти. Удвоение текста саккоса ростовского митрополита Ионы через его воспроизведение на полотне саккоса Стефана Пермского (или наоборот), усиливает символическую значимость и каждого из облачений, и значимость представленных святых в общем контексте культуры времён царя Алексея Михайловича.

Предположение, что создание сольвычегодского саккоса связано с первым Архиепископом Вятским и Великопермским Александром, личности незаурядной и противоречивой в контексте XVII в., придаёт особую значимость этому саккосу. Архиепископ Александр был одним из образованнейших людей конца XVII в. Ряд исследователей склоняются к точке зрения, что Александр не был активным сторонником введения «новой веры». В контексте культуры региона особо важен его вклад в упрочение Коряжмского монастыря на Вычегде, основанного в честь Логина Коряжмского, которого оценивали как одного из продолжателей деяний Стефана Пермского. До сегодняшнего дня дошли вклады первого архиепископа Вятского и Великопермского в сольвычегодские храмы. Архиепископ Александр стал в определённой степени символической фигурой, представлявшей идеи нового этапа развития пермской епархии, воплощавшей идею государства — активного устремления на восток.

Ольга Сосновская

Ольга Александровна Сосновская.

Заслуженная артистка России, народная артистка Республики Коми, лауреат Всероссийского и международного конкурсов вокалистов, лауреат Государственной премии РК. Окончила вокальное отделение республиканского училища искусств и Петрозаводскую консерваторию. С 1988 года солистка Государственного театра оперы и балета Республики Коми.

С 1993 года сначала в Инте, а с 2008 года в Сыктывкаре один раз в два года про-

водится «Конкурс юных вокалистов на приз Ольги Сосновской», участниками которого являются дети от 9 до 20 лет.

Является членом жюри международных вокальных конкурсов и фестивалей в Кохтла-Ярве и Таллинне (Эстония), Ялте (Украина), Кирове. Гастролировала в 24 странах мира, включая Танзанию, Китай, Индию и Шри-Ланку.

Замужем, двое детей. Муж – Владимир Юрковский, экс-министр культуры РК, ныне солист театра оперы и балета, директор международного фонда «Классика и современность».

Ольга Сосновская: «Артисты, как люди без кожи. Очень ранимы...»

Прима Государственного театра оперы и балета Республики Коми отметила недавно 25-летие своей творческой деятельности. Кажется, это было совсем недавно — первая роль Бабочки в детском музыкальном спектакле «Муха-Цокотуха», а сегодня в репертуаре артистки — практически все самые сложные оперные партии, победы в престижных конкурсах вокалистов, собственный конкурс, который приобрёл статус международного и вышел за рамки республики.

Ольгу Сосновскую считают любимой артисткой тысячи поклонников не только в России, но и — Украине, Норвегии, Шри-Ланке... «Я счастлива, потому что очень востребована», — говорит певица. Удивительно, что поднимаясь всё выше по лестнице успеха, она остаётся по-прежнему искренним и открытым человеком, благодарным своим педагогам и родителям, преданным Театру и однажды выбранной Профессии.

19 мая, в день, когда в Сыктывкаре Сосновская должна была петь на концерте Елены Образцовой, она получила печальное известие: умер её отец. Вечером Ольга пела в концерте, и лишь одному Господу Богу было известно, что творилось в эти минуты в её душе и её сердце...

— *Ольга, вы могли отменить ваше выступление.*

— Я ничего не отменила. Наоборот, была рада, что в этот период было много работы, потому что работа спасает и отвлекает от грустных мыслей. У артиста много чего случается в жизни, но на сцене этого не должно быть видно. Ты должен выходить петь и радовать зрителей. В этом и сила искусства.

— *Каким был ваш папа?*

— Наверное, как для многих: самым близким и родным человеком. Пока я не доехала до места, в голове не укладывалось, что папы больше нет. Улететь я всё равно уже не успевала, поэтому старалась просто об этом не думать, иначе не смогла бы петь. Улетела в Украину на следующий день утром. Месяц назад папа упал и сломал шейку бедра. Мы хотели забрать его к нам. Я ходила в Минздрав, договорилась, что мне дадут спецмашину для перевозки, но... опоздали. Папа был видный, красивый мужчина, ветеран войны. Он просто не мог представить себя лежачим, обузой для кого-то. Врачи так и сказали мне: «Его нельзя было заставить жить. Он не хотел...»

После похорон я сразу полетела в Питер. 25 апреля в музее-квартире Римского-Корсакова был вечер романсов Сергея Рахманинова. Я пела вокализ, а там есть такие щемящие душу ноты... Пришлось заставить себя не думать, а то бы расплакалась.

— *Вы пели одна в концерте?*

— Нет, с Денисом Колесниковым, солистом питерского театра «Зазеркалье». Он, кстати, первый исполнитель неоконченной оперы Рахманинова «Монна Ванна». И мне тоже поступило предложение выучить это произведение.

— *От кого?*

— От председателя Санкт-Петербургского Рахманиновского общества Людмилы Ковалевой-Огородной. Рахманинов написал первое и половину второго действия оперы. Недавно один питерский композитор дописал второй акт, оркестровал и доработал произведение в целом. Мы хотим показать эту оперу в филармонии с симфоническим оркестром...

— *Очень интересно.*

— А ещё от той же Людмилы Леонидовны мне поступило предложение стать участницей первого международного автопробега памяти Рахманинова. Это просто шикарный проект! Со 2 по 15 июля группа музыкантов отправится по маршруту: Санкт-Петербург–Рига–Гданьск–Берлин–Дрезден–Прага–Венеция–Вена–Краков–Вильнюс–Санкт-Петербург. То есть по городам, с которыми так или иначе был связан Рахманинов. По окончанию поездки будет издана брошюра и DVD об автопробеге, с фотографиями и впечатлениями путешественников. Мне это очень интересно. Обязательно поеду.

— *Как, на ваш взгляд, прошли гастроли академического театра драмы? Принял ли питерский зритель нашу версию спектакля «Гамлет», где вы играете королеву Гертруду?*

Сцена из спектакля «Гамлет».

драмтеатр. По сравнению с театром «На Литейном», где проходили гастроли, у нас всё новое и современное, удобные гримёрки, хорошие технические возможности сцены...

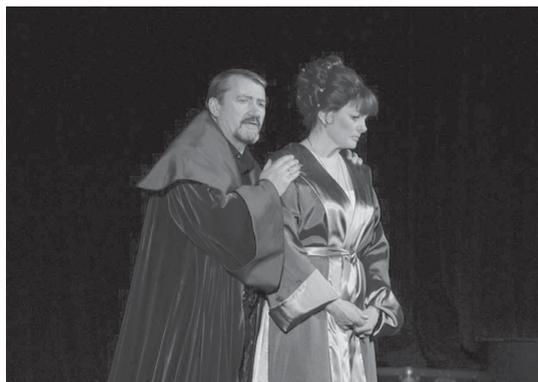
А вот публика отличалась от нашей сыктывкарской. Реагировала совершенно в других местах. Очень всем понравились Игорь Янков и Леонид Попов, которые играли могильщиков. Им просто овацию устроили.

— Кто-то из комментаторов написал в Интернете под фоторепортажем о гастролях, что это, мол, фотошоп. Не может быть, чтобы наш театр собрал в Санкт-Петербурге полный зал.

— Можно писать всё что угодно, но я-то это видела! Точно знаю, что это не была стопроцентная коми диаспора, и никто не заставлял этих людей аплодировать стоя. То, что спектакль произвёл впечатление — на это глаза не закроешь. И когда был второй спектакль — в зале были приставные стулья. Артистам нужны гастроли, им важна оценка их труда. Когда ты завоёвываешь публику. Не ту, что тебя уже и так любит, а совершенно новую. Лично мне было очень приятно, потому что я была вся в цветах, и потом было много телефонных звонков с хорошими отзывами.

Шекспир — это такой философский текст. Ты уходишь и ещё долгое время думаешь об этом спектакле. Классику надо ставить. Рада, что и в нашем театре скоро состоится премьера «Снегурочки». Какой спектакль получился — пусть критики рассуждают. Главное, что это, наконец-то, опера, а не мюзикл. Значит, уровень подтягивается.

— Спектакль, я считаю, прошёл хорошо, был полный зал. Приезжал режиссёр Олег Нагорничных, и репетиция в день спектакля шла с 10 до 16 часов без перерыва. (Потом уже все взмолились, отпустить их хотя бы перекусить.) Возможно, что первый акт артисты были немного уставшие и... приспособившиеся к новой сцене, но во втором акте все разыгрались и выложились по максимуму. Кстати, в Питере я первый раз порадовалась за наш

Сцена из спектакля «Гамлет».

— *Раньше наш театр ставил по две оперы в год.*

— Сейчас, к сожалению, другие финансовые возможности. И очень не хватает Ии Петровны Бобраковой, её одержимости. Она, как сказал Анатолий Измалков, умела мечтать и воплощать эти мечты в жизнь.

— *Да, почти никто не верил, что возможна, к примеру, национальная опера «Куратов». А она — сделала. И ведь неплохой спектакль получился.*

— И даже Государственную премию получил. Сергей Носков написал замечательную музыку. Всё это могло бы иметь больший вес. С этим спектаклем можно было бы поехать на гастроли. Почему-то в Казани гордятся всем своим национальным, а мы не придаём этому должного значения.

После спектакля «Куратов».

— *Как идёт подготовка к вашему конкурсу юных вокалистов, который в этом году пройдёт сразу в двух городах: Красноярске и Петрозаводске?*

— Замечательно. Я очень рада, что многие им заинтересовались. Тем более, что этот год для нас юбилейный. Хотелось бы отметить 20-летие конкурса по-особенному. Здорово, что нашлись люди, которые нас поддержали, потому что на одной инициативе далеко не уедешь. Надеюсь, что общими усилиями у нас всё получится. В Красноярске конкурс пройдёт с 1 по 6 ноября, а в Петрозаводске — с 6 по 11 декабря.

— *Тема мизерных зарплат артистов стала уже притчей во языцех. Недавно на коллегии министерства культуры РК было заявлено, что через пять лет оплата в отрасли поднимется до уровня средней заработной платы по региону. То есть к 2018 составит 42 тысячи рублей. Верите?*

— С трудом. Очень бы хотелось, но, думаю, так же, как зарплата, вырастут и цены... Я много езжу по России и знаю, какие зарплаты получают артисты в других регионах. Если убрать из наших зарплат «северные», то останутся просто копейки. Поэтому многие артисты вынуждены подрабатывать. И хорошо, если по специальности, а не где-нибудь на рынке.

— *А из зрительного зала, кажется, что жизнь артиста — это вечные аплодисменты и блеск бриллиантов.*

— Увы, и бриллианты обычно не настоящие, и аплодисменты ещё надо заслужить. Мы должны помнить, что наш театр единственный оперный театр на Северо-Западе, исключая Санкт-Петербург. Ни в Архангельске, ни в Вологде, ни в Северодвинске нет оперных театров. И в Кирове нет. Ближайший оперный театр в Перми. Поэтому мы должны холить наш театр. Хочется, чтобы он был очагом культуры, чтобы сюда приходили слушать Музыку.

— *Прошла информация, что запланирована реконструкция театра.*

— Я думаю, что здание требует не реконструкции, а капитального ремонта. А может, даже, как это было со зданием драматического театра, его придётся полностью снести и построить новое, потому что как только его начнут реконструировать, оно всё и развалится. Сегодня мы работаем, по сути, постоянно нарушая технику безопасности. Нас можно бесконечно всех штрафовать.

— *Вам уже объявили, когда начнутся ремонтные работы, и как театр будет работать в это время?*

— Слышала только, что реконструкция театра начнётся в 2014 году, и сколько она будет длиться, не известно. Я вот думаю, удастся ли мне поработать в новом театре? Век вокалистов, к сожалению, короток. Ещё и поэтому я с радостью принимаю все приглашения. Мои конкурсы — это задел на многие годы вперёд. Когда наш театр будет на ремонте, надеюсь, я буду востребована и в Ялте, и в Таллинне, и летом, и зимой.

— *Вы успеваете следить за новинками кино? Смотрели, например, фильм «Легенда 17» про хоккеиста Валерия Харламова? Согласны, что не каждый бы выдержал такого авторитарного тренера?*

— Да, это правда. Нужно быть очень сильным, психологически в том числе. Эти ужасные методы давали свои плоды, хотя я не сторонник такого. Я сильный человек, но меня очень легко обидеть. Понимаете, спорт это немного другое. Вот, в балете, я знаю, также жёстко относятся: и по ногам бьют, и обзвать могут, курица там или ещё как-то. Мне кажется, меня так пару раз назови, и я никогда не выйду на сцену, закомплексую. Артисты они как люди без кожи, очень ранимые. Спортсмены — другие. У меня, кстати, были очень хорошие спортивные задатки, я ходила на гимнастику, на плавание, фигурное катание, была очень гибкая. Глядишь, была бы сегодня какая-нибудь фигуристка известная. Но я ушла отсюда, потому что со мной грубо обращались. Тренер как-то накричала на меня, я обиделась и больше не пошла на секцию.

Мой педагог по вокалу Сергей Павлович Марков тоже был очень строгим. Если текст или мелодию не выучишь, вылетаешь вместе с нотами из класса. Но это справедливо.

— *Елену Образцову тоже в известном смысле можно назвать вашим педагогом.*

— Безусловно. Я её очень люблю. Елена Васильевна всегда поражала меня своей работоспособностью. Сегодня ей 74 года, а какая она мобильная! Только вчера вернулась из Австрии, а на следующий день уже прилетела в Сыктывкар. И можно спорить, что голос уже немного не тот, но ты попробуй встань и спой сам! Как она поёт партию графини из «Пиковой дамы», столько нюансов! Человек, не боящийся сняться у Виктюка, не боящийся показаться нелепой или смешной. «Главное, пробовать,— говорит она,— и тогда ты поймёшь, хорошо это или плохо. Если не попробуешь, то ты и не узнаешь, твоё это или нет».

Ещё я восхищаюсь тем, как она поддерживает молодых. Когда я принимала участие в жюри её конкурса юных вокалистов, то видела, что она записывала что-

то на листочке и затем каждому участнику отдавала свои замечания-советы: держать диафрагму, так-то строить ноту, дыхание... Она и сейчас, когда приезжала к нам, подсказывала что-то на репетиции, во время концерта сидела за кулисами, слушала, поддерживала. Такая молодец! И она столько важного сделала в моей жизни. Благодаря ей я поехала на стажировку во Флоренцию к известной певице Федоре Барбьери... Встреча с Еленой Васильевной и её приглашение участвовать в концерте было для меня очень приятно и ответственно.

— *Недавно в сети Интернет появился клип с песней, которую вы записали вместе с молодым рэпером Мигелем (Михаилом Соколовым). Это что-то новенькое в вашем репертуаре. Какова предыстория клипа?*

— Мы познакомились с Мигелем на прошлогоднем конкурсе «Подарю песню городу», он стал его победителем. Удивительно, что мальчик такой молодой — 15 лет всего, — а текст песни очень глубокий, добрый. Не у каждого в этом возрасте такие позитивные мысли и стихи. И это не какие-то там «луна-луна, цветы-цветы». В его песне была искренняя любовь к городу и к людям. Мне это было симпатично, поэтому я согласилась спеть с ним вместе. В Интернете потом шутили, типа «Меркури и Кабалье». Но я, как и Елена Васильевна, тоже считаю, что лучше делать что-то, чем ничего.

— *Да, всем не угодить. А как ваши сыновья отреагировали?*

— Им очень понравилось. Они ходили по дому и пели эту песню. Правда-правда.

— *А Владимир Юрковский поёт дома?*

— Да.

— *Я имею в виду, не когда репетирует, а, например, когда моет посуду.*

— Посуду он моет очень редко, не любит это дело жутко. Он поёт, когда разучивает что-то, или когда к нам приходят друзья. А вот я всегда пою. С детства. Помню, и в Украине, и в Инте «вопила на всю деревню». Это действительно так: нам песня строить и жить помогает. Есть песни, которые хочется петь, когда весело, и, наоборот, надрывные, вместе с которыми хочется выплеснуть своё горе.

— *Вашим мальчикам уже 15 и 16 лет. У вас нет проблем в общении?*

— Слава Богу, нет. Я радуюсь, что они не курят, не пьют и не колются, по-прежнему нежны и ласковы со мной. Они живут дружно, но абсолютно разные. Один интересуется физикой и математикой, а другой ходит в театральные кружки. Бывает, до часа ночи что-то репетирует, учит текст. У него есть способности. Возможно, пойдёт по нашим стопам.

— *Папа помогает?*

— А как же. Работает над произношением, потому что сам закончил ГИТИС. У мужа замечательная актёрская школа и самая лучшая дикция в нашем театре. Его хорошо слышно в каждом уголке сцены.

«Туман» Анжелы Размановой (Сыктывкар) — своеобразная метафора пленэра, сновиденческий портрет: туман, который зримо-незримо присутствовал, появляясь, тихо стелясь, паря над безбрежным хвойным горизонтом, рекой Вымь, в нескошенных травах, в ветвях деревьев, между домов с вечера до утра, создавая некую интонацию тихой вдумчивости, смирения, прикрывая или, наоборот, обнажая всё неявное днём, то малое истинное, невинно-просветлённое: как едва различимая белая лошадь на горизонте.

Туман возвращал, вдохновлял, удивлял открытием забыто-детских ощущений. Портреты мальчика-подростка с закрытыми глазами и лицо собаки Долины с совсем не собачьим взглядом — квинтэссенция сущности мира: ТИШИНА ненарушенного, ЕДИНЕНИЕ, ГАРМОНИЯ.

Колорит работы конкретно-метафоричен. Анжела осталась верна себе, легко преобразовывая обыденность в поэтическую живопись:

«...Он ходил, бродил, не спал,
Людам в головы влезал.
Он забрал людские мысли,
Все печали их забрал.
А под вечер — задремал...».

Анжела Разманова

Безграничный покой, незаметная гармония цвета, света и воздуха, гармоничное соотношение цветовых плоскостей — природа творчества художницы, её отношение к месту, миру.

Соприкосновение с исключительно художественным, удивительно чистым творчеством Василия Кандинского дало возможность Анжеле Размановой увидеть новые возможности художественного языка: знаковые, пульсирующие, чисто духовные, фантазийные, вольные, плоскостные, мозаичные, подразумевающие. Обращение художницы к абстракционизму — не только эксперимент, не только увлечённость и сближение, не только поиск, но и некое убежище, вид бегства от действительности. Символическое преобразование реальных природных, материальных образов позволило ей оставаться или быть близкой по смыслам к мироощущению рубежа XIX–XX веков. Уйти в глубину определённых смыслов, формально-стилистических приёмов.

Пятна, линии в её работах «Композиции» как бы сами материализуются, приобретая глубинные смыслы, красочные пятна формируют новое пространство. Золотисто-коричневые, изумрудно-голубые, сиренево-зеленоватые, лилово-синие, алые тона гармонично сочетаются друг с другом, погружая в абстрактные формы цветного марева прошлого. Запас комбинаций цветовых пятен у художницы неиссякаем. Знак или сумма знаков-пятен на холсте — некое свидетельство прикосновения к полотну творческой личности, создающей новую реальность. В этом творчество Анжелы Размановой сродни природе творчества «классика» абстракционизма Василия Кандинского, эстетическая информация холстов которого действует подобно физической.

В своих работах Анжела смогла передать своё внутреннее духовное, оставаясь последовательницей «классика»: если художник и признаёт существование

этого мира, то он убеждён в его непознанности. Разум не может быть гидом, путеводной нитью, и художник доверяется интуиции, которая толкает его к самовыражению. Между окружающим художника миром и им самим как творческой личностью лежит непреодолимая пропасть.

Картина **Веры Петровской** (Ярославль) «**Звёзды падают в лодку**» выдержана в цветовой тональности, передающей ощущение ночи. Лодка на первом плане даётся крупно, нарочито крупно. В противопоставлении далёкого и близкого в картине художница бессознательно отсылает к приёмам Мориса Дени. Дальний план с возвышенно-летающим храмом на фоне пространственно-глубинной темноты мощной субстанции звёздного дыхания неба, пейзажем — некий фон, который не перспективен, но иной по масштабу. Лодка — метафора (символ) средства движения-передвижения между сегодняшним близким и далёким прошлым или будущим, символ спасения. В небольшом эмоционально-художественном этюде художница смогла превратить фрагментарное — в бесконечное.

Рукодельная текстильная книга-сказка стихов «**Галоша в кармане**» с листами-тканями молодой художницы — актуальна и неожиданна. Каждая страница — новая тканевая фактура (бархат, ситец, парча, сатин) с авторским текстом («текст» — от лат. «textus» — ткань).

Взаимопроникновение во всё и вся, растворение, слияние, единение — испытание для творческого человека начала XXI века, понимающего, что искусство не для размышлений, а для чувств. Подчинено контексту непрерывных размышлений, где мир территории, отделённый от социальной реальности, и мир искусства создают новую реальность. Во многих работах «звучит» тема возвращения к истокам, истинному, настоящему, оставленному. Сама территория бесконечно одаривала вдохновением, преобразующим мироощущением. Объединила чистые, реалистические, с традицией пейзажи **Ольги Карпачевой** (Вологда). Серия живописных этюдов-«страниц книги» «**Средняя Отла**» с фантастической игрой света, цвета сплетена единым пространством, замыслом, отзывчивостью и в то же время с чётко определёнными ориентирами.

Отла с повседневным деревенским пейзажем, характерным, узнаваемым в своей серо-коричневой монотонности, с огнями-оконцами «остановила-задержала» жалко-трогательностью домов, бабулечек, живущих в них.

Чёрно-белые эстетно-бережные пейзажные листы **Наташи Соловьёвой** к ещё не написанной поэтической книге о месте, о людях, часовенке, о ВЕЧНОМ. Лёгкая графическая техника подчёркивает призрачность авторского видения: художница сознательно лишь обозначает руины-крыши старого отлинского дома, разворачивая перед зрителем впечатление седого деревянного мира.

Освобождённая от подробностей и деталей свето-цветоносная, ярко-красочная пленэрная живопись **Виталия Окуня** (Ижевск) — откровение северной природы. Поверхность его картонов пульсирует огненными красками, как переживания, как напоённый разум художника от увиденного, от услышанного. В художнике проснулось глубинное сознание. Работы отличаются романтической приподнятостью, взятой из действительности, веет тёплым дыханием северной деревни.

Эклектична графика-текст в триптихе по мотивам философской поэмы «О природе вещей» Тита Лукреция Кара, «иллюстрации» к которой выполнены на досках старой самодельной кровати, найденных в одном из старых домов

Козловки. В текстах, изображениях художник «закодировал» образ-послание, зрительскую систему знаков — своеобразные частицы-пиксели изображения. Метафоричный текстовый образ продиктовал и графику, и цвет на поверхности рукотворной доски. Именно «инвариантное» художественное прочтение проповедей римского поэта и философа, над иллюстрацией поэмы которого Виталий работает по заказу одного из петербургских издательств, стало возможным на берегу реки Вынь, где художник обрёл не только вдохновение и мотивы будущих образов, но и душевное спокойствие, безмятежность.

Олег Сизоненко (Ухта), кроме живописных пейзажей и «малинового» натюрморта, блиставшего в темноте дома-мастерской ярко-празднично-сочно, создал «книгу»-плакат величиной в газетный разворот, поместив свой автопортрет и подпись-текст, как к фотографии в газете: «Я забыл, когда, где и с кем всё это было, хотя должен бы запомнить на всю жизнь».

Владимир Дурнев (Сыктывкар) год назад нашёл на берегу реки в меру жирную глину с вкраплениями травы, жучков. Во время пленэра художником была сделана серия графических листов к декоративным тарелкам, иллюстрирующих коми-зырянский миф об охотнике Йиркапе. Трафаретная техника, требующая ювелирной точности исполнения, была опробована во время пленэра. В муфельной печи, приобретённой семьёй Алексеевых, были обожжены две «магические» декоративные тарелки, по которым хочется покатать сказочное, волшебное яблоко и открыть «окно-портал» в далёкое мифологическое прошлое. На новом гончарном круге Владимир дал несколько мастер-классов всем желающим.

Лера Осташова (Сыктывкар) делает всегда то, что ей интересно, соразмерно с её органикой. Металлический цвет, красивый своей сдержанностью, — цвет Севера. Крайний этап творчества художницы наполнен графикой на листовом железе. Валерия не потеряла интерес к структуре ржавого, руинированного материала, обратившись к использованным алюминиевым консервным банкам и коррозированному ведру, вещам-фрагментам деревенского пейзажа, прошедшим через человеческие руки, выброшенным и «обработанным» ветром, дождём, солнцем, землёй...

Взаимодействие тонкой натурально-ломанной-сквозной графической линии и грутально-жёсткой основы, отшлифованной до «гламурного» блеска в банках-светильниках с авторской графической историей участников пленэра и в серебряном ведре-абажуре «Двор Галины» — с пейзажем-историей о доме: с гусями, грядками, клумбой, баней, рекой Вынь, жердинами-метками, лесом, собаками Долиной и Гитой. Бытовые объекты обрели новый, особый смысл. Сама «природа творчества» художницы символична. Снимаемая коррозионный слой с металла, художник совершает в процессе некое сакральное рождение нового. По

убеждению Леры, любой материал, с которым поработала природа, отдаёт, надо просто «слышать», а не преодолевать его структуру. Соавторствуя с материалом с помощью современных инструментов, художница нанесла сквозной графический «узор» на поверхности железа.

Книга-раскладушка «**Пряниковедение**» **Аси Масловой** (Ухта) из старого планшета детской художественной школы с прикреплёнными «глиняными пряниками». При ближайшем

чтении-рассмотрении видишь всю причудливость и алогичность соседствующих на одной «странице» образов (Клюкарь, Едок, Перебегающий заяц, Находяй, Игорь — умиления, Вера — вдохновения), в то же время их убедительное цветое, декоративное и смысловое соседство соединяет форма мелового текста.

Молодые художники (**Максим Умпелев**, **Дмитрий Прокушев**, **Андрей Ретанов**, **Анна Сажина**), приезжающие на два-три дня, пленэрно-легко смогли в небольших работах с собственным прочтением передать подлинное цветое богатство натуры, энергетику, уникальность места.

Визуальная стихия **Дмитрия Прокушева** (Сыктывкар) — пульсирующие декорации-тексты, считанные пейзажи-сказы начала XX века, которые затягивают, сопротивляясь рациональному истолкованию. В листе с «портретом» старого сарая, выросшего или проросшего травами, можно различить очертания-отпечатки листьев. Вертикали фонарей, антенн создают разные ассоциации в этой красивой визуальной стихии.

Анна Сажина (Эстония) создала кукольную композицию по мотивам сказки «Волк и семеро козлят».

Тревожная маска-автопортрет **Андрея Ретанова** — порождение собственной фантазии, игра с собственным отражением. Андрей впервые принимал участие в пленэре, приехав в особое пространство, далёкое от реальной городской жизни, дающее возможность увидеть себя «со стороны».

Игорем Поповым (Москва), выпускником Московской школы фотографии и мультимедиа им. Родченко, во время пленэра была сделана серия фотографий к сказке «Волшебная фотография» Ирины Кечаевой, главная героиня которой — девочка Вера претерпевает ряд эмоциональных превращений на сказочном пути-сне по спасению заколдованного оленя. Надреальные, сноведенческие портреты главной героини отсылают к образам и эстетике, пластическому принципу «пре-рафаэлитов». Нереально красивые, провоцирующие на размышления, на поиски познания, портреты «музы», вписываемой в пейзаж, в его детали — постоянная смысловая формула творчества Игоря.

Художник продолжил серию инсталляций с преобразованием пространства, создавая новые смыслы. В естественный деревенский пейзаж Игорь поместил световую инсталляцию «**Композиция I, II, III**» из люминисцентных ламп, светящихся тёплым искусственным светом. Коротко-временное ночное обладание

проживанием-переживанием преобразованного пространства места создало новый образ дома — образ дома-корабля, сбивающего с толку, уводящего в надреальный мир ВЕЧНОСТИ с колеблющимися, двойственными образами. Завораживающее линейное совершенство приближает к тайнам мироздания.

Вокруг каждого образа-высказывания художниками сформирован плотный смысловой авторский контекст. Объект «Вигвам» (Сергей Разманов), сделанный из старых баннерных полотен, заполненных изнутри графическими красочными импульсами-знаками, нереально возвышался белым конусом на высоком берегу Выми, приглашая в любое время суток к уединению.

Главный персонаж книги «Лиса-онлайн» Ирины Базаровой беспрепятственно переместился во времени и пространстве в Козловку с персональных страничек художницы в Интернете. Пренебрегая привычными эстетическими нормами, художница в своих изобразительных сюжетных мотивах проиллюстрировала свои активные человеческие эмоции, сохраняя наивную чистоту изобразительной формы.

Иконография серий лаконично-неподробных иллюстраций из самостоятельных «козловских» историй Павла Зарослова (Ярославль) узнаваема.

Результат многочасовых пешеходных путешествий с фотоаппаратом и кинокамерой Эвы Сеппинг (Эстония) — хранимо-чуткий фотоинсталляция-рассказ о коми женщинах, их судьбе, мироощущении, отношении к прошлому и настоящему.

Пленэр явился коллективным творчеством ХУДОЖНИКА и места с его небом, рекой, радугой, травой, солнцем, облаками, закатом, кузнечиками, домами, тишиной.

Соорганизаторы пленэра, «ХРАНИТЕЛИ МЕСТА» Дмитрий и Ирина Алексеевы, подводя некие итоги прошлого года, говорили, что «для каждого пленэр «Клюква» дал и продолжает давать что-то своё. Свой ракурс, своё видение, своё открытие... Самое главное происходит в сердце, и это внутреннее преображение — оно запечатлено в работах, в словах, в образах. В своём роде в нынешнее агрессивное информационное время сам пленэр и клюквенные работы — другое временное измерение, уникальная возможность для встречи с собой, смыслами жизни, Родиной, Богом».

Сегодня контекст сам по себе столь же ценен, как произведение искусства, для понимания которого мы его изучаем. Пленэр показал, что придётся вернуться к традиционной культуре, чтобы выжить, чтобы строить постглобалистскую цивилизацию.

Обзоры. Новости

Прекрасная сыктывкарская весна: размышления о культурных событиях в столице Коми

Время — вещь относительная. Иногда годами оно может тянуться без особых событий, просто отсчитывая свои неумолимые шаги. А иногда за несколько мгновений можно прожить целую жизнь. 3 дня, проведённых мною в Сыктывкаре в самом начале лета, стали открытием и незабываемым опытом постижения новых культурных миров. Приехав на конференцию «Семиозис и культура», организованную коллегами из педагогического института, я окунулась в интенсивную культурную, интеллектуальную и художественную жизнь, совершенно непохожую на вечную суету и спешку мегаполиса, но нисколько от этого не проигрывающую.

Сама конференция, собственно, причина моего приезда на Север (первый раз, Север для москвичей гораздо более далёкое пространство, чем, к примеру, Турция или Испания), поразила тщательностью подготовки, прекрасной организацией и, главное, доброжелательностью, которая, увы, стала редким качеством в нашей модернизированной жизни. Спасибо двум прекрасным людям, которые взяли на себя всю эту нелёгкую организационную работу — Ирине Евгеньевне Фадеевой и Владимиру Александровичу Сулимову. В их обществе я чувствовала себя даже не как дома, а лучше и теплее, чем дома, то есть в Москве, где в последнее время стало весьма неудобно. Прекрасная книга «Семиозис и культура» с очень эстетически продуманной обложкой, приветствия на пленарном заседании, глубокие и интересные с научной точки зрения доклады — всё это сделало открытие конференции настоящим культурным событием. Я открыла для себя новые имена и направления исследований. Особенно интересным был рассказ об очень интересной фигуре в культурной антропологии и исследованиях культуры в целом — К. Ф. Жакове, который был представлен в докладе В. Семенова и В. Шарапова. Другим открытием было выступление Е. Бразговской из Пермского университета, посвящённое анализу средневековых маргиналий в трактовке польского исследователя Чеслава Милоша — опять новое имя. Эти открытия заставляют задуматься о том, что мы далеко не всё знаем о культурологических исследованиях, ограничиваясь зачастую стандартным набором имён, как отечественных, так и зарубежных, пропуская то, что может по-новому бросить взгляд на «затёртые» в бесконечных дискурсах проблемы культуры.

Кроме приезжих гостей (из Москвы, Петербурга и Перми), представителей образовательных, научных и культурных структур Коми, хорошо известных в интеллектуальных кругах, на конференции прозвучали голоса молодых исследователей, причём прозвучали они очень звонко. Круг проблем, их трактовка, знание современной литературы — всё это вполне современно и отражает как общие тренды наших дней, так и специфику региона. Н. Вокуев, недавно защитивший кандидатскую диссертацию и имеющий опыт работы в масс медиа,

представил своё исследование телесериала как современной культурной формы — не вызывает сомнения, что осмысление сегодняшних медиапрактик очень важно для представления о культурной картине мира в целом. Большой интерес вызвало выступление аспирантки М. Соповой о детской игре как интеллектуальной практике — изменения в мире детства, происшедшие в Интернет-эпоху не могут не волновать как старшее, так и молодое поколение.

Доклады И. Фадеевой и В. Сулимова, наших гостеприимных хозяев, были посвящены непосредственно семиотике, их научная значимость несомненна, хотелось бы видеть результаты этих прекрасных и глубоких исследований в широком пространстве академического дискурса. Конференция была не единственным впечатлением этих прекрасных дней конца весны, нежной зелени берёзок и белых ночей. Мне была предоставлена возможность прочитать небольшой спецкурс по культурологии, и это было тоже очень позитивным впечатлением. Кроме краткого изложения теории и практики современной массовой культуры, я показала ребятам то, что сама делаю в рамках очень известного в мире, но ещё не столь распространённого в России направления *Cultural studies*. Это было исследование проблемы интерпретации образа в зависимости от культурного контекста под названием «*Viva la liberta: Дон Жуан на пространствах посткультуры*». Соответственно, были включены проблемы изменения смыслового наполнения культурного текста под влиянием постмодернистских установок. Но наибольший интерес вызвала ещё одна тема, которая показалась мне уместной в данной среде — это была презентация «Модель успешного культурного события», которая была сделана на примере серии концертов классической музыки в Праге и заключала в себе практическое применение знаний в области пиар-технологий в культурной сфере. Несомненно, в нашем мире без грамотного пиара не может обойтись ни художественная, ни интеллектуальная практика, что делает необходимым не только усвоение материала учебников, но и работы с «живым» материалом.

Возвращаясь к вопросу о практиках, в данном случае, художественных — ещё одним приятным сюрпризом в Сыктывкаре был визит в оперный театр. Я (не скрываю этого) — опероманка, чтобы послушать любимого исполнителя, готова ехать куда угодно, я видела замечательные спектакли Большого (в ту пору, когда он ещё был замечательным), любимого мной театра Станиславского и Немировича-Данченко, Мариинки, Венской оперы, Пражской оперы и т.д. На «Снегурочку», по правде сказать, пошла, потому что просто не могла не пойти в оперный театр, находящийся прямо против моих окон, правда, с опаской, поскольку внешне он похож на кинотеатр советских времён. Но как только попадаешь в театр — всё меняется. Красивое фойе, нарядная публика, прекрасный занавес — всё, что необходимо для оперного театра. А спектакль меня просто покорила, составив прекрасный контраст минималистским и мрачным постановкам, популярным в наши дни. (О чём я не раз писала, сокрушаясь о судьбе оперы в эпоху «посткультуры»). А здесь пред глазами предстал яркий, драматичный и немножко наивный мир язычества, очень удачно вписывающийся в этнокультурные образы Севера, сочетающий универсализм волшебной сказки и окрашенный в столь необходимые для Севера яркие тона региональный колорит. Приятно удивили исполнительницы женских ролей — хрупкая, несколько отстранённая от пёстрого мира людей Снегурочка (Альфия Коротаева), и непосредственная Купава (Е. Лодыгина). Хорош

был и Лель (Г. Маликова), очень хорошо смотрящийся на фоне зелени. Спектакль стал настоящим культурным событием, с цветами, поздравлениями и овацями.

Как было приятно гулять светлыми вечерами по улицам с обилием берёзок с ещё молодой зеленью! Какое незабываемое впечатление от бескрайних лесов и разлива рек — пейзажа, открывающегося с высокого этажа, из окон кафе, где мы прощались с нашими прекрасными хозяевами. А на память я привезла кота в этностиле и настойку морошки медовую, которая веселит глаз и душу даже своим видом. Спасибо тебе, город Сыктывкар, за прекрасные дни, надеюсь, до новых встреч!

Е. Н. Шапинская

Нам пишут

* * *

Уважаемая Галина Васильевна!

Посылаю для публикации в Вашем журнале отрывок о Воркуте из моих воспоминаний.

О себе хочу сообщить следующее:

Родился в 1930 г. в г. Ленинграде. Во время ВОВ был эвакуирован из г. Ленинграда в Ярославскую обл., потом в г. Пензу. После возвращения в Ленинград окончил 241 школу и ЛЭИС, в котором впоследствии защитил кандидатскую диссертацию. По окончании института работал в ПМТ № 5. После аспирантуры 40 лет проработал в ЛОНИИСе, пройдя путь от старшего инженера до начальника отдела. За время работы опубликовал около 100 статей и несколько справочников и монографий по вопросам линейно-кабельных сооружений городских телефонных сетей. В 2000 г. эмигрировал в США, живу во Флориде (США), женат, имею двоих детей и двоих внуков. В эмиграции написал воспоминания «Из Советского Союза через Россию в Соединённые Штаты (фрагменты жизни)», где рассказывается о предках, о довоенной, военной и послевоенной жизни, об эмиграции и жизни в Америке. В 2008 г. в библиотеке журнала «Мишпоха» («Воскресшая память», Минск) опубликован отрывок о предках: «Взгляд в прошлое».

С наилучшими пожеланиями, Анатолий Брискер

Заметки о Воркуте

Одной из первых командировок во время моей работы в Проектно-монтажном тресте № 5 была командировка в Воркуту. Осенью 1954 г. мы вдвоём с моим коллегой-приятелем поехали поездом в Воркуту собирать исходные данные для телефонизации шахт комбината «Воркутауголь».

По пути мы с аналогичным заданием заехали в г. Инту на комбинат «Интауголь». Инта в то время была маленьким городским посёлком... Воркута была чуть побольше и чуть лучше; жили мы в небольшой, по-моему, единственной в

городе гостинице, от которой до шахтоуправления и до отдельных шахт нужно было добираться на автобусе около получаса. Вокруг города, да и в самом городе были лагеря, входящие в систему, вошедшую потом в историю, как «ГУЛАГ» (Главное управление лагерей), сами шахты находились в лагерных зонах, куда проходить можно было только через охраняемые КПП (контрольно-пропускные пункты). Это было послесталинское время и, как нам рассказывали, только после его смерти произошли некоторые послабления: в бараках сняли с окон решётки, и конвоирование проходило без собак.

Работали мы с генпланами шахт, согласовывали с начальниками связи шахт и руководством шахтоуправления места установки АТС и телефонов, а также трассы прокладки кабелей. Кстати, очень странно, но эти документы не имели грифа секретности, как было общепринято, видимо, потому, что вся эта территория с находящимися на ней предприятиями уже находилась под управлением КГБ. Именно на этих шахтах нам довелось видеть власовцев, украинских националистов — бандеровцев и даже немцев, участников восстания в Берлине в 1953 г. А когда начальнику связи одной из шахт (еврею из западных районов СССР) я вежливо предложил сесть, он мрачно ответил, что он и так сидит 25 лет, как потом выяснилось, за антисоветскую деятельность, выразившуюся в националистической пропаганде, насколько я понял, это было изучение еврейского языка и еврейской истории. По-видимому, потом его реабилитировали, но в то время это выглядело довольно мрачно.

В Воркуте я впервые для ознакомления, а больше из-за любознательности, спустился в шахту. На меня надели шахтёрскую одежду с электрофонарём на каске, и мы по главному стволу в специальной клетке спустились на рабочий горизонт, прошли, осматривая проложенные кабели и специальные пыленепроницаемые телефонные аппараты, по горизонтальному штреку, где вода хлюпала под ногами и капала сверху. Самое сильное впечатление оставило посещение «лавы» (подземная выработка с забоем большой протяжённости). Там мы буквально на четвереньках проползли около 50 метров (должен сказать, удовольствие ниже среднего). Ползёшь, высота около метра, кругом (снизу, сверху, с боков) тебя окружает мрачная чёрная масса каменного угля, над тобой нависает потолок, опирающийся на хлипкий крепёж (деревянные, реже металлические столбики), не внушающий доверия, кажется, что вот-вот потолок тебя придавит. Ситуация не для слабонервных. И когда я поднялся на поверхность, снял спецодежду и отмылся, я понял, почему шахтёрам необходимо снимать стресс и что им не зря платят большие деньги.

Из этой командировки я привёз в подарок маме тапочки из оленьего меха с народным орнаментом и в качестве северного сувенира оленьи рога. В Воркуте на базар в воскресенье съезжались окрестные оленеводы, у них я и купил две пары рогов.

Потом на деревянной подставке они довольно долго весели на стене в прихожей в качестве декоративного украшения, использовать их как вешалку для головных уборов, что предполагалось вначале, не довелось.

Вот такое осталось в памяти кратковременное, но запомнившееся знакомство с Севером Советского Союза.

Новости

* * *

Нынешний 2013 год выдался более чем урожайным на юбилеи известных писателей республики: 125 лет исполняется со дня рождения основателя коми театра, драматурга, поэта Виктора Савина, 95 лет — драматурга Василия Леканова, 85 лет — прозаика Ивана Торопова, 80 лет — поэта Альберта Ванеева, 75 лет — литературоведа Владимира Дёмина и др.

Каждый из них внёс значительный вклад в развитие коми литературы. Республика чтит их память: в Сыктывкаре, а также на родине юбиляров (в Корткеросском, Удорском, Койгородском и Прилузском районах) проводятся различные мероприятия, посвящённые жизни и творчеству знаменитых земляков, выходят новые издания книг, появляются новые спектакли в театрах республики. И так будет всегда, пока будет жив народ, из которого они вышли и которому посвятили всю свою жизнь. Вечная им память.

* * *

21–22 июня 2013 года состоялись XXVII праздник «Коми книга», X Всероссийские библиотечные Павленковские чтения, X юбилейный межрайонный детский фестиваль «Увлечённые чтением».

В этом году праздник собрал гостей из разных регионов России и Республики Коми: Пермский край, Челябинская, Кировская, Свердловская области, города и районы Коми. Гости у ворот Центральной библиотеки встретил детский фольклорный коллектив «Оз тусьяс». Участникам праздника была предложена игра «Волшебный туес», где были даны 2 вопроса и правильно ответившие игроки получали призы (часы с изображением эмблемы праздника «Коми книга» – 2013). После выступления юных артистов

директор ММУК «Удорская ЦБС» А. Р. Ванеева

Выставка «Духовное наследие Удоры».

Николай Чугаев.

*Елена Козлова, председатель
Союза писателей Республики Коми.*

Хорошая дудочка, пöлян легко отзывается и издаёт чистый и достаточно громкий звук. Также и слово талантливого поэта, писателя отзывается и остаётся в сердцах людей. На встрече принимали участие писатели и поэты Республики Коми и Удорского района: **Елена Козлова, Татьяна Канова, Николай Чугаев, Алексей Вурдов, Юрий Яковлев, Альбина Селиванова, Александр Вылегжанин, Светлана Говорухина, Анастасия Бушенева.** Своими воспоминаниями об отце и детскими впечатлениями об Удоре поделилась дочь

пригласила всех присутствующих на праздничные мероприятия.

Для желающих пообщаться с писателями была организована встреча «Читатель. Книга. Писатель», посвящённая 80-летию со дня рождения народного поэта Республики Коми Альберта Ванеева. Символом встречи стал «Пöлян гум» (в переводе — дягель, дудник), в народе его называют голосом земли. Вероятно, название растения связано с тем, что из его стеблей выделявали музыкальные инструменты — дудочки. Каждый инструмент — единственный продукт творчества мастера, также как и каждый поэт, писатель индивидуален в своём творчестве.

Хорошая дудочка, пöлян легко

Татьяна Канова.

поэта **Татьяна Альбертовна Скоробогатых.**

Во время встречи председатель Союза писателей Республики Коми Елена Васильевна Козлова презентовала читателям новую книгу А. Ванеева «Лебединая дудка» в переводе Андрея Расторгуева.

Для почитателей литературно-публицистического, историко-культурологического, художественного журнала «Арт» была организована встреча с заместителем редак-

Алексей Вурдов.

Павел Лимеров.

тора журнала Павлом Лимеровым, филологом, этнографом и ведущим научным сотрудником Коми отделения УрО РАН. Беседа проходила в форме вопрос-ответ, были затронуты проблемы духовно-нравственного характера. С пожеланиями успехов, новых творческих достижений, привлечения новых талантов к работе литературно-художественного издания «Арт» выступила директор Национальной библиотеки Республики Коми О. Р. Мифтахова.

Большое внимание гостей привлекла презентация фильма удорского писателя Алексея Вурдова «Дух Большого Субача». Данная картина является последней из трилогии фильмов «Земля моя Удорская». В своей кинокартине автор рассказывает о таёжной реке Субач. В этом фильме Алексей Вурдов сыграл роль легендарного лесного духа

этих мест — Ома. После просмотра автор фильма отвечал на интересующие вопросы зрителей. Фильм настолько заинтриговал их, что всем захотелось посмотреть и другие картины трилогии. В рамках праздника «Коми книга» ежегодно проходит межрайонный детский фестиваль «Увлечённые чтением». X (десятый) юбилейный фестиваль в этом году был посвящён 80-летию со дня рождения народного поэта А. Ванеева, Году окружающей среды в России, Году спорта в Республике Коми и назывался «Книжные острова». Всего на фестиваль поступило 178 работ из Удорского, Усть-Вымского, Ижемского и Троицко-Печорского районов.

В путешествие по книжным островам зрителей вели герои книги Елены Габовой и Натальи Макаровой «Дети древней земли» Настя и Мелек.

На фестивале принимали участие Елена Козлова, Татьяна Канова, Николай Чугаев, Юрий Яковлев, Александр Вылегжанин, Альбина Селиванова, Анастасия Бушенева.

Коллектив Центральной библиотеки им. А. Е. Ванеева выражает большую благодарность членам жюри фестиваля:

1. Афанасьевой Елене Евгеньевне, поэту, сотруднику журнала «Арт»;

2. Шомысовой Алёне Александровне, поэту, сотруднику журнала «Войвыв кодзув»;

3. Митину Николаю Александровичу, начальнику отдела физической

Встреча с писателями.

Коллеги с Павленковских библиотек.

*Павленковские чтения.
Выступает А. Р. Ванеева.*

Зазывала на Книжной ярмарке.

культуры, спорта и туризма администрации МР «Удорский»;

4. Шубину Алексею Николаевичу, преподавателю ИЗО и черчения;

5. Харламовой Вере Николаевне, главному хранителю музейных предметов ММУК «Национальный музей Удорского района»;

6. Бушениной Ирине Петровне, преподавателю дополнительного образования ГБС(К)ОУ школы-интерната № 8 с. Кослан.

Встреча в с. Глотова.

А также мы благодарим всех руководителей, принимавших участие в подготовке творческих работ ребят к фестивалю, детский фольклорный коллектив «Оз тусьяс» (руководитель Капарник А. Б.), ансамбль «Мича зонъяс» (руководитель Политова Е. И.), наших ведущих фестиваля Светлану Сажину и Сергея Доронина. Всех желающих приглашаем принять участие в

Участники X Всероссийских Павленковских чтений.

следующем межрайонном детском фестивале «Увлечённые чтением» в 2014 году. До новых встреч на Удорской земле!

Оргкомитет праздника «Коми книга – 2013».

* * *

В Национальном музее Республики Коми 16 августа состоялось открытие выставки «И смех, и слёзы, и любовь...».

Выставка приурочена к 125-летию Виктора Алексеевича Савина (1888–1943) — одного из самых известных и талантливых людей земли Коми, с именем которого связано зарождение коми национальной драматургии и театра.

Впервые, в рамках выставочного пространства, через показ подлинных фотографий, документов, личных вещей В. Савина, драматургов Н. Дьяконова, Г. Юшкова, В. Леканова, П. Шахова, Г. Горчакова, А. Ларева, В. Кушманова, Л. Терентьевой, эскизов сценографии, фрагментов декораций, костюмов к спектаклям, афиш будет представлена история драматургии республики.

Выставка рассказывает об истории зарождения коми театра и участниках первых постановок. Большой интерес представляют материалы о комедии Н. М. Дьяконова «Свадьба с приданым», ставшей событием не только в национальной, но и во всесоюзной и международной жизни. Концепция художественного решения выставки принадлежит главному художнику театра Эриху Вильсону.

Участники проекта: Национальный музей Республики Коми, Литературно-театральный музей им. Н. М. Дьяконова, Государственный академический театр драмы им. В. Савина.

* * *

На официальном сайте Этнокультурного парка «Финноугория» опубликована новая Концепция развития парка.

В программе детализированы мероприятия второго этапа развития Этнопарка, который охватит 2013–2020 годы.

Планируется, что Этнопарк со временем станет своего рода местом концентрации передовых технических, коммуникативных и демонстрационных средств популяризации этнической культуры всех финно-угорских народов. При этом главной целью останется формирование на территории Коми ресурса.

Вторая очередь строительства должна дополнить существующие в настоящее время на территории Этнопарка объекты двумя десятками новых. Среди них — центр научно-технического творчества и медиацентр, аквапарк и SPA-центр, гостиница на 100 мест, этнодеревня, охотничья тропа, ремесленные лавки, скалодром, подготовленные спуски для зимних видов спорта, студенческий хостел, площадка под палаточный лагерь, мини-городок символов Республики Коми и финно-угорских стран и регионов России и т.д.

Уже сейчас в Этнопарке строится новая автостоянка на 327 парковочных мест, кафе «Финноугория» модернизируется в ресторан финно-угорской кухни, в котором будет 110 мест вместо сегодняшних 60-ти, детская площадка наполняется сооружениями для отдыха детей от самого младшего до подросткового возраста.

Стилистически парк будет разбит на три зоны: прошлого, настоящего и будущего, каждая из которых будет соединена между собой «дорогой времени», идущей по всей территории комплекса.

* * *

С 19 сентября по 28 ноября 2013 года в столице Республики Коми, городе Сыктывкаре, пройдёт XI региональная художественная выставка «Российский Север», в которой примут участие мастера изобразительного искусства из 8 регионов Северо-Западного федерального округа Российской Федерации (Республики Карелии и Коми, Архангельская, Вологодская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, г. Санкт-Петербург) и Кировской области.

Институту региональных выставок исполняется 49 лет, и это знаковое историческое событие не может остаться незамеченным в художественной и общественной жизни страны. Республика Коми второй раз примет региональную художественную выставку. Впервые зональная выставка «Советский Север – 5» была показана в Сыктывкаре в 1979 году.

Грандиозный по масштабу выставочный проект будет насыщен событиями, которые развернутся на главных выставочных площадках города Сыктывкара и Сыктывдинского района. Посетителей ждёт разнообразная культурно-досуговая программа, просветительские мероприятия, презентации, творческие встречи.

2013 — юбилейный год для КРО ВТО «Союз художников России» и ГБУ РК «Национальная галерея Республики Коми». В рамках юбилейных мероприятий ведущих организаций художественного направления республики и работы выставки «Российский Север» планируется провести всероссийскую научно-практическую

конференцию «Художественная жизнь Северо-Запада России. История и перспективы».

К участию в работе конференции приглашены ведущие специалисты в области изобразительного искусства, музейщики и искусствоведы Москвы и Санкт-Петербурга, регионов-участников выставки. По итогам работы выставки планируется издание альбома-каталога, сборника статей научно-практической конференции.

* * *

Обращение

4 февраля (23 января по старому стилю) 2014 года исполнится 125 лет со дня рождения выдающегося сына земли Коми, одного из основателей современной социологии Питирима Александровича Сорокина. Мы не сомневаемся в том, что эту дату будут отмечать в самых разных странах.

Уроженец села Турья Княжпогостского района нашей республики, несмотря на тяжелейшие удары судьбы, в 1904 году с отличием окончил Гамскую второклассную школу. В дальнейшем были годы учёбы в духовной семинарии, участие в революционной деятельности партии эсеров, первое осуждение за эту деятельность, переезд в Санкт-Петербург, учёба в Психоневрологическом институте и на юридическом факультете университета. Ещё в годы учёбы в университете он начал заниматься научной деятельностью. Сорокин был активным участником революционных событий в 1910-х – 1920-х годах прошлого столетия в России. Однако в сентябре 1922 года был выслан из России вместе с женой Еленой Сорокиной (Баратынской). Обосновавшись в США, П. Сорокин продолжил свою педагогическую и научную деятельность, был основателем социологического факультета Гарвардского университета и первым его деканом в течение долгих лет. Социолог, автор концепций социальной стратификации и мобильности, известный общественный деятель, Президент американской социологической ассоциации — вот далеко неполный перечень его дел.

В 1998 году, когда в республике отмечали 110 лет со дня рождения П. Сорокина, в селе Турья была открыта стела и музей в память о нём, был также проведён конкурс на лучший проект памятника П. Сорокину. Конкурс выиграл тогда ещё молодой скульптор А. Ковальчук (сейчас это один из известнейших скульпторов России, председатель Союза художников России). К сожалению, памятник пока до сих пор существует лишь в макете.

В преддверии 125-летия со дня рождения П. Сорокина мы обращаемся к Правительству Республики Коми, к предприятиям, фирмам и организациям, работающим в нашей республике, ко всем, кому не безразлична память о нашем выдающемся земляке, с предложением о сборе средств для изготовления и установки в год юбилея памятника. Сбор средств будет организован через благотворительный фонд «Наследие» имени П. Сорокина», реквизиты которого будут объявлены дополнительно.

Исполком Межрегионального общественного движения «Коми войтыр»